

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

Д.БЛАГОЕВ

ЧТО ТАКОЕ
СОЦИАЛИЗМ
И ИМЕЕТ ЛИ ОН
ПОЧВУ У НАС

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

Д. БЛАГОЕВ

**ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ
И ИМЕЕТ ЛИ ОН ПОЧВУ У НАС?**

—

**МАРКСИЗМ
ИЛИ БЕРНШТЕЙНИАНСТВО?**

—

ОППОРТУНИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

—

К МАРКСИЗМУ

—

ДИКТАТУРА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?

**Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий выпуск «Библиотечки по научному социализму» входят работы Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» (1891), «Марксизм или бернштейнианство?» (1901), «Оппортунизм или социализм?» (1902), «К марксизму» (1911) и «Диктатура или демократия?» (1919).

Димитр (Дмитрий Николаевич) Благоев (1855—1924) был основоположником революционной социал-демократической партии Болгарии (тесняков), впоследствии преобразованной в Болгарскую коммунистическую партию, партию ленинского типа. Он был первым теоретиком марксизма в Болгарии, его выдающимся пропагандистом и популяризатором.

Д. Благоев родился в Македонии, в крестьянской семье. В 1878—1879 гг. он учился в Одессе, а затем в Петербургском университете (1880—1885). В России он прошел большую школу организационной и пропагандистской работы. Познакомившись с революционными кружками русских студентов, Д. Благоев изучил I том «Капитала» Маркса и стал горячим приверженцем теории марксизма. В 1883 г. Благоев организовал одну из первых социал-демократических групп в России («группа Благоева») и под псевдонимом Петр Егоров пропагандировал идеи социализма в среде петербургских рабочих. «Группа Благоева» (называвшаяся «партией русских социал-демократов») поддерживала связь с Г. В. Плехановым, труды которого способствовали формированию марксистских взглядов Д. Благоева. Царское правительство выслало Д. Благоева в 1885 г. из

России, как «нежелательного иностранца». С этого времени началась его революционная деятельность в Болгарии.

По мере развития капиталистических отношений в 80—90-х гг. XIX в. в Болгарии из разорявшихся крестьян и ремесленников начал складываться пролетариат. В 1905 г. в Болгарии насчитывалось уже около 80 тысяч промышленных и ремесленных рабочих. Но из них лишь около 10 процентов работало в крупной промышленности, остальные обрабатывали сырье на дому, т. е. были полуремесленниками. Это наложило определенный отпечаток на теоретическую и организационную деятельность болгарской социал-демократии.

Болгарская социал-демократическая партия была организована в 1891 г. Ее теоретической программой стала брошюра Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?». Это была первая оригинальная марксистская книга на болгарском языке, где в популярной, доступной для широкого читателя форме излагались основы марксистского учения применительно к болгарской обстановке.

В этой книге, а также в работах «Социализм и рабочий вопрос в Болгарии» (1900), «Экономическое развитие Болгарии. Индустрия или земледелие?» (1903) Д. Благоев идейно разгромил болгарских и русских народников-эмигрантов и показал, что социализм возникает как теоретическое выражение рабочего движения.

Народники пытались доказать, что в Болгарии нет условий для социализма и для рабочего движения, ибо это-де страна мелких собственников, отсталая в экономическом отношении, без рынков, без фабричного пролетариата. Они утверждали, что причины разорения крестьянства и ремесленников заключаются в политических факторах — полицейских методах управления, росте чиновничьего аппарата, милитаризации. Поэтому-де, учение Маркса о концентрации средств производства при капитализме неприменимо к земледелию. Будучи идеалистами, народники отрицали связь общественных идей с материальной жизнью общества и марксистское учение о классовой борьбе, как движущей силе общественного развития, всячески подчеркивали особую роль интеллигенции как творца идей.

Предприняв самостоятельное исследование экономического и общественно-политического развития Болгарии

второй половины XIX в., Благоев показал, что Болгария не представляет собой исключения и развивается по капиталистическому пути. Процесс разорения крестьянства и мелких ремесленников приводит к концентрации средств производства, к росту фабричного производства и пролетариата. А там, где есть пролетариат, есть и условия для социалистического движения. Следовательно, утверждал Благоев, необходимо применение марксистского учения о закономерностях развития капитализма к болгарской действительности.

Благоев показал, что социализм является результатом объективного развития капиталистического общества и его внутренних противоречий. При этом он опирался на открытый Марксом закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Значительное место в книге «Что такое социализм..?» Благоев уделяет вопросу о классах и классовой борьбе, который он считал одним из основных вопросов марксизма. Опираясь на учение материалистической диалектики о противоречиях, он подчеркивал, что классовая борьба является движущей силой общественного развития. Пролетариат везде стремится создать социал-демократические партии и взять государственную власть в свои руки. Поэтому и в Болгарии Благоев требует организации и укрепления партии революционного социализма.

Наряду с положительными марксистскими идеями книги «Что такое социализм..?» Благоев допустил в ней и ряд принципиальных теоретических ошибок. Так, критикуя анархистов по вопросу об отношении к буржуазному государству, Благоев ссылается на известную мысль Энгельса, что государство не может быть отменено, оно отомрет после победы социализма. Но при этом он утверждает, что средства производства стихийно, самым ходом экономического развития превращаются в общественную собственность еще при капитализме. Существенные отличия марксизма от анархизма в этом вопросе, по мнению Благоева, заключаются лишь в методах борьбы за власть: социал-демократы идут к социализму с помощью «законных средств» — всеобщего избирательного права, свободных выборов и свободной пропаганды идей научного социализма, — тогда как анархисты стремятся к этому путем организации заговоров и «бунтов». Благоев еще не ставил тогда вопроса о диктатуре пролетариата и не мог еще

дать марксистской критики анархистского лозунга об «отмене государства». В решении ряда принципиальных проблем пролетарской революции Благоев был не всегда последователен. Однако его борьба против народничества способствовала распространению марксистских идей в болгарском рабочем движении и организационному оформлению последнего. Борьба против оппортунистов, за самостоятельную классовую партию пролетариата, осложнилась засилием внутри партии разных групп и течений оппортунизма и мелкобуржуазного реформизма, почву для которых создавал мелкобуржуазный характер экономического и политического развития страны. Эта борьба продолжалась с 1894 по 1903 г. и в конце концов завершилась изгнанием реформистов и оформлением Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) в марксистскую партию рабочего класса, основанную на принципах единства действий и демократического централизма.

Работы Д. Благоева «Марксизм или бернштейнизм?» и «Оппортунизм или социализм?» посвящены критике ревизионистских извращений марксизма.

Болгарские оппортунисты (Я. Сакизов, Н. Габровский, Е. Дабев и др.) утверждали, что болгарский рабочий класс не нуждается в самостоятельной политической партии, и должен довольствоваться созданием «экономических организаций». Они проповедовали стихийность в рабочем движении. Я. Сакизов и его сторонники называли себя «общедельцами», потому что пропагандировали так называемое «общее дело производительных слоев», включая в их состав и крестьянство, и буржуазию, и пролетариат. Оппортунисты игнорировали классовую борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, а революции, социальные перевороты считали нежелательным явлением.

«...Как представители буржуазной идеологии внутри социал-демократии,— писал Д. Благоев впоследствии, в 1914 г.,— оппортунисты не верят в классовую борьбу и революцию пролетариата, а верят в возможность гармонии классов,— от сотрудничества которых ждут прогресса и разрешения противоречий капиталистического общества» *. Оппортунистическая тактика внутрипартийной

* Д. Благоев. Избранные произведения в двух томах, том II, София, 1951, стр. 665—666.

борьбы, как отмечал Благоев, была «вероломной»: под видом «широкого» понимания социализма оппортунисты требовали «свободы критики» марксизма, открывали двери партии для мелкобуржуазных элементов, стремились подорвать ее изнутри, заключали беспринципные соглашения в народном собрании (парламенте). Считая парламентскую борьбу одной из важных форм классовой борьбы, Благоев подчеркивал, что представители рабочего класса в парламенте должны вести непримиримую классовую политику в защиту своих интересов.

В работах «Марксизм или бернштейнианство?» и «Оппортунизм или социализм?» Благоев отстаивал марксистское учение о классовой борьбе, о революционной тактике пролетариата в борьбе с буржуазией, разработал организационные и идейные основы БРСДП (тесных социалистов).

В статье «Марксизм или бернштейнианство?», написанной в связи с переводом на болгарский язык книги Эдуарда Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», Благоев показал, что ревизионизм представляет собой интернациональное явление, что «общее дело», «теория производительных слоев» Я. Сакузова и др. есть бернштейнианство на болгарской почве.

Д. Благоев подверг беспощадной критике попытку Бернштейна извратить, вытравить революционную душу марксизма, его диалектику, подменить ее «уродливой метафизической теорией развития». Опираясь на марксистскую философию, Благоев показал несостоятельность эволюционистской концепции развития Бернштейна, утверждавшего, что переход к социализму заключается в постепенном ограничении реакционных буржуазных учреждений и расширении сферы действия демократических сил.

В борьбе против ревизионизма «общедельцев» Д. Благоев широко использовал книгу В. И. Ленина «Что делать?» (хотя вначале ошибочно считал ее автором Г. В. Плеханова). Основываясь на ее идеях, он подчеркивал значение систематического социалистического просвещения рабочих для борьбы против оппортунизма, необходимость соединения социализма с рабочим движением и создания самостоятельной революционной марксистской партии пролетариата. Эта книга сыграла большую роль в дальнейшем марксистском развитии Д. Благоева и теснечества в целом.

В 1901 г. в работе «Марксизм или бернштейнианство?» Д. Благоев писал о неизбежности диктатуры пролетариата. Однако впоследствии он не сумел удержаться до конца на ленинских позициях в этом принципиальном вопросе. В программе, принятой в 1904 г. XI конгрессом БРСДП (т. с.) по докладу Д. Благоева, вопрос о диктатуре пролетариата не был поставлен. В 1906 г., в период революционных событий в России, Д. Благоев издал свой основной труд «Очерки истории социализма в Болгарии», но и здесь отсутствовала важнейшая мысль о доведении классовой борьбы пролетариата до ее логического завершения — диктатуры пролетариата. Г. М. Димитров, характеризуя теснячество, крупнейшим теоретиком которого был Д. Благоев, говорил: «Тесный социализм не ставил вопроса о пролетарской диктатуре как основном вопросе пролетарской революции. Этот вопрос в программе нашей партии отсутствовал. Не сознавая еще, что новая фаза капитализма является его последней фазой, кануном пролетарской революции, партия не ставила конкретно вопроса о власти, о вооруженном восстании как средстве свержения власти буржуазии.

Тесный социализм не стоял полностью на ленинских позициях в вопросе о роли партии как боевого авангарда рабочего класса в революции, в борьбе за власть, хотя в вопросах строительства партии, ее организации и дисциплины он в значительной мере приближался к ленинскому учению о партии».*

Тесносоциалистический период в развитии болгарской социал-демократии совпал с дальнейшим развитием капитализма в стране. В 1910 г. число крупных промышленных предприятий, на которых работало около 17 тысяч рабочих, выросло до 800. Под влиянием русской революции 1905—1907 гг. в стране усилилось стачечное движение, руководимое БРСДП (тесных социалистов), в рядах которой рабочие еще в 1904 г. составляли более 50 %. Возникли профсоюзные организации болгарского пролетариата. Но хотя тесняки и осуществляли руководство стачечным движением, они смотрели на него, как на средство пробуждения классового сознания пролетариата, как на одну из форм легальной политической борьбы. Они не боролись за переход от отдельных стачек ко всеобщей поли-

* Г. Димитров. Избранные произведения, т. II, 1957, стр. 579.

тической стачке и от нее к вооруженному восстанию. В этом сказался практический отрыв экономической борьбы от политической, присущий теснячеству.

Однако революционная партия тесняков, несмотря на то, что она находилась под влиянием идей немецкой социал-демократии, серьезно отличалась от других партий II Интернационала. Предпринятые центристскими руководителями Интернационала попытки объединить тесняков и общедельцев в единой партии провалились. Необходимость отстоять революционность социал-демократии, оградить болгарский рабочий класс от реформизма требовала дальнейшей упорной работы по распространению марксистских идей среди членов партии.

С этой целью Д. Благоев написал в 1911 г. популярное руководство для изучения основ научного социализма, марксистской политической экономии и философии — «К марксизму». В этой книге он раскрыл тесную, неразрывную связь трех составных частей марксизма, показал, что научный социализм невозможен без общеметодологической философской основы, без политико-экономического исследования капиталистической и предшествующих ей формаций. Благоев показал, что материалистическая диалектика является не абстрактной философской теорией, а методом познания и преобразования действительности.

Большое место уделил Благоев марксистской теории классовой борьбы и государства, подчеркивая классовую сущность последнего. Он рассмотрел основные типы государства и показал, что оппортунистические «теории», отрывающие «формы управления» и «политические режимы» от экономической основы общества и соотношения классовых сил, являются типично буржуазными идеалистическими теориями.

Книга Д. Благоева «К марксизму» была маленькой энциклопедией марксистских знаний, сыгравшей значительную роль в идеологическом укреплении партийных рядов. Но и ей были свойственны общие черты ограниченности теснячества: неразработанность вопроса о диктатуре пролетариата, превращение в догму ряда марксистских положений. Благоев недооценивал роль субъективного фактора в истории, ему была присуща известная фетишизация экономических законов, якобы обеспечивающих «автоматический» крах капитализма.

Первая мировая война и Великая Октябрьская рево-

люция были поворотными вехами в идейной эволюции теснячества к большевизму. Уже в период балканских войн 1912—1913 гг. тесняки выступили против милитаризма и шовинизма. Начало первой мировой войны и последовавшее за этим предательство лидеров II Интернационала вызвало страстную отповедь Д. Благоева. В статьях «Magister dixit» (1914 г.), «Плеханов и Парвус» (1915 г.) он разоблачал социал-шовинизм теоретиков II Интернационала, вступив на дорогу идейного разрыва с ними. Тесняки под влиянием Благоева решительно выступили против втягивания Болгарии в империалистическую войну, сохранив верность интернационалистическому долгу. В. И. Ленин дал высокую оценку действиям тесняков, назвав их революционными социал-демократическими элементами, порвавшими с шовинизмом *. Дальнейшее развитие революционных событий привело тесняков к тому, что в 1917 г. они присоединились к лозунгу большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Тесняки и Благоев восторженно приветствовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В нелегальном «Воззвании к рабочим и мелким собственникам в городе и деревне» ЦК БРСДП (т. с.) призывал трудящихся «последовать примеру своих русских товарищей», уничтожить монархию и провозгласить демократическую республику. В 1919 г. Благоев написал статью «Диктатура или демократия?», в которой нашли отражение основные положения ленинской работы «Государство и революция». В своей статье Благоев защищал идею диктатуры пролетариата и разоблачал буржуазный реформизм и оппортунизм К. Каутского, оказавшегося в лагере врагов русской революции.

Под руководством Д. Благоева партия тесняков сделала первые шаги по пути большевизации и явилась одной из учредительниц Коммунистического Интернационала. Она включила в свою программу требование диктатуры пролетариата, взяла линию на союз с беднейшим крестьянством при нейтрализации середняков. Однако фактически партия допускала еще серьезные ошибки, в частности она не всегда умело использовала стихийно возникавшие движения масс. Переломным моментом в

* В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 298.

большевизации Болгарской коммунистической партии явилось Сентябрьское восстание 1923 г., когда под руководством коммунистов трудящиеся массы Болгарии выступили против капитализма и монархии. Восстание закончилось поражением революционных сил и кровавым фашистским террором, но оно дало огромный опыт классовых боев. В дальнейшем под руководством Г. Димитрова партия в непримиримой борьбе с правым и левым оппортунизмом выковалась как партия нового типа, способная руководить революционными силами народа. Она привела рабочий класс и трудовое крестьянство Болгарии к победе народного восстания 9 сентября 1944 г. и в наши дни ведет их к полному торжеству идеалов научного социализма.

В политическом отчете ЦК БРП(к) V съезду партии (1948 г.) Г. М. Димитров подвел итоги деятельности Д. Благоева и партии тесняков, дал ей историческую оценку*. «...Тесный социализм,— говорил он,— являлся революционно-марксистским течением, но не большевизмом на болгарской почве. Необходима была продолжительная борьба за большевизацию партии, для того чтобы она стала партией нового типа, марксистско-ленинской партией, какой она с чувством законной гордости пришла сегодня на этот съезд»**.

Теоретическое наследие Д. Благоева, негнибавшего революционера-марксиста, глубоко изучается в социалистической Болгарии, чтящей имя своего Дядо («Дедушки») — патриарха болгарского рабочего движения.

Л. Воробьев

* См. Г. Димитров. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. Политический отчет ЦК БРП(к) V съезду партии. Госполитиздат, 1958, стр. 118—125.

** Там же, стр. 125.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ И ИМЕЕТ ЛИ ОН ПОЧВУ У НАС? ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книгу, предлагаемую читателям, предполагалось написать еще три года назад, когда в наших газетах впервые был поставлен вопрос: имеет ли социализм почву у нас? ². Однако эта книга и сейчас актуальна. Вопрос о том, имеет ли социализм почву у нас, ставится все определеннее в последнее время. А из этого видно, что вопрос действительно требует ответа. Настоящая книга является ответом на этот вопрос. Читателям предоставляется право самим судить, является ли этот ответ полным и ясным.

Автор этой книги, как увидят читатели из ее содержания, как социалист, придерживается основ научного социализма и причисляет себя к тем болгарским социалистам, которые называют себя, как и большая часть социалистов в мире, социал-демократами. Этим болгарские социал-демократы коренным образом отличаются от тех еще неопределенных социалистов в Болгарии ³, которые своим поведением сумели представить наших социалистов вообще только в виде смешной фанатической, мистической секты. Но отличие болгарских социал-демократов от такого рода социалистов идет еще дальше. Объект деятельности социал-демократов у нас составляют наемные рабочие и кандидаты для этой, так сказать, общественной службы, а также и образованные люди, на которых мы возлагаем надежду, что рано или поздно они поймут объективный ход исторического развития нашего общества.

Вопрос о том, какое направление примет в нашей стране социалистическое движение в будущем, зависит от условий, в которые оно будет поставлено и от отношений к нему господствующего класса и его представителей. Однако болгарские социал-демократы признают, что мирная, открытая и легальная деятельность является самой

естественной. Только такая деятельность получит право гражданства для идей научного социализма и в нашей стране, так же как его получили социал-демократы в других странах. В настоящее время социал-демократы почти во всей Европе признаны легальной социалистической партией. Известно, что там, где за социал-демократами признано право гражданства и где правительства показывают свою терпимость по отношению к ним, не могут иметь места стремления осуществлять идеи и сочинять революции с помощью бомб и динамита. Примером этому нам служат Америка, Швейцария, Франция, Бельгия, Голландия, Германия и другие страны. А опыт других народов является обязательным для нас, если мы не хотим повторять ошибки, от которых другие страны не видели никакой пользы, кроме весьма большого вреда.

Автор книги верит, что он точно излагает взгляды болгарских социал-демократов. Его самым искренним желанием является то, чтобы он был правильно понят.

Еще два слова. Книга написана в маленьком провинциальном городке*, где научные источники являются редкостью. Поэтому автор использовал только те источники, которые имелись под рукой. Но он считал необходимым указать и на те источники, которых не было у него под рукой, но в которых читатель может найти более подробные сведения по этому вопросу. Если читатель сочтет недостаточными факты, приведенные в IV главе, пусть он имеет в виду, что собирать в нашей стране статистические сведения чрезвычайно трудно. Наша официальная статистика в наиболее важных областях сильно хромает. Так, например, о движении земли, т. е. о переходе ее из одних рук в другие, никаких сведений статистика не дает. Далее, из ведомостей земледельческих касс⁴ чрезвычайно трудно, даже невозможно видеть, сколько земли заложено. Статистических сведений о бедняках, которым оказана помощь общественными учреждениями, совсем нет и т. д. Некоторые данные, приводимые в IV главе, собраны лично автором и с помощью друзей, которым он выражает благодарность. Наконец, автор старался изложить идеи научного социализма популярно, насколько позволяла научность предмета. Оставляя беспристрастной критике сказать, достигла ли своей цели эта книга.

* — г. Тырнов. — *Ред.*

Глава I

Что такое социализм и что хотят социалисты? — Слово *социализм* и его значение. — Примеры. — Какая самая главная цель современного социализма? — *Народное хозяйство* в настоящее время. — Социалистическое народное хозяйство и его преимущества. — Труд как основа социалистического народного хозяйства. — Общественно необходимое рабочее время и распределение продуктов в социалистическом обществе.

Вы слышите, о чем говорят? Все о социализме, что он якобы не имеет почвы у нас, то есть не имеет места в нашей стране. К тому же, даже оставив в стороне причину того, почему так говорят, они путают две различные вещи — социализм с составом социалистической партии. Разве это одно и то же? Наконец, что совсем уж никуда не годится, они ничего не пишут, что такое социализм и что хотят социалисты?

Если уж на то пошло, давайте сами попробуем разглядеть, имеет ли социализм почву у нас. Но прежде чем это сделать, по нашему мнению, надо понять, что такое социализм и что хотят социалисты. Это тем более следует сделать, чтобы и другие смогли судить, насколько мы правы.

Тогда начнем с того, что такое социализм и что хотят социалисты. Это большой вопрос, но мы попытаемся ответить на него как можно яснее. Слово *социализм* происходит от глагола *социализировать*. А это слово на болгарском языке означает: сделать что-либо общественным. Лучше всего поймем это на примерах.

Лет 200 назад во всех странах, а у нас даже лет 30—40 тому назад, послать что-либо, например, письмо, из одного города в другой или из одного государства в другое можно было только с помощью частных лиц — кираджиев*, которым каждый должен был платить отдельно. Эта работа была частным делом каждого жителя. Разумеется, что пересылка писем и т. п. происходила очень медленно, со значительной потерей времени, с большими расходами и трудностями. Тогда не было еще такого учреждения, которое сейчас называется почтой. Но появились такие частные лица, которые перекупили переноску почты только в определенные пункты, а в остальные населенные пункты купили другие лица. Так что жители нескольких, например, городов, чтобы переслать свои письма и другие различные посылки, платили деньги за это одному человеку, а жители других городов — другому такому человеку. Наконец люди увидели, что такая пересылка почты не является ни удобной, ни разумной. Они убедились, что лучше будет, если все станут платить одному человеку для этой цели. Но кому? Кто же обслужит всех и докажет, что не будет злоупотреблений, что пересылка писем, книг и других посылок будет происходить быстро и регулярно? Кто по-настоящему может обеспечить весь народ? Конечно, это может сделать само общество, весь народ, как принято сейчас повсюду. Таким образом, пересылка писем, то есть почты, стала общественным делом. Все общество, весь народ платит общей почте, которая обязана одинаково всем пересылать их письма. Сейчас на это дело тратится меньше труда и времени, оно стоит много дешевле, да и риска меньше. И это ведь хорошо, разумно и удобно? Разумеется. Едва ли кто может сомневаться в этом. Мы бы назвали сумасшедшим любого, кто взялся бы нам проповедовать, что почту надо ликвидировать и что о пересылке писем и книг каждый должен заботиться сам. А между тем это дело не полностью социализировано, то есть получение пользы от этого учреждения не полностью общественно, как это должно быть. Это ясно, потому что все люди одинаково платят на содержание почты, но не все одинаково ею пользуются. Имеются села и города, куда почта не идет или куда она доходит очень медленно. Наконец, из-за бедности и

* Кираджия — перевозчик товаров гужом или верхом. — Ред.

необразованности бóльшей части населения почтой пользуются в большинстве случаев богатые, и она стоит сравнительно еще очень дорого. А все это дело можно организовать так, чтобы все одинаково пользовались почтой с меньшими расходами, тратой времени и труда.

Другой пример. Лет 50—100 назад, а в нашей стране 15—20 лет тому назад, каждый заболевший должен был сам искать доктора, чтобы получить медицинскую помощь. Врачи, как известно, используя свою профессию, хотели и хотят обогатиться и потому получить за лечение побольше денег, а бóльшая часть народа является бедняками, и они не лечились, умирали и распространяли болезни на все общество. Да и те, кто мог вызвать врача на дом, не видели пользы от такого лечения, потому что у них или плохие жилищные условия, или плохое питание и уход. И болезни снова распространяются. Мало-помалу люди начинают сознавать, что разумнее организовать лечение на общие средства, в общественных больницах, в которых больные могут получить эффективное лечение, и хорошее питание, и приличный кров, и необходимый уход. А что это означает? Ведь средства на народное здравоохранение становятся общественными? Плохо ли это? Можно ли отрицать пользу общественных больниц? Но с другой стороны, не все люди, которые платят за общее лечение, имеют возможность им пользоваться. Во-первых, потому, что общественные больницы построены не везде, а только в городах, вдали от небольших городов и сел, и, во-вторых, потому, что большая часть народа — бедняки и необразованные люди, и они не пользуются больницами. Между тем, в настоящее время существует много болезней, которые угрожают не только тебе и мне, но и всему обществу, всему народу. А откуда происходят болезни? От непосильного труда, от плохого питания, от плохих жилищных условий, от несознательной жизни, которую ведут сейчас люди. Не так ли? Вот почему теперь нужно тратить много денег, времени и труда и все же нельзя сохранить здоровье народа. Неужели нельзя устранить причины болезней, чтобы общественное лечение стало доступным для всех и забота о здоровье народа стоила в сто раз дешевле? Разумеется, можно. Но для этого нужно, чтобы средства, идущие на народное здравоохранение, стали действительно общественными, социализированными.

Еще один пример. Было время, когда совершенно не было школ, а кто хотел учить своих детей, должен был или сам их учить, или искать для них учителя. Потом богатые стали объединяться и открывать школы для своих детей. Понятно, что у богатых есть время учиться, потому что они не трудятся. С распространением образования они захотели открывать школы более высоких ступеней. Но для этих школ необходимы такие высокие расходы, что их оплатить может только весь народ. Так и произошло. Особенно теперь на содержание высших школ, то есть университетов, гимназий и других учебных заведений платят все, весь народ. Как говорится, и школы стали в конце концов общественным делом. Но в то время как все платят деньги на содержание этих общественных школ, не все, однако, могут пользоваться ими: те, кто больше всех платит, пользуются очень редко или вообще не пользуются ими, потому что большая часть народа очень много работает и является бедняками. А между тем дело можно поставить таким образом, чтобы каждый мог до известного возраста, например до 21 года, учиться.

Чтобы объяснить значение глагола «социализировать» (то есть сделать что-либо общественным), от которого происходит слово «социализм», можно привести еще много примеров таких, как появление телеграфа, железных дорог, шоссе и мостов, освещение улиц в городах и т. д. Но лучшим примером является следующий:

Было время, а у некоторых народов, которые отстали в своем развитии, это существует и до сих пор, когда везде любой работник являлся одновременно и владельцем орудий труда, которыми он производил необходимые для жизни предметы. Каждая семья производила сама все, что ей было необходимо для поддержания жизни ее членов. Но теперь положение другое. Возьмем, к примеру, Европу и Америку. Земля там в руках немногочисленных землевладельцев, а большая часть народа превратилась или превращается в бездомных рабочих. Например, «половина Англии, — говорит профессор Парижского антропологического общества Летурно, — принадлежит 150 лицам, половина Шотландии — 10 или 12. 17 собственников владеют землей площадью более миллиона гектаров*, которая стоит две тысячи пятьсот миллионов; из 31 млн. гектаров

* Один гектар равен 10 дююмов (турец.).

земли в Англии 2 238 человек владеют 16 млн. гектаров. Во Франции, как показывает последняя перепись, положение такое же и, несмотря на большое количество земельных участков, крупная собственность распространяется на 35 процентов всей земли, обложенной налогами» *. Такое положение существует почти везде, с маленькой разницей, которая исчезает из года в год. Производство всех существующих богатств происходит при помощи машин, на фабриках, которые по своим размерам равны нашему обычному городу. На этих фабриках круглые сутки работают тысячи огнедышащих машин и многие сотни тысяч наемных рабочих. Фабрики и машины, как и земля, принадлежат немногочисленным компаниям, обществам, объединяющим менее ста человек, а весь народ превращен в рабочих, которые трудятся 10—14 часов в день за вознаграждение, которого едва хватает им на поддержание жизни. Но труд этих рабочих разделен между ними так искусно, что каждый работник производит только часть одного предмета. Так, например, работа на фабрике, которая производит швейные иглы, разделена таким образом, что одни рабочие делают проволоку, другие ее режут, третьи полируют, четвертые точат концы, пятые делают ушки и так далее. Таким способом за короткий промежуток времени на фабрике изготавливаются миллионы иглол. Так что на фабриках, как и в сельском хозяйстве, народный труд собран, распределен точно между рабочими и организован таким образом, чтобы каждый рабочий изготовлял как можно больше предметов. При этом продукты на фабриках и на земле производятся не для удовлетворения нужд ни тех, кто их сделал, ни фабрикантов, а для всего народа, всех народов и даже покупателей вообще, которые их могут приобрести. А из этого разве не видно, что народный труд и производство богатств, производство продуктов приняли общественный, социальный характер? В этом нет никакого сомнения. Но взглянув на это дело под другим углом зрения, увидим, что производство находится в частных руках нескольких сот человек, которые им управляют в своих личных целях, то есть чтобы стать богатыми, получать прибыли. Это самое большое противоречие в современных законах и самая вопиющая несправедливость теперешнего общества состоит в том, что

* *Ch. Letourneau. L'Evolution de la Moral. Paris, 1888, p. 388.*

миллионы рабочих производят большие богатства и живут в нищете, а эти богатства присваиваются лишь несколькими сотнями человек. Наконец, настоящее производство *товаров* происходит без всякого заранее выработанного плана. Фабриканты и землевладельцы производят предметы, не зная, сколько их нужно и где они необходимы: поэтому в настоящее время рынки все чаще переполняются очень большим количеством товаров, которые остаются нераспроданными и которые не могут быть проданы. А это переполнение рынков товарами останавливает дальнейшее производство, армия рабочих остается без работы: нищета рядом с огромнейшими богатствами растет и делает невозможным дальнейшее развитие народного хозяйства, то есть промышленности, земледелия, техники и т. д. Становится ясным, что необходима полная социализация, превращение фабрик, машин, земли, рудников, средств сообщения, вообще средств производства общественных благ из частной собственности в общественную, социальную собственность и организация общественного производства по одному, точно выработанному плану в соответствии с нуждами всего народа, самих производителей.

Итак, социализация, превращение в общественную собственность всех средств, необходимых для жизни, здоровья, умственного и нравственного развития всего народа, является общим содержанием того учения, которое называется *социализмом*. Превращение теперешнего частнокапиталистического производства в общественное, превращение всех орудий производства — машин, необрабатываемой и обрабатываемой земли, рудников, средств сообщения — в общественную собственность, которая будет управляться специальными промышленными учреждениями, переход теперешнего частнокапиталистического присвоения общественных благ в общественное их распределение, то есть чтобы оно стало возможным для всех и для каждого в отдельности — в этом заключается *главная цель* сегодняшнего, современного социализма. Тех, кто следует этому учению и работает по его распространению и для осуществления социалистических идеалов, называют *социалистами*.

Мы уже сказали, что главная цель современного социализма — превратить средства производства и присвоение благ из частных в общественные. Это самое

главное стремление современных социалистов. Иначе и не может быть, потому что все зависит от того, как организовано производство общественных благ. Если изменится организация производства, то все остальное изменится само по себе — все другие учреждения отпадут сами по себе и заменятся новыми, отвечающими требованиям этой новой организации. «Поэтому,— говорит А. Шефле,— современное социалистическое движение, прежде всего, стремится коренным образом преобразовать экономические порядки, существующие в настоящее время, и в этом все согласны» *.

И действительно, когда средства производства из частных станут общественной собственностью, только тогда они могут быть превращены в общественные и другие средства, которые делают народ сильным и свободным. «Пролетариат (то есть рабочие),— говорит известный социалист Ф. Энгельс,— берет общественную власть и обращает силою этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными» **.

Все это непреодолимая истина. Но самое важное очень поздно доходит до сознания как народа, так и каждого человека. И действительно, что является самым важным для народа и каждого человека? Разве не то, чтобы он и его поколение были сыты, обеспечены питанием, одеждой, жилищем, здоровьем? Это является первым условием для жизни народа, как и для жизни каждого человека. От

* А. Шефле. Сущность социализма. Женева, 1891, стр. 2.

** Фр. Энгельс. Развитие до научного социализма. Габрово, 1890, стр. 61. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 145.— Ред.)

него зависит все остальное. В этом заключается истинная цель общества. Поэтому люди живут вместе, в общежитии. Но что мы видим? С тех пор как нам стала известна история, да и в настоящее время, народы и их поколения никогда не были обеспечены самым необходимым. В народном хозяйстве и сейчас господствуют безначалие, неразбериха. Все зависит от произвола частных лиц, в нем господствует борьба частных интересов. История человечества является историей междоусобных и международных войн разных классов с целью защитить свои личные интересы и обеспечить себя средствами к жизни. Как раз 100 лет тому назад стали это признавать. Так, например, в конце прошлого столетия известный немецкий философ Фихте писал: «И к общему враждебному отношению, которое существует между народами из-за границ их земли, присоединяется еще один новый повод — торговые интересы; возникает всеобщая скрытая борьба из-за торговых отношений. К частному интересу, который заставляет каждого для себя получать пользу, присоединяется еще интерес заставить других проиграть; часто бывает, что радуются проигрышу, даже не получив никакой пользы, и делают только одно зло... Борьба этих торговых интересов нередко бывает истинной причиной войн, которые начинаются под другим предлогом... Наконец, из торговых интересов возникают такие дикие политические понятия, которые и представить невозможно, и из-за этих понятий возникают войны, причина которых уже не скрывается, а выплывает наружу перед всеми» *. Лет 50 назад еще яснее сказали об этом Карл Маркс и Фридрих Энгельс. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» **. И примечательно, что для этих междо-

* *Фихте*. Замкнутое государство. Библиотека европейских писателей и мыслителей. Петербург, 1883, стр. 110—111.

** *К. Маркс и Фр. Энгельс*. Манифест на Коммунистическата партия. Русе, 1891, стр. 8. (См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., том 4, стр. 424. — *Ред.*)

усобных и международных войн различных классов народы легко подчиняются строгой народной организации, какой является армия, в которой каждый, достигнув 21 года, обязан отслужить в продолжение двух или трех лет, а народное хозяйство — основа всего — до сих пор ведется без какого-либо строгого и обязательного порядка. То, от чего зависит благоденствие народов, — народный труд и народное производство, — ведется без всякой строго плановой организации.

И действительно, кто владеет средствами — землей и орудиями производства, с помощью которых производятся общественные блага? Ими владеет несколько тысяч частных лиц. Само производство предметов управляется повсеместно несколькими тысячами частных лиц или сотней компаний, обществами капиталистов для их личной пользы, без всякого контроля со стороны общества, народа или какого-либо учреждения, уполномоченного им. Возможно ли это? Возможно ли, чтобы самое главное — народное хозяйство целых народов — было только в руках нескольких частных лиц, которые им управляют в соответствии со своими личными интересами? Как ни странно, но это так. Мы видели, что производство предметов происходит без учета нужд определенных людей и без того, какими бы большими ни были эти нужды, т. е. без всякого плана. Мы уже говорили, что по этой причине в настоящее время все чаще рынки переполняются товарами, которые не могут найти сбыта, и поэтому производство останавливается. Что же происходит? А то, что труд миллионов рабочих идет на ветер, что средства производства тратятся без пользы для народа. Большею глупости, чем эта, не может быть, но она существует. Передача продуктов труда с фабрик тем, кто может их приобрести, то есть торговля, также происходит очень неразумно. И действительно, пока предметы, *товары*, дойдут с фабрики до тех, кто может их приобрести, до *потребителей*, до покупателей, они должны пройти через тысячи рук, через руки тысяч торговцев, посредников, комиссионеров, самсаров⁵ и различных перекупщиков. И что происходит? Оставим в стороне то, что цены на предметы повышаются. А сколько времени тратится напрасно, сколько народного труда идет на ветер! Но все это еще неразумнее происходит у народов, которые отстали от других в своем развитии.

И это понятно. Достаточно проехать через села и города этих народов, чтобы убедиться в этом. Сперва посмотрим, что делается в селах. Первое, что мы увидим, это раздробленность земли между большим количеством крестьян. Как они обрабатывают землю? Первобытными сохами и работают первобытными методами по 16—20 часов в день. И что же? Сколько человеческих сил тратится напрасно и как не по-человечески живет громадная часть народа в то время, когда наука, искусство и техника дают возможность производить в тысячи раз большие богатства с затратой труда в тысячи раз меньше! А почему люди не используют эти возможности? Говорят, потому что они необразованные, невежественные. Вот у нас, например, окружные управители и разъездные сельскохозяйственные учителя⁶ постоянно жалуются на невежество народа, потому что он не желает покупать машины*. Правда ли это? Действительно, крестьяне не желают покупать машины. Но почему они не хотят? Конечно, во-первых, потому что машины стоят много денег. Во-вторых, предположим, что крестьяне могут купить машины. Спрашивается, могут ли они пользоваться этими машинами? Ведь для того, чтобы работать на машинах, нужно землю сосредоточить в руках тех, кто владеет машинами. Иначе самая хорошая машина ни к чему. Может ли земледелец, у которого имеются даже тысячи декаров земли, использовать машины и применить все технические усовершенствования в земледелии, если его земля разбросана на различных участках? Ясно, что не может. Другие народы применяют машины, но там, как мы видели, земля собрана в руках нескольких крупных землевладельцев, а крестьяне превращены в простых наемных рабочих. Разумно ли будет, если народное сельское хозяйство передать в руки нескольких крупных землевладельцев, которые будут управлять им по своему желанию, для своей личной выгоды, а крестьяне превратятся в бездомных рабочих? Несомненно, неразумно. Но в тысячи раз все же неразумнее целыми днями гнуть спину на земле и всю жизнь не догадываться, что ты человек, вечно быть бедняком и прозябать в невежестве. Если народ стоит на такой ступени, то это значит он обрекает самого себя на вечную бедность и вечную зависимость. Чтобы увековечить

* См. Доклады окружных управителей окружным советам за 1890 г.

это состояние, нужно, как хорошо сказал Пекер, провозгласить посредственность во всем. Что тогда остается? Ясно, что единственно разумное — это превратить землю в общественную собственность, и управление земледелием станет общественным делом. «Для того, чтобы не развивалась бедность в такой мере,— говорит Эмиль де Лавеле,— в какой развивается богатство, г-н Джордж видит только одно средство: превратить землю в государственную собственность... В последние годы жизни Стюарт Милль предлагал, чтобы увеличение ренты (дохода), которая является плодом коллективного (общего), социального, общественного прогресса, а не личных усилий собственников, стало государственным» *.

Посмотрим теперь на города отсталых народов. Где бы ты ни проезжал, везде тебя поражает одно и то же — эти народы совершенно не ценят ни времени, ни труда. И действительно, проходишь по улицам любого города и что видишь? Тысячи лавочников, которые продают одни и те же товары, тысячи ремесленников, вынужденных от зари до вечера, поджав по-турецки ноги, сгибаясь с иглой в руках, делать одно и то же. И что же? Довольны ли они, здоровы, богаты или образованны? Знаем, какие они. Каждый просыпается с беспокойством на сердце — продаст ли он сегодня что-либо? Будет ли у него на завтра и послезавтра хлеб? Он открывает свою лавку с тайной завистью к соседу, с тайным желанием, чтобы все другие торговцы пропали, чтобы остался только он сам, и его обуревают много других не христианских и не человеческих желаний. Оставим это. Но сколько труда, сколько времени народ тратит напрасно, когда все может быть иначе, когда дела могут быть организованы так, чтобы все люди были обеспечены.

И действительно, тратилось бы в тысячу раз меньше времени и труда, если бы вместо тысячи лавок в каждом городе было по одному общественному магазину? В этом общественном магазине делались бы заказы по выставленным образцам всех товаров, которые производятся народным хозяйством. Этот магазин соединяется с окружным общественным складом товаров, со своей стороны соединенным непосредственно с домами граждан, которым и

* *Emile de Laveleye. Le Socialisme Contemporain. Paris, 1888, p. 303.*

направляются сделанные ими заказы. Вы скажете, что это фантазия, что так невозможно сделать? Неправда. В больших городах Европы и Америки это наблюдается уже и сейчас. Поезжайте в Париж, Лондон, Нью-Йорк и другие города мира и вы увидите, что в больших магазинах торговля производится именно таким образом, только этими удобствами пользуются лишь богатые и на это еще много тратится времени и труда. Далее, если тысячи ремесленников, о которых мы выше говорили, вместо того, чтобы каждый сидел, поджав под себя по-турецки ноги, и ковырялся с иглой по 15—18 часов в день, собрались бы в одной или двух фабриках в Болгарии и работали с помощью машин, тогда как легко было бы одеть весь наш народ! А если все народное хозяйство будет разделено на несколько отраслей, сколько нужно для полного обслуживания народа, и в каждой отрасли будут применяться машины, мастерство, техника, — тогда с затратой такого ничтожно малого количества труда все были бы сыты, одеты и здоровы!

Вообще, если народное хозяйство превратится в общественное дело, организованное по заранее разработанному плану и управляемое уполномоченным народом учреждением, польза от него для всех будет неисчислима. И действительно, если средства производства станут общественной собственностью и народное хозяйство получит строго разработанный порядок, если блага, произведенные таким образом, приобретаются непосредственно потребителями в общественных магазинах, важнейшей пользой от этого будет то, что все теперешние учреждения с непроизводительной армией чиновников станут ненужными, и народное хозяйство получит новые производительные силы, которые до сих пор оно кормило без всякой для себя пользы. Далее, борьба, зависть, которые существуют между людьми при теперешних порядках, когда каждый видит свое счастье в несчастье других, исчезнут и заменятся благородным соревнованием — каждый должен будет выполнить свой долг по отношению к обществу, которое ему обещает спокойную жизнь. С другой стороны, с ликвидацией бедности, являющейся сейчас источником многих преступлений, станут ненужными полиция и тюрьмы. Наконец, с ликвидацией теперешней торговли со всеми ее учреждениями — с различными видами ростовщичества, деньгами, обменом, продажей и другими уч-

реждениями, основанными на борьбе частных интересов, — исчезнут источники вечных споров между гражданами, исчезнут теперешние суды с их ужасно запутанным судопроизводством вместе с многочисленными адвокатами. Короче говоря, устранился все то, что ожесточает людей и делает их похожими больше на зверей, чем на людей.

Социалисты хотят, чтобы осуществился такой общественный порядок, и они работают в этом направлении.

О положительных принципах, на которых будет базироваться социалистический порядок, мы не будем здесь говорить, потому что это дело долгое и длинное. Кто желает более глубоко ознакомиться с положительными основами будущего социалистического общества, пусть прочитает самое главное сочинение по социализму «Капитал» Карла Маркса, или, как его называл Шефле, «Новое евангелие» рабочих *, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, «Сущность социализма» А. Шефле, «Будущий век» («Через сто лет») американца Беллами **. В этой работе мы ограничимся изложением вопроса о самых главных основах будущего социалистического порядка. Что является самыми главными основами будущего социалистического общества? Нет сомнения, что это *труд*, то есть когда всякий после получения образования будет обязан в продолжение нескольких лет участвовать в национальном производстве в качестве простого рабочего, а после этой общеобязательной службы в производстве будет работать еще до известного возраста на общество в соответствии со своими наклонностями и способностями. Право всякого пользоваться благами общественного производства будет определяться лишь общественной полезностью его труда. *Qui non laboret, nec manducet* — кто не работает, тот не имеет права есть, — это нравственное правило будет краеугольным камнем социалистического порядка. Это правило только в будущем социалистическом обществе найдет свое полное справедливое применение и будет служить самым главным стимулом к труду. Если се-

* Тем, кто читает по-французски, лучше всего стоит прочесть французский перевод — К. Маркс «Le Capital», так как он просмотрен и дополнен Марксом.

** Те, кто знает английский язык, могут прочитать по этому вопросу книгу американца Лоренса Грондленда: «The Kooperative Commonwealth in its Outlines», English edition, 1886.

годня труд одному служит наказанием, а другому вселяет отвращение, причиной этого является то, что труд чрезмерен, очень тяжок, а продуктами труда не пользуются те, кто всех больше работает. С другой стороны, из-за бедности и неразумного ведения народного хозяйства человечество не может полностью применить к производству благ умение, машины и все технические знания. А поэтому и *общественно необходимое* время считается еще более продолжительным, чем оно может быть в социалистическом обществе. Здесь грубый физический ручной труд заменится везде машинами, труд станет только приятной обязанностью, которая увеличится еще от сознания, что каждому полностью обеспечена жизнь, и самое главное, что *общественно необходимое* рабочее время сократится до самых малых размеров.

Общественно необходимым рабочим временем называется время, которое необходимо обществу, народу для производства предметов, нужных для его существования. Это зависит, разумеется, от средней степени мастерства и напряжения, применяемых при производстве необходимых продуктов. Нет сомнения, что с введением машин и технических знаний средняя степень искусности народов увеличивается все больше и больше, а напряжение уменьшается... Например, при теперешнем мастерстве и напряжении нашего народа, чтобы произвести все предметы, необходимые для существования, каждый должен работать в среднем не менее 14 часов в день. С введением машин это необходимое рабочее общественное время сократится наполовину. При сегодняшнем применении машин в производстве продуктов считается, что общественно необходимое время для других народов составляет не более 6 часов. В социалистическом обществе общественно необходимое рабочее время будет служить основанием при разделении национального производства на различные отрасли в соответствии с различными нуждами народа. С другой стороны, определится и личное участие каждого человека в народном производстве. Это рабочее время, несомненно, в социалистическом обществе будет меньше, чем мы предполагаем сегодня, возможно раза в два меньше. А при таком сокращении рабочего времени труд, конечно, не может не быть приятной обязанностью.

Итак, при социалистическом порядке общественная полезность труда каждого работника будет основанием

для распределения общественных благ между всеми. В социалистическом обществе будет иметь значение только полезность работы, а не количество предметов, произведенных одним работником в определенное рабочее время. Различие людей по способностям и силе, может быть, останется навсегда, но это ничего не значит, потому что не нарушает чувства справедливости. Для общества имеет значение то, чтобы каждый работал. При социалистическом порядке, если более способный приложит на работе меньше старания, а менее способный будет больше стараться, то общество, народ всегда выскажет большую благодарность, конечно, второму. А может ли, действительно, общество меньше вознаграждать менее способного, который на работе применяет все свои силы, чем более способного, который старается меньше, но производит столько же, сколько и первый? При социалистическом строе осуществится то великое нравственное правило, которое гласит: «Кому много дано, с того много и спрашивается» *.

Из вышесказанного, однако, видно, что принцип, по которому будут распределяться общественные блага, зависит от способа их производства. А так как от способа производства зависит все, то с преобразованием теперешнего частного производства в общественное преобразуются и нравственные понятия людей.

Способ распределения, говорит Карл Маркс, изменяется в зависимости от производительного организма общества и в зависимости от исторического развития производителей. Разумеется, иначе и быть не может, потому что все ощущения, все действия человеческой совести не что иное, как отражение изменений мира вещей, действительности. «Нет сомнения,— говорит Ф. Ланге,— что последовательный материалист будет отрицать, что ощущения существуют отдельно от материального. Он также не видит в проявлении совести ничего, кроме отражения обыкновенных вещественных изменений» **. Так что с осуществлением социалистического строя за короткое время преобразуется и сознание людей.

Никто, разумеется, не говорит, что социалистические порядки осуществляются завтра или послезавтра. Но все же нет сомнения в том, что чем дальше мы идем, тем больше

* См. *Беллами*. Будущий век. Петербург, 1890.

** *F. A. Lange*. *Histoire du Materialisme*. Paris, 1879, p. 30.

растет сознание, что к социализму ведет нас историческое развитие. Принимая во внимание большое развитие современных производительных сил, а также и то, что в настоящее время международное социалистическое движение всюду усиливается, можно сказать, что недалеко время социалистического переворота. «И только с этого момента,— говорит Ф. Энгельс,— люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» *. Именно этого и хотят социалисты.

Учение, которое вносит это сознание, которое объясняет законы исторического развития в прошлом и настоящем и указывает путь сознательного исторического развития человечества в будущем, *это учение есть социализм.*

Глава II

Закон исторического развития человечества.— История народов — история классовой борьбы.— Происхождение классов.— Способ производства в первобытных общинах.— Способ производства и обмена у древних народов.— Феодальный и цеховой способ производства и обмена в средние века.— Мануфактурный способ производства и обмена в новые времена.— Современное капиталистическое производство.— Оно вовлекает все народы в свой путь развития.

Из предыдущей главы мы уже видели, что современный социализм является учением, представляющим собой плод исторического развития человечества. Мы видели, что способ производства и способ обмена в настоящее время все социализируют, все превращают в общественное, то есть ведут нас к социализму. Короче говоря, к социализму нас ведут законы исторического развития человечества.

Действительно, в жизни народов все зависит от способа, в соответствии с которым производятся предметы, то

* Фр. Энгелс. Развитие до научного социализма. Габрово, 1890, стр. 58. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 143.— Ред.)

есть от способа производства и способа обмена предметов. Как мы уже говорили в предыдущей главе, в настоящее время все предметы производятся с помощью огнедышащих машин и в больших количествах, а обмен этих предметов происходит путем купли-продажи, при которой их цена определяется *деньгами*, и поэтому теперь производимые предметы превращаются в *товары*, а товары в деньги, и деньги снова превращаются в товары. Разумеется, этот способ производства и обмена предметов не существовал вечно, а только сложился некоторое время тому назад. Было, например, время, когда люди не знали никаких орудий производства предметов, и в то время люди были, конечно, самыми бедными и слабыми. Позднее они изобретают стрелы и лук, научились делать из камня молотки, лопаты и другие инструменты, затем изобретают соху, научились сеять хлебные злаки, плавить металлы и пользоваться ими. С тех пор как люди изобрели первые орудия, долгое время производство было общественным. Когда люди узнали лук и стрелы, то они уже жили небольшими или большими общинами, небольшими или большими *родами*, в которых работа была общей, а предметы, полученные в результате общего труда, были разделены между всеми членами общины. Так, например, было во всех охотничьих общинах, когда люди занимались в основном охотой. Когда общины стали уже заниматься земледелием, земля принадлежала всей общине, являлась общественной собственностью и обрабатывалась сообща, а собранные плоды делились между членами общины. Так, например, было у всех первобытных народов, а остатки этих порядков встречаются до сих пор в деревнях некоторых стран. Например, по свидетельству Страбона, в Индии земля являлась общественной собственностью, обрабатывалась общими силами, а после уборки плоды делились между членами общины. В некоторых частях Индии такие общины сохранялись до конца прошлого века. У славянских народов, как например у южных славян, до последнего времени встречалась «задруга», а у русских до сих пор имеются сельские общины, в которых земля считается общей и только время от времени вновь делится между ее членами. В первобытных общинах или «задругах» труд распределялся по плану, в соответствии с возрастом, полом и временем года. Например, в индийских сельских общинах разделение труда достигло довольно высокой степени:

труд обязателен для всех, управление производством и общинами ведется избранными общественными служащими, которые получают вознаграждение с общего поля или плодами *. При таком общественном производстве нет никакой нужды в обмене. И в то время люди не знали никакого обмена. Обмен предметами начинается позже, когда совместная работа и общественная собственность превратились в частные. Но способу производства в первобытных общинах соответствовали и свойственные ему общественные законы. Прежде всего, у них не было разделения народа на богатых и бедных, на господ и подчиненных, все дела решались собраниями общин, управление общиной в первую очередь являлось управлением производством.

Но с развитием средств производства, то есть с улучшением орудий труда, с расширением самого производства, совместная работа и общественная собственность исчезают, потому что если средства производства улучшились, а в связи с этим производство расширилось, в некоторых общинах появился излишек одних предметов и потребность в других, произведенных другими общинами. Но отдельные общины были совершенно чужими друг другу и независимыми друг от друга. Вместо того чтобы объединить свой общественный труд, расширить общественное производство и работать по плану с помощью более новых орудий, а произведенные предметы делить между собой, они начинают их обменивать. Иначе же и не могло быть, потому что сравнительно еще очень слабое развитие производства и орудий труда заставляло общины постоянно перемещаться с одного места на другое: земледельческие общины должны были постоянно искать новые земли для обработки, а скотоводческие общины — новые пастбища. А поскольку общины были чужими друг другу, их перемещение приводило к враждебным столкновениям, во время которых более сильные общины грабили богатства более слабых. Таким образом отдельные общины знакомятся с предметами, произведенными другими общинами, а это знакомство порождает и мирный обмен предметами между общинами **.

* Каутский. Экономические учения Карла Маркса. Женева, 1888, стр. 13—14.

** И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Петербург, 1883.

Указанные столкновения между общинами заставляли некоторые из них объединяться для общей защиты. Но с другой стороны, эти столкновения мало-помалу развивали в общинах отдельный класс людей, которые ничего не делали. Прежде всего во время войны общины избирали одного военачальника, который ими руководил и лишался своей власти после войны. Но постепенно эти военачальники собирали вокруг себя военные дружины и отобрали власть у народа. Упомянутые военные дружины, разумеется, ничего не делали, а обогащались грабежами и обращали в рабство членов побежденных общин. В результате этого средства производства — земля, скот и орудия труда побежденных становились частной собственностью победителей. Народы делятся на подчиненных — рабов и господ. В этом случае прежняя совместная работа и общественная собственность уже исчезают.

Когда древние народы — греки, римляне и другие стали известны истории, то везде уже средства производства являлись частной собственностью и они были разделены на различные общественные классы — рабов, бедняков, богатых, свободных граждан, которые постоянно боролись между собой. Производство предметов у древних народов основывалось на рабстве: рабы производили все, что было необходимо господам. Но с развитием ремесел и потребностей у рабовладельцев развивается мирный обмен предметами. Сначала этот обмен происходил предмет на предмет. Например, один отдавал другому кожи, а сам получал соразмерное количество зерна. Первое время при обмене предметами еще не было посредника, в качестве такового вскоре избрали деньги. Следует отметить также и то, что в то время допускался только обмен лишними предметами.

На рабовладельческом производстве основывались и все другие учреждения у древних народов. Рабство наложило отпечаток на общественную, политическую и духовную жизнь этих народов. Так, например, самые просвещенные люди в старое время считали, что одни родились свободными, чтобы наслаждаться жизнью и повелевать, а другие — быть рабами, работать на свободных и подчиняться. Общественное положение гражданина определялось числом рабов, которыми он владел: чем больше рабов он имел, тем богаче считался, потому что располагал большим количеством земли и скота, производил больше предметов. И наоборот. А кто имел всех больше скота и зем-

ли? Ясно, что самыми богатыми были военачальники и их дружины, которые составляли благородный класс: у греков — эвпатриды, а у римлян — патриции. Конечно, управление греками и римлянами — политическая и общественная власть — находилось в их руках и служило для подчинения других и обогащения. Все политические и общественные дела решались в народных собраниях, или в буле у греков и центуриальных комициях у римлян, где участвовали только богатые рабовладельцы. Бедные свободные граждане, плебеи, особенно рабы, были совершенно бесправны. Поэтому история древних народов выступает историей борьбы между плебеями и патрициями, в которой погибали и те и другие.

При тогдашнем развитии условий, в которых жили древние народы, другого результата борьбы общественных классов, кроме царской власти и завоеваний, для них не было.

Греция рано погибла под тяжестью этих обстоятельств. В древней Италии, являвшейся плодом классовой борьбы, появились также царская власть и завоевания, с помощью которых Рим подчинил себе почти весь известный тогда мир. Эти завоевания, несомненно, расширили обмен, то есть торговлю, а в городах дали толчок развитию ремесла. С другой же стороны, завоеванные страны поставляли в Италию в виде дани и путем торговли достаточное количество хлеба, в связи с чем земля в Италии постепенно превращалась в пастбища, которые в конце концов сосредоточивались в руках царей и царедворцев в виде крупных владений — *latifundia*. Это сосредоточение земель, в том числе и скота в руках нескольких крупных землевладельцев, сделало, разумеется, совсем ненужным труд рабов. В конце концов в Италии постепенно рабство исчезло, а с уничтожением его все изменилось. Освобожденные рабы увеличили число свободных, голодных и бездомных граждан. Средства производства и само производство были еще так слабо развиты, что эти голодные и бездомные граждане не могли найти применения своему труду, а также выхода из создавшегося положения. Они составляли неорганизованную толпу, без классового сознания, поэтому любой политический авантюрист легко увлекал их за собой. По этим причинам впоследствии все общественные, политические, семейные и религиозные учреждения расшатывались до основания. Все отказывались от старых верований,

политические и общественные порядки менялись в зависимости от того, кто увлекал за собой толпу, семейная жизнь рушилась и уступала место явному разврату, проституции и бесцеремонной распущенности.

В таком положении застали римское царство германские племена. Они свергли его, а на его развалинах возникли новые царства с новыми порядками. Германские племена разделили между собой римские земли, население подчинили своей власти, привязав его к земле, чтобы ее обрабатывать и получать средства пропитания. Все завоеванные земли были объявлены собственностью королей, которые ее раздавали своим баронам и графам при условии оказания им помощи людской силой во время войны. Бароны и графы же раздавали землю от своего имени другим представителям военных дружин королей с тем же условием, что во время войны они им помогут. Эти порядки, известные как *феодальные*, господствуют в Европе в течение веков, составляющих целый исторический период, известный под названием *средние века*. Основой феодальных порядков является землевладение и закрепление крестьян за землей. Крестьяне не могли самовольно и безнаказанно покидать землю феодала. Они должны были обрабатывать ее с условием кормить феодала, которому они подчинены, и его дружину. Только землевладение давало независимость и предоставляло различные права. И действительно, феодалы были совершенно независимыми в своих земельных владениях и управляли самостоятельно во всех областях: в политической, военной, судебной и денежного обращения*. Крестьяне, наоборот, находились под полным произволом феодалов. Крестьяне даже не могли жениться без разрешения феодала, который при этом пользовался правом «первой ночи». Феодалы, как и патриции, глядели на труд с презрением, а грабежи и войны считали единственно достойным для них делом. Они только этим и занимались: совершали нападения из укрепленных замков на города и грабили на больших дорогах, воевали между собой и с королями. В таких условиях производство и обмен предметами, то есть торговля, конечно, не могли развиваться.

В защиту от грабежей феодалов мало-помалу поднимаются города. В средние века города все больше и больше

* См. Ф. Лассаль. Сочинения, т. I.

увеличиваются еще за счет крестьян, которые бегут туда от своих господ. В этих городах развивается ремесло и возникает порядок, известный под именем *цеховой* системы.

Цеховая организация возникла из способа производства и обмена, существовавших в средние века. Мастера-ремесленники являлись полными собственниками средств производства, то есть орудий труда. Каждый подмастерье и ученик изучали ремесло, чтобы стать мастером и хозяином орудий производства. Предметы, произведенные таким способом, принадлежали самим производителям — мастерам, подмастерьям и ученикам. Обмен происходил в очень малых размерах. Ремесленники, как и земледельцы, в средние века производили прежде всего для самих себя или для себя и своих господ. Члены семьи готовили необходимый для ремесла материал и все другие, нужные для жизни предметы. Так что обмен происходил исключительно лишними для производителя предметами. Например, крестьянин привозил на городской рынок только излишки и их обменивал на предметы, также излишние ремесленнику.

Цеховой порядок является плодом именно этих экономических законов. Каждый мастер хотел сохранить свое самостоятельное положение как собственника. Поэтому как подмастерья и ученики, так и сами мастера должны были подчиняться ограничениям. Цеховой порядок основывается на ограничениях. Все мастера одного ремесла составляли цех. От цеха каждого города полностью зависело решение вопроса о занятии ремеслом или же о его разделении. Каждый цех имел исключительное право заниматься данным ремеслом, и никому другому, не состоявшему в цехе, не разрешалось им заниматься также как одному цеху заниматься ремеслом другого. Мастера не имели права переезжать из одного города в другой. Подмастерьям было чрезвычайно трудно стать мастерами.

Как феодализм, так и цеховая организация сковывали все — и человеческий ум и человеческий дух. Поэтому в средние века преобладают религиозный мистицизм, религиозные суеверия, слепая вера в сверхъестественные силы и схоластика. Феодальный и цеховой порядки, основанные на подчинении одного другому и зависимости одного от другого, разделили народы на множество отдельных единиц, совершенно независимых друг от друга. При феодальных порядках крестьяне полностью подчинены феодалам,

а они в свою очередь связаны между собой различными условиями взаимной зависимости. При цеховых порядках подмастерья и ученики находятся в полной власти у мастеров, а они связаны друг с другом в цеховых организациях, которые объединялись в союз цехов. Как феодальные земельные владения образовывали совершенно самостоятельные малые государства, так и города образовывали отдельные городские коммуны, городские общины, независимые одна от другой. Каждый город был самостоятельной единицей во всех отношениях: они управлялись своим советом, своими законами, имели свой суд и свою милицию. Эти права города получили от феодалов в результате борьбы то в союзе с крестьянами, то в союзе с королями. История средних веков является также историей борьбы между различными общественными классами. Через всю историю средних веков проходит целый ряд восстаний, войн и социально-религиозных движений крестьян против светских и духовных феодалов. Такими были войны таборитов и гуситов, богомилов в Болгарии, альбигойцев во Франции, восстание крестьян во Франции, известное под названием «жакерии», восстание крестьян в Англии и крестьянские войны в Германии. К этой борьбе крестьян с феодалами всегда присоединялись и города. Внутри городов ту же борьбу мы видим между подмастерьями и учениками, с одной стороны, и мастерами и цеховыми ограничениями — с другой.

Начиная с крестовых походов производство и обмен, главным образом сухопутная торговля, развиваются быстрыми темпами, и в связи с этим города мало-помалу достигают высокой степени благосостояния. Крестовые походы являются плодом средневекового религиозного мистицизма и религиозных суеверий, как и всех условий средневековой жизни. Давая новый толчок развитию производства и торговли, города помогли усилиться королевской власти за счет ослабления власти феодалов. Но самое главное — они оказали помощь в освобождении человеческого ума, человеческого духа от оков средневековья и пробудили в Западной Европе дух исследования и сомнения.

С XIII века, когда крестовые походы прекращаются, феодальные порядки постепенно рушатся и усиливается городское сословие, из которого затем возникает третье сословие (*tiers état*) — буржуазия. До этого времени, как известно, земли находились только в руках феодалов.

Но в XIII столетии мало-помалу и земли переходят в руки городского сословия. В связи с этим крестьяне постепенно освобождаются от своих феодалов и отрываются от земли, становясь самостоятельными земледельцами. Ослабление феодализма расширило сухопутную торговлю, которая сосредоточилась в городах и городских союзах.росло богатство городского сословия и наряду с недвижимой собственностью росло значение и движимой собственности, капитала. К концу средних веков накопление капитала усилила и морская торговля, которая еще больше увеличила значение капитала. Цеховая организация была уже неспособной удовлетворять новые потребности и начала разрушаться. Ремесла начинают все больше и больше дробиться. Мастера отделяются от цехов и работают независимо от других мастеров и самовольно создают мастерские. Это раздробление ремесел, наконец, совсем разрывает пути цеховой организации, появляются предприниматели, которые покупают сырье в больших количествах, обрабатывают его с помощью наемных рабочих и продают готовые изделия оптом на рынке.

Но феодальный и цеховой способ производства и обмена совсем вытесняется с открытием Америки и морского пути в Индию. Америка быстро была заселена колонистами из Европы. Америка, Индия и Китай расширили рынки сбыта и вызвали неизвестное до того времени развитие торговли, промышленности и мореплавания. Старые способы производства — феодальный и цеховой — уже стали совершенно не способными удовлетворять потребности нового мирового рынка. И они приходят в упадок, разлагаются. В больших городах и портах открываются крупные фабрики, в которых производятся предметы только для обмена, для продажи. Товары на этих фабриках производятся ручным трудом наемных рабочих, число которых быстро растет. Наемный труд развивается, во-первых, потому, что цеховая организация приходит в упадок и ремесла останавливаются в своем развитии, и, во-вторых, потому, что в то время крестьяне вследствие больших налогов и долгов продают земли и превращаются в наемных рабочих. Развитие крупных ферм, поместий еще больше увеличивает применение наемного труда. Труд, который до того был разделен между различными цехами, сосредоточивается в больших мастерских, фабриках и разделяется между наемными рабо-

чими. Средства производства — орудия труда, находившиеся в руках отдельных производителей, также собираются в предприятиях, в руках фабрикантов, промышленных капиталистов.

Этот новый способ производства является *мануфактурным способом*. Производство предметов становится оптовым и, прежде всего, уже не для удовлетворения потребностей производителей, а для спроса на рынках. В этом случае предметы, которые производятся человеческим трудом, получают уже свойство *товаров*. При таком способе производства и обмена мелкое производство и мелкая торговля начинают приходить в упадок. Из городского цехового сословия возникает новое, третье сословие — промышленное сословие или буржуазия.

Новые способы производства и обмена коренным образом изменили и общественные идеи, и общественные и политические порядки. До того времени на торговлю и промышленный труд глядели, например, с презрением, а сейчас уже самые гордые бароны, графы и князья становятся членами различных торговых обществ. Вообще развивается погоня за роскошью, а направление в общественных делах начинает осуществлять буржуазия. Наука, знания расширяют свой круг проблем, и начинают подвергаться критике и сомнению старые верования и религиозные заблуждения. Наконец, третьему сословию — буржуазии удалось поделить политическую власть с королями и другими сословиями.

Но мануфактура все же очень медленно разрушала старые способы производства и обмена, и последние еще долгое время существуют рядом с ней. Поэтому наряду с третьим сословием еще существуют и старые сословия средних веков, и общественная и политическая власть делится между всеми имущими сословиями. Короче говоря, с начала новых веков и до конца XVIII столетия всю историю заполняет среднее сословие. Но с конца XVIII и до начала нашего века мировой рынок расширился и потребление товаров увеличилось до таких размеров, что мануфактурный способ производства не мог удовлетворить новые потребности. В это время появляются ткацкий станок Аркрайта и паровые машины Уатта, сделавшие переворот в промышленности, в производстве. Мануфактурные мастерские превратились в громадные фабрики, в которых работают машины. Мануфактурное производство преобра-

зовалось в крупное машинное производство, и из третьего сословия возник теперешний класс капиталистов-миллионеров. Современное производство, так же как и обмен товарами, т. е. торговля, в настоящее время регулируются борьбой между капиталистами, конкуренцией между ними — кто из них продаст свои товары на мировом рынке. С другой стороны, конкуренция создает возможности для еще большего развития торговли и производства. Мореплавание и сухопутное передвижение развиваются до невиданных размеров. Изобретение Д. Стефенсоном паровых двигателей создало пароходы и железные дороги. Эти новые средства сообщения содействовали еще большему развитию производства, торговли, мореплавания и железных дорог до современного их вида. Так что теперешние экономические законы являются результатом долгого развития, целого ряда переворотов в способах производства и обмена.

Современное крупное производство, которое со времени знаменитого ученого-социалиста Карла Маркса называется капиталистическим производством, уничтожило до конца старые способы производства и все другие сословия в очень короткий промежуток времени. Что это за средство, с помощью которого капиталистическое производство совершило переворот? Таким средством являются дешевые товары, которыми капиталисты заполняют рынки. А когда товары бывают дешевые? Ясно, когда они производятся в больших количествах и при помощи новейших машин. Поэтому на мировом рынке только те продают товары и получают прибыли, кто появляется на нем с более дешевыми товарами, а все другие гибнут, разоряются. Таким образом, в настоящее время крупное производство разорило и разоряет мелкое производство и превращает мелких производителей в простых наемных рабочих. И везде, где развивается крупное машинное производство, а вместе с ним и современный обмен, там мелкое производство и мелкая торговля разоряются. Средства производства — машины, земля и орудия труда — собраны в одни руки, в большие фабрики и крупные землевладения, они превращаются в общественные, то есть социализируются. И действительно, труд на этих фабриках и земельных владениях распределен между рабочими таким образом, что богатства, которые они производят, являются плодом труда многих тысяч рабочих. Эти богатства имеют в виду не удовлетворение потребностей рабочих и капиталистов, а всего мира. А пз

этого становится ясным, что труд и производство приняли и принимают общественный, социальный характер. Но кто присваивает блага общественного труда и производства? Известно, что эти блага присваивают себе капиталисты. Это является, как мы видели, самым вопиющим противоречием в современном капиталистическом производстве. Далее. Народы теперь разделены и все более и более разделяются только на два класса: на капиталистов-миллионеров и на наемных рабочих, лишенных всякой собственности, число которых постоянно растет также и за счет самих капиталистов. Улучшение машин делает ненужным человеческий труд, и огромнейшая часть рабочих не может найти себе работы. В связи с этим заработная плата падает до самой низкой степени. Современное производство создает громадные богатства, но рядом с ними создается и неслыханная нищета. А из этого следует, что начиная с 1825 года рынки все чаще и чаще переполняются товарами, которые не находят сбыта, все чаще и чаще наступают промышленные и торговые кризисы, банкротства, производство и торговля останавливаются, а богатства и народный труд гибнут без всякой пользы. Во время именно таких кризисов гибнут и сами капиталисты, которые пополняют ряды наемных рабочих, или, как сейчас говорят, *пролетариата*. Таким образом, современное капиталистическое производство полно противоречий, которые делают его уже неспособным управлять выросшими в его недрах производительными силами. Современные экономические законы, как и средневековые, уже становятся препятствием для дальнейшего развития производства. Они, как и средневековые, несут в себе свое разрушение и развивают элементы будущих новых законов.

И действительно, в настоящее время производительные силы так выросли, что они не могут втиснуться в тесные рамки капиталистического производства, эти силы возмущаются и до основания расшатывают теперешнее производство. Поэтому современное капиталистическое производство только начинает изменять свой вид: из частнокапиталистического оно становится акционерным, то есть капиталисты с целью упорядочить современные производительные силы соединяют воедино средства производства. Но во многих предприятиях и этот вид капиталистического производства выступает неспособным, хотя кажется капиталистам знаменем. Вот почему государство сейчас

все больше и больше бывает вынужденным брать в свои руки управление крупнейших отраслей производства, как это было сделано с почтой, железными дорогами, телеграфом, шахтами и другими предприятиями. Что бы ни говорилось, государство все больше и больше превращается в общего коллективного капиталиста, поглощая всех частных и акционерных капиталистов. Что следует из этого?

Ясно, что класс буржуазии выступает уже ненужным, лишним, бесполезным, его существование становится бессмыслицей. Чтобы поверить в это, достаточно увидеть, кто сейчас управляет производством, кто выполняет работу капиталистов, будь они в виде акционерных обществ или в виде такого общего, коллективного капиталиста, как государство. Если поедem в Европу и Америку и посетим фабрики и торговые склады, то там увидим только наемных работников: наемных техников, инженеров, механиков, химиков, врачей, управляющих, надзирателей и кассиров, вообще наемных работников и нигде не увидим самих капиталистов на этих фабриках и складах. Они совсем не работают, а только присваивают громадные богатства, создаваемые общественным производством, они выступают только как паразиты, которые питаются соками общества и без которых производство и так может существовать и существует. Получается, что с превращением частного капиталистического производства в акционерное и государственное противоречия современных экономических законов не исчезают, а становятся еще большими, достигая своей последней ступени развития. Превращение средств производства в государственную собственность является высшей точкой развития противоречий, а не их ликвидацией. Противоречия в современных экономических законах ликвидируются только тогда, когда совершится переход к общественному производству, организованному по плану и рассчитанному на то, чтобы оно могло удовлетворить потребности как всего народа, так и каждого человека в отдельности. И этого можно достичь тогда, когда средства производства станут общественной собственностью, а капиталистическое присвоение общественных благ — действительно общественным, когда одна часть продуктов будет присваиваться всем обществом как средство для расширения производства, а другая — лично каждым как средство для жизни.

К этому перевороту нас ведет историческое развитие современного человечества. Теперешний капиталистический способ производства сам создает общественные силы, которые должны совершить этот переворот. Тот, кто превращает население в наемных рабочих, в пролетариев, дает им орудие, с помощью которого они произведут переворот. Капиталистический способ производства, ставя в одинаковое положение многие тысячи рабочих, превращает их в промышленную армию, подчиненную различным управляющим, различным надзирателям, машинам и самому производству товаров, то есть капиталистический способ производства их дисциплинирует как солдат. Это еще не все. Капиталистический способ производства и обмен, основываясь на конкуренции между капиталистами, заставляет последних постоянно бороться и с теми представителями из их класса, интересы которых противоречат крупному производству, и с капиталистами других стран. Вот эта борьба и принуждает буржуазию прибегать к помощи пролетариата и вовлекать его в политические движения. А это воспитывает пролетариат политически. С другой стороны, разоренные промышленными и торговыми кризисами капиталисты пополняют ряды пролетариата, и тоже вносят в него свое политическое воспитание. Наконец, противоречия в современном обществе стали настолько ощутимыми, что многие представители класса буржуазии понимают процесс исторического движения и переходят на сторону пролетариата, как когда-то часть дворянства присоединилась к буржуазии *. Все это делает пролетариат общественной силой, в состав которой входит почти весь народ и которая постоянно приобретает все необходимые средства для преобразования современных экономических законов. Борьба пролетариата, которая началась с 1831 года, в настоящее время превращается в борьбу между народами и горстью капиталистов. До последнего времени эта борьба велась разрозненно, без соглашения между рабочими, она была локальной. Но быстрые и легкие средства сообщения делают сейчас эту борьбу международной классовой борьбой пролетариата против буржуазии. А любая классовая борьба, как говорит Карл Маркс, является борьбой политической. Поэтому пролетариат выступает сейчас

* К. Маркс и Фр. Энгельс. Манифест на Коммунистическую партию. Русе, 1891. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр.18.—Ред.)

езде как социально-политическая партия, которая всеми своими силами стремится вырвать государственную власть из рук буржуазии. Самым главным средством для достижения этой цели служит всеобщее избирательное право, свободные выборы и свободная пропаганда идей научного социализма. Буржуазия же, будучи неспособной управлять современными производительными силами, неспособна также удерживать и власть в своих руках. А современное капиталистическое производство, со своей стороны, превращая все больше и больше крупные средства производства в государственную собственность, показывает путь, по которому будет совершен социалистический переворот. Вот почему в настоящее время мы видим, что во всех странах всемирная социальная демократия мало-помалу завладевает и политической властью в государствах. Как когда-то буржуазия, крупные капиталисты завладели политической властью и подчинили капиталистическому производству все, так и рабочий класс захватит государственную власть и с ее помощью превратит средства производства из частной собственности в общественную. После провозглашения социалистических законов государство, естественно, станет совсем лишним, отомрет само, как сказал Ф. Энгельс, потому что после превращения средств производства в общественную собственность классовая борьба, существующая сейчас, исчезнет, уничтожатся сами классы, в том числе и рабочий класс, пролетариат. Все другие классы, взяв власть в свои руки, подчинили себе остальные классы, и весь народ ставили в такое положение, чтобы самим обогащаться. Рабочий класс это — народ, ему некого себе подчинять, его интересы являются интересами всего народа *. Так что с провозглашением социалистических законов уничтожается разделение народов на классы, на господ и подчиненных. *«Пролетариат,— говорит Ф. Энгельс,— берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государ-

* См. Ф. Лассаль. Сочинения, т. I. Программа Работников.

ство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требования так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра» *.

* Фр. Энгелс. Развитие на научный социализм. Габрово, 1890, стр. 53—54. (Цитируется по русскому переводу работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 140—141.— *Ред.*)

Итак, что следует из всего вышесказанного? Следует то, что история человечества, за исключением первобытного общества, является историей борьбы различных общественных классов. Так, например, история древних народов представляет собой историю борьбы рабов и плебеев против патрициев; средняя история — историю борьбы крепостных крестьян против крепостников, подмастерьев и учеников против мастеров; новая история является историей борьбы третьего сословия против феодалов и цеховой организации; новейшая — историей борьбы рабочего класса, пролетариата, против буржуазии, крупных капиталистов. Но откуда появляются классы? Мы видели, что они появляются из способов производства и обмена, то есть из экономических условий, в которых живут народы. Из вышесказанного также видно, что для народов все зависит от экономических условий, в которых они живут в каждый данный исторический период: от тех или иных экономических законов зависят те или иные политические, общественные и религиозные учреждения и понятия. «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» *.

А мы видели в этой главе, что способы производства постоянно меняются. Эти изменения зарождаются в самих старых законах, развиваются в них и наконец заменяют их. Так, мануфактура заменила цеховую организацию, а современное крупное производство заменило мануфактуру. Теперешнее капиталистическое производство, социализируясь, то есть превращая средства производства из частной в общественную собственность, отрицает самого себя. Оно само создает средства для собственного уничтожения. Оно развивает в себе элементы будущих социалистических законов. «Гибель общества угрожает нам, — говорит Леви Морган, — как завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, ибо такое поприще содержит элементы своего

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр. 322. — *Ред.*

собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освящают следующую, высшую ступень общества, для которой непрерывно работают опыт, разум и наука. *Оно будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов* *. К этому нас ведет историческое развитие человечества. Переход к социалистическим порядкам является неизбежным историческим законом, которому подчиняются все народы.

Это вполне понятно, потому что производство и обмен в настоящее время потеряли свой национальный дух и получили всемирный, космополитический характер. Например, раньше потребности любой нации (народности) удовлетворялись собственными, местными богатствами, а сейчас нации не могут довольствоваться только ими, они хотят уже многого того, что производится в самых дальних странах. В связи с этим народы попадают во взаимную зависимость, и современный обмен, то есть современная мировая торговля заставляет народы отказаться от своей замкнутой национальной жизни. Современное капиталистическое производство, очень быстро развивая производительные силы, делая чрезвычайно быстрыми и легкими средства сообщения между народами, влечет за собой в фарватере все народы, даже самые отсталые. Оно с помощью низких цен на свои товары принуждает любой народ или принять его способы производства предметов и обмена или погибнуть. А если какой-либо народ будет вовлечен в фарватер капиталистического производства, то тогда все старые законы этого народа ликвидируются, его жизнь подчиняется полному влиянию законов капиталистического производства, и ничто не может повернуть этот народ с пути, по которому идут современные экономические законы.

«...Общество,— говорит Карл Маркс,— даже если оно напало на след естественного закона своего развития.., не может ни перескочить через естественные фазы развития,

* *Levis H. Morgen*. «Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism, to Civilization». London 1877. Цитировано по Ф. Энгельсу. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Цюрих, 1884, стр. 145—146. (См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 310.— *Ред.*)

ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» *.

Естественным законом, который управляет сегодня всеми народами и толкает их по своим стопам, является, как мы уже говорили, современное капиталистическое производство. Но это же производство само ведет к социализации, то есть к превращению средств производства из частных в общественные.

Что бы ни говорили, закон естественного развития современного человечества ведет нас к социализму.

Глава III

Социализм — не случайное явление.— Социалистические идеи— это более полное развитие идей XVIII века.— Социализм в начале XIX века.— Развитие крупной промышленности и развитие социализма.— Метафизический и диалектический методы мышления.— Научный материализм и научный социализм.

На этом свете ничего не бывает только так, случайным, без причин. Например, если сейчас у нас ремесла приходят в упадок, мелкая торговля не идет, бедность растет, то это не просто так, случайность. Все, что мы видим вокруг — все изменения, происходящие ежедневно в природе и жизни человека, все это имеет причину. Да и социализм, как мы видели, не есть что-то случайное, это — не выдумка праздного ума. В предыдущей главе мы говорили, что современный социализм является плодом исторического развития человечества, что развитие теперешних экономических законов ведет нас к социализму. Социализм вообще, как и всякое явление, имеет свою историю развития. Поэтому, если рассматривать социализм в развитии, мы увидим, что он выступает как более полное развитие учений, идей XVIII века.

И действительно, что проповедуют философы XVIII века? — Свободу, равенство, братство. Они проповедуют, что все люди по своему строению одинаковы, и значит все они должны быть равноправны. Философы XVIII века пропо-

* К. Маркс. Капитал, том I, 1955, стр. 7—8.— Ред.

недуют, что все люди рождены свободными. А из этого следует, что свобода есть самое большое благо для человека. Они еще проповедают, что все, что существовало до них, противоречило человеческому разуму, что все законы, при которых люди жили до конца XVIII века, несправедливы, они противоречат цели человеческого общежития, являющегося добровольным общественным союзом, основанным на общих интересах. Следовательно, равенство и братство суть идеал человеческого общежития. «Свобода, равенство, братство» — это было знаменем Великой французской революции 1789 года. И что же? Осуществились ли эти великие начинания? Известно, что не осуществились. «Равенство, справедливость, правда, до сих пор,— говорит профессор Летурно,— существуют в виде правил, пустых человеческих формул: они не существуют ни в делах, ни в сердцах».

Всеобщая свобода, равноправие и справедливость, обещанные философами XVIII века, обернулись свободой, равноправием и справедливостью только для богатых, для *третьего сословия*, или, как теперь говорят, для *буржуазии*. Это стало видно вскоре после революции. Еще на втором месяце после провозглашения революции, в сентябре 1789 года, представители третьего сословия, буржуазии, выработали свою конституцию, провозгласившую выборы, основанные на имущественном неравенстве: кто богат, тот и имеет право избирать и быть избранным. Так потом и стало. Самая большая часть народа, бедняки, рабочие остались бесправными и угнетенными. Правда, были провозглашены «свобода труда, торговли и перемещения», но эта «свобода» походила ли на свободу, которую обещал XVIII век? Известно, что нет. Самое главное в том, что власть была захвачена богатыми, буржуазией. Буржуазия издавала законы, отвечавшие ее интересам, которые были прямо противоположны интересам бедняков, рабочих. Средневековое рабство изменило только свой вид и форму: сейчас появилось рабство наемных рабочих, находящихся под игом капитала. Третье сословие, которое философы считали всей нацией, всем народом, стало только классом капиталистов со своими особыми интересами, совершенно противоположными интересам народа. Все это стало ясным еще накануне нашего столетия. Стало ясным, что вместо «царства разума и справедливости», вместо «мира», обещанных философами, наступило царство капитала, неслы-

ханного грабежа, царство бесконечных войн за рынки, на которых буржуазия могла бы продавать свои товары.

Разумеется, что после таких больших обещаний XVIII века, после такого большого обмана надежд должно было наступить разочарование в провозглашенных общественных законах. Вскоре так и случилось. А могло ли быть иначе? Французская революция разрушила старые законы с особыми правами, с привилегиями аристократии и духовенства, как и неограниченную власть королей. Но обещанное «царство разума» не пришло. Провозглашенные «свобода труда», «свобода торговли» и «свобода перемещения» обернулись для бедняков жестокой насмешкой, а для бедняков и богатых, вместе взятых, — жестокой войной всех против всех. Вместо обещанного «братства» появился принцип — *homo homini lupus est* — человек человеку волк. Правда, когда были разрушены цеховые порядки вместе со всеми привилегиями, производство богатств, которое до того развивалось медленно, как бы ползком, выпрямилось и быстрыми большими шагами двинулось вперед. Но провозглашенная война всех против всех, которую буржуазные экономисты называют «свободной конкуренцией», вместо обещанных равенства и благоденствия принесла грозную нищету, страдания, преступления, разврат, обман и зависть.

В то время как это происходило во Франции, в Англии развивалась мирная, но глубокая революция. Прядильный станок Аркрайта и паровые машины Уатта, изобретенные почти в то время, коренным образом преобразили производство предметов: мастерские, в которых изготовлялись предметы с помощью ручного труда, то есть мануфактуры, превратились в большие фабрики, в крупную промышленность. Все старые основы общества распались: общество стало делиться на крупных фабрикантов, землевладельцев и торговцев; цеховые мастера и мелкие торговцы превращались в бедных наемных рабочих, росли нищета, распад семьи, разврат.

При таких обстоятельствах наступил теперешний, XIX век. Конечно, богатые были не только довольны, но и провозгласили новые законы вечными и неизменными и начали утолять свою жажду богатства. Однако сами эти обстоятельства так противоречили общим надеждам, что они не могли не задеть человеческий ум у тех, кто мыслит. Среди всеобщего разочарования в начале

XIX века и среди всеобщего стремления к богатству и грубым удовольствиям три великих человека почти одновременно продолжают дело минувшего столетия. Два гениальных француза Сен-Симон и Фурье и не менее гениальный англичанин Роберт Оуэн взяли в начале этого века за дальнейшее развитие идей XVIII века. Они, как и философы прошлого века, считали, что только то достойно существования, что основано на разуме. Но возникшие в результате революции законы совсем не соответствовали разуму. Почему? Потому, отвечают они, что в XVIII веке не знали истинных законов разума и поэтому идеи, провозглашенные революцией, не могли быть осуществлены. Истинные законы разума требуют освобождения всего человечества, а не только одного класса, истинные законы разума хотят не освобождения какого бы то ни было класса, а уничтожения всех классов. Только тогда можно будет осуществить свободу, равенство и братство. Но как можно уничтожить классы? Ясно, что для этого необходимы совершенно другие общественные порядки, а не те, которые существуют с начала нашего века. Что это за порядки и при каких условиях они могут осуществляться?

Три великих ума были согласны с тем, что эти порядки должны открыть человеческий разум: он должен был открыть самые лучшие общественные законы, при которых могут осуществиться идеи свободы, равенства и братства. Человеческий разум в своих исканиях этих лучших законов естественно пришел к *социализму*. И действительно, человеческий разум пришел к убеждению, что для осуществления великих идей, провозглашенных XVIII веком, следует уничтожить классы. Как уничтожить? Вот поиски ответа на этот вопрос и привели человеческий разум к неизбежному заключению, что только тогда, когда все работают, когда средства, с помощью которых вырабатывают предметы, то есть средства производства — машины, земля, шахты, средства сообщения — станут общественной собственностью, а предметы, производимые этим способом, будут принадлежать тем, кто их производит, что только при таких общественных порядках могут быть уничтожены классы и осуществлены великие принципы человеческого общежития. Что это так, нет сомнения, но где те средства, с помощью которых можно осуществить эти порядки? Сен-Симон, Фурье и Оуэн считали, что и это — дело челове-

ского разума: он должен открыть средства, необходимые для осуществления социалистических порядков. Для этого все трое основали социалистические общества, каждый по своему уму и знаниям. Таким образом, они примерами хотели показать, как человечество может устроить свою жизнь на началах справедливости. Известно, что из их опытов ничего не вышло: социалистические общества так же быстро распались, как и создались. Социалистические идеи этих первых знаменитых социалистов не могли распространиться, поскольку они не могли доказать свою научную истинность. Они не опирались на научную почву, а только на силу своего гениального человеческого разума. И поэтому социализм Сен-Симона, Фурье и Оуэна называется *утопическим социализмом*, то есть социализмом, который не существует.

Как бы там ни было, ясно, что социализм является более полным развитием философских идей XVIII века. Под влиянием возникших в результате революции общественных законов «мыслящий разум» совершенно естественно пришел к социализму. Логическое развитие идей не могло не привести человеческий разум к социализму. Только одного не хватало: поставить социализм на прочную основу, на научную почву, то есть чтобы социализм стал наукой. Первые социалисты не могли поставить социализм на такую основу. Но их гениальные умы посеяли первые зерна научного социализма. Еще Руссо заметил, что «кто первый оградил небольшой участок земли, кто первый сказал: «Эта земля моя» и нашел людей, достаточно глупых, чтобы ему поверили, тот был основателем гражданского общества. Самое высокое благо — *свобода* тут и погибла» *. Сен-Симон, Фурье и Оуэн первые высказали еще в начале нашего века мысли, которые были полностью подтверждены историческими фактами через 40—50 лет. Сен-Симон первый высказал великую мысль о том, что «все люди должны работать», что «политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства». Фурье первый показал все плохие стороны современных экономических законов, показал, что при этих законах «нищета рождается от излишка богатства». «Ему первому принадлежит мысль, что в

* См. *Rousseau. Oeuvres complètes. L'origine de L'inégalité parmi les hommes II.* Geneve.

каждом данном обществе степень освобождения женщины есть естественное мерило всякого освобождения». Он также первым высказал мысль о том, что человечество в своей истории развития прошло через несколько ступеней. «Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, варварство, патриархат и цивилизация». Он высказал великую мысль и о том, «что каждый исторический фазис имеет свою восходящую и нисходящую линию, и этот свой взгляд он развивает дальше по отношению к будущности всего человечества». Оуэн показал на примере своих рабочих обществ и базаров, что человечество может обойтись без торговцев и фабрикантов, что и без денег можно жить и что машины и другие орудия производства должны стать общественной собственностью *. Но в начале XIX века нельзя было развить и научно доказать эти поистине гениальные мысли первых социалистов. Этому не способствовало еще слабое развитие экономических условий, которое препятствовало видеть в XVIII веке истинное направление истории.

Действительно, как мы видели в предыдущей главе, современное капиталистическое производство с машинами едва появилось в начале этого века. Тогда крупное машинное производство находилось еще в зачаточном развитии, его свойства еще не выявились, не обнаружились и законы его развития, не было видно его направления, или, как говорят, *его тенденции*. Короче говоря, в начале этого века было еще неизвестно, куда идет развитие капиталистического производства. Конечно, этому слабому развитию экономических условий, неопределенной еще *тенденции* новых экономических законов соответствует неопределенность идей первых социалистов. Они высказывают отдельные гениальные мысли и доходят до основных принципов социализма, но они не могут их научно обосновать, не могут доказать, что историческое развитие ведет к социализму, не могут также открыть те средства, с помощью которых можно осуществить социализм.

В начале XIX века в умах социалистов, как и в умах всех людей, в науке и в философии еще господствуют старые методы мышления и старые понятия, старая система взглядов. Так, например, первые социалисты, как и фило-

* См. *Фр. Энгелс*. Развитие на научный социализм, стр. 9—17. (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 113—115.— *Ред.*)

софы XVIII века, считали, что человечество управляется законами разума. Если вместо «царства разума», вместо «равенства и братства» появилось царство буржуазии, то это произошло, по их мнению, потому, что до них не знали истинных законов разума. Первые социалисты считали, что пришло время показать истину людям, показать им пример ее осуществления. *Социалисты-утописты* взяли новые законы совершенно вне связи с прошлыми, исчезнувшими законами. Они рассматривали новый исторический период независимо от прошлых периодов и находили их совсем неразумными, несправедливыми. Они пришли к убеждению, что следует ликвидировать разделение на классы, что орудия труда должны стать общественной собственностью. Но они не искали средств для такого переворота в условиях жизни, они не считали, что эти законы являются результатом длительного исторического развития и что в них скрываются средства для перехода к более высоким законам. А они думали, что эти законы должен выдумать человеческий разум. Этот метод мышления называется *метафизическим*.

Сущность метафизического метода заключается именно в том, что вещи, события или явления, происходящие в природе и истории человечества, берутся отдельно друг от друга, вне их взаимосвязи. Этот метод мышления является хорошим, когда мы хотим изучить свойства только какого-либо отдельного явления. Например, средние века мы можем взять отдельно от других веков и их изучить. Если мы их будем рассматривать в отдельности, то узнаем лишь о том, когда они начались и кончились, какие законы имели место в течение этих веков, изучим свойства исторического периода, даже можем изучить и отдельные исторические явления в средних веках. Ясно, что в результате такого изучения средних веков мы не узнаем сущности вопроса, не узнаем закона развития. Ведь законы в средних веках, так же как и в настоящее время, не появились просто так, случайно, не упали с неба. Вот почему, когда мы хотим изучить вещи в их развитии, метафизический метод мышления совершенно не подходит. Рассмотренные вещи, события или явления, окружающие нас, по метафизическому методу мышления, то есть взятые отдельно друг от друга, независимые друг от друга, находящиеся вне взаимной связи, выступают случайными, запутанными и бессмысленными. Вот почему первые

социалисты, взяв современный исторический период отдельно от прошлых периодов, считали его случайным, ошибкой человеческого разума. Поэтому в отрицательных (плохих) сторонах современных законов они не могли видеть положительных (хороших) сторон. Однако иначе и не могло быть, ибо метафизический метод мышления господствует тогда, когда явления и вещи не развиваются. Но в начале XIX века, как мы видели, экономические законы начали как раз развиваться. Поэтому именно во всем господствует метафизика. В начале этого века еще господствует учение Ньютона о неизменности солнечной системы, утверждавшее, что эта система постоянно одинакова, с одними и теми же небесными телами, которые движутся по одному и тому же пути. В области органического мира господствуют учения Линнея и Кювье о неизменности растительных и животных видов. Наша планета выдвигалась на первое место среди других планет, а человек считался существом, созданным отдельно от других существ, и разум его управлял миром.

Но с начала этого века очень быстрыми темпами происходит совершенствование машин и знаний, а вместе с ними и развитие капиталистического производства. Тонкопрядильные машины Гейгса, Харгривса, Кромптона, механический токарный станок Аркрайта и паровые двигатели Стефенсона дали новый толчок развитию капиталистического производства. Чем больше развивается это производство, тем яснее вырисовываются его свойства, тем явственнее становится его тенденция. Стало очевидным, что капиталистическое производство совсем уничтожает мелкое производство, ремесла, земледелие и мелкую торговлю, собирает, социализирует средства производства — машины, землю и другие орудия труда — в руках нескольких крупных капиталистов, а народ превращает в наемных рабочих, *пролетариев*. Стало очевидным, что современное капиталистическое производство делит народ только на два, прямо противоположных друг другу, класса: крупных капиталистов и наемных рабочих, борьба которых и создает современную новейшую историю. Восстание рабочих в Лионе (во Франции) в 1831 году⁷ и движение рабочих в Англии⁸ в 1842 году начинают эту классовую борьбу, которая в настоящее время ведется пролетариатом систематически (регулярно) и во всем мире.

Вместе с тем переворот совершается не только в общественном и политическом отношениях, но и в головах людей. Большое развитие техники и производства дало просторы человеческому уму и человеческой мысли. Наконец, происходит переворот в методе мышления. Старый метод мышления — метафизика оказалась уже совершенно неспособной объяснять происшедшее развитие. Свойства нового производства стали настолько ясными, что наряду с его отрицательными (плохими) сторонами наяву появились и положительные (хорошие) стороны. Если в начале XIX века было понятно, что капиталистическое производство увеличивает нищету и приносит банкротства, что оно распространяет разврат, грабежи и обман, что оно разрушает все и выдвигает борьбу всех против всех, то позднее выяснилось, что с улучшением машин и с развитием производства человек освобождается от физического труда, что капиталистическое производство социализирует, то есть превращает в общественные, машины, землю и все орудия труда, что оно превращает народ в пролетариат и организует их в сознательный класс, что капиталистическое производство с развитием своих собственных противоречий затем отрицает само себя. Из этого становится ясным, что исторические события или явления, происходившие и происходящие, мы можем правильно понять только тогда, когда обратим внимание не только на их отрицательные, но и на положительные стороны, то есть когда будем рассматривать события или явления, происходящие вокруг нас, во взаимосвязи. В этом случае ни одно событие или явление мы не примем за случайное и бессмысленное; тогда мы увидим, что все изменяется, все движется, все развивается по точно определенным общим законам.

Этот способ или метод мышления, в соответствии с которым человеческий ум в противоречивых явлениях открывает общий закон, называется *диалектическим*. Сущность этого метода заключается именно в том, что явления рассматриваются во взаимосвязи. Лучше всего видна сущность этого метода на примерах. Чтобы понять сущность развития, например, растения, нужно рассматривать его жизнь и отмирание во взаимной связи. Рассмотрев таким образом развитие растения, мы убеждаемся, что оно в одно и то же время живет и умирает, что оно является одним и не одним и тем же растением. На первый взгляд

это может показаться странным, но это так в действительности. В самом деле, мы знаем из естествознания, что жизнь растений есть постоянное образование новых клеток и постоянное умирание старых. Так что растение в одно и то же время живет и умирает, существует и не существует. Рассматривая средние века в связи с другими веками и различные явления в них во взаимной связи, мы также убедимся, что средневековые законы начали развиваться еще в прошлые времена и что в различные времена эти законы являются не одними и теми же: наряду с ними начинают развиваться новые, в них самих находятся зародыши новых законов, от них самих рождаются элементы этих новых законов. Другими словами, история средних веков выступает как одновременный процесс жизни и умирания: постепенного развития новых законов и постепенного отмирания старых законов. Этот метод в сущности — очень старый метод. Его знал еще греческий философ Аристотель. Но полное развитие и сознательное применение он получил в наш век, когда историческое развитие человечества начинает становиться попятным. Современный способ капиталистического производства, доводя до последней степени противоречивые явления, которые до сих пор без участия сознания людей рождали прогресс человечества, сделал неизбежным и господство этого метода в наше время. И это господство становится тем сильнее, чем больше развивается современное капиталистическое производство. Диалектический метод мышления утверждается еще в конце 20-х годов этого века. Сначала он появился в науке. Лаплас первым доказал математическую ошибку учения Ньютона о неизменности солнечной системы. Он доказал, что движения планет не являются постоянными, что путь, по которому движутся земля и другие планеты, вечно изменяется, что солнце и другие небесные тела образуются из туманной массы, которая их окружает и которая подтвердила полностью дальновидность исследования Гершеля *. Из учения Лапласа с полной очевидностью вытекает, что солнечная система имеет свое начало и свой конец, имеет свою многомиллионную историю. Наука же о развитии земли, т. е. геология, доказывает, что и земля имеет свою многомиллионную

* См. *Дрэнер*. История умственного развития Европы. Век разума, том II. С.-Петербург, 1885.

историю развития, что она не всегда была такой, какой она является сейчас, что она постоянно изменяется, имеет начало и конец.

В 30-ые годы нашего века диалектический метод мышления переходит из науки в философию. Немецкий философ Гегель первый применил диалектический метод в философии и представил все явления в одном всеобщем процессе развития. Но при всем этом до конца первой половины нашего века старые системы понятий или идей препятствовали ученым составить ясное представление о сущности законов, в соответствии с которыми развиваются вещи, и самое главное — они препятствовали правильному пониманию истории человечества. До конца пятидесятих годов нашего века ученые считали, что все, что существует в мире, является бледным отражением идей, находящихся будто в готовом виде в головах людей, что все, что происходило в истории, являлось плодом человеческого разума и человеческого сознания. Так, например, ученые считали, что понятие (идея) огня — что он обжигает и греет — не получено из опыта, а в готовом виде существовало в наших головах. Опыт же только открыл существование идеи огня в голове человека. Идея жизни растения, то есть то, что жизнь растения заключается в появлении новых клеток и умирании старых, была в готовом виде в наших головах, а не родилась в нашем уме в результате изучения жизни растения. Изменение экономических, политических, общественных, судебных и других законов якобы зависело от человеческого разума, человеческого сознания. Эта система понятий или идей господствовала давно, господствует во многих умах и до настоящего времени. Это — известная древняя система греческого философа Платона, это — *идеалистическая* система.

Идеализм полностью соответствовал слабому развитию человеческого сознания. То, что он господствовал до конца первой половины нашего века, совсем не является чем-то странным. Да, не является странным, ибо только в это время капиталистическое производство достигло своего современного высокого развития и в это время начинают появляться научные исследования о свойствах капиталистического способа производства и обмена. И чем больше развиваются капиталистический способ производства и обмен, тем объемнее становится человеческая мысль, тем шире развиваются знания, особенно естественные науки.

Разумеется, что в настоящее время старые способы мышления и системы идей совершенно не способны объяснить нам явления. Учение Дарвина о происхождении видов и человека сейчас мало-помалу совсем вытесняет метафизический метод. Дарвин доказывает, что любой органический мир, растения и животные, и человек в том числе, является результатом развития в течение многих миллионов лет. «Тот,— говорит Дарвин,— кто, как дикарь, не удовлетворяется рассмотрением явлений природы, как явлений, лишенных всякой взаимной связи, не будет уже думать, что человек — это дело какого-то отдельного творческого действия. Он должен признать большое сходство зародыша человека с зародышем, например, собаки, строение его черепа, членов и всего тела, не принимая во внимание применение этих частей тела, по одному плану со строением тех же органов других млекопитающих; случайное появление различных структур тела, например особых мышц, свойственных обезьянам, у человека, что является для него ненормальным,— он должен признать, что эти и много других фактов самым наглядным образом дают нам понять, что человек происходит наравне с другими млекопитающими от одного общего для всех прародителя»*. Именно это учение наконец определило место и значение человека в природе и тем самым поразило метафизический метод мышления в самое сердце.

Вообще естественные науки нам доказывают, что человеческое тело состоит только из материи (вещества), то есть из костей, мяса, крови и нервов. И ничего больше. Эти науки доказывают, что жизнь человека — это постоянное изменение вещества, из которого образуется его тело,— это постоянное взаимодействие частиц материи. Наши ощущения являются также только различными изменениями вещества нашего тела. Так, например, когда мы ощущаем жажду, это значит, что между частицами материи в нашем теле происходит очень быстрое взаимодействие, разложение и соединение частиц или что жидкие и другие тела, которые мы приняли, израсходованы и наблюдается потребность в новых телах. Теперь известно, что идеи или понятия предметов внешнего мира не находятся в готовом виде в наших головах, а являются более или менее верным отражением в них этих

* Дарвин. Происхождение человека. Выпуск II, стр. 585.

предметов. Чтобы в нашей голове родилась какая-либо идея предмета, нужно, чтобы этот предмет существовал и произвел на нас впечатление. Наше сознание зависит от вещественных условий, в которых мы живем, условия жизни не зависят от нашего сознания. Так, например, чтобы дошло до сознания, что социалистические законы неизбежны в будущем, нужно было развивать современное производство и его средства, т. е. машины, различные знания и технические усовершенствования. И это сознание тем больше растет, чем шире развивается теперешнее производство, чем дальше идет к своему концу его развитие. Короче говоря, сейчас является непререкаемой истиной положение о том, что вся духовная жизнь человека развивается под влиянием материальных (вещественных) условий, окружающих его. Столкновения рабочих с буржуазией, которые с начала второй половины этого века начинают выливаться в борьбу международного пролетариата с классом капиталистов, доказывают, что история человечества есть история борьбы между различными общественными классами и что господство того или иного класса в данное время зависит от способов производства и обмена, т. е. от материальных условий или экономических законов. Поэтому эта система называется *материалистической*. Она является результатом современного развития и все больше и больше подчиняет умы, науку, мысль своему влиянию.

Следует, однако, хорошо отличать *научный материализм* от слова «материализм», под которым понимается жадность к вещественным благам, к грубым удовольствиям и наслаждениям. Научный материализм не имеет ничего общего с грубым практическим материализмом. «Когда,— говорит Ланге,— под практическим материализмом понимают общую погоню за барышами и материальными удовольствиями, против него во весь рост поднимается научный материализм и тяга к знаниям. Можно сказать, что по своей большой простоте великие материалистические системы древних народов во много раз лучше, чем мечтательный идеализм, который очень часто превращается в иллюзию. Эти системы древних способны отвлекать ум от низменных и обыкновенных предметов и давать ему правильное направление на достойные решения вопросы» *.

* F. A. Lange. Histoire du Materialisme, b. I., p. 39.

И действительно, современный материализм лежит в основе всех современных человеческих знаний. Он связывает их в одно целое, он нам понятно объясняет все природные и исторические явления с точки зрения материальных условий жизни. Современный материализм есть научная система, без которой нельзя разумно объяснить ни одно явление. В настоящее время тот, кто не мыслит материалистически, блуждает в потемках, является не полностью сознательным, не мыслящим, не образованным человеком.

Итак, современный способ капиталистического производства и обмена изменил не только политические и общественные отношения, но и сами методы мышления, как и систему идей. Диалектический метод мышления толкает человеческий ум к неизбежному признанию того, что современные экономические законы составляют только один исторический период, который пройдет и уступит место другим законам, как это было со старыми законами, уступившими свое место современным законам. Он заставляет мыслящий ум прийти к непреодолимому убеждению, что в противоречиях современных законов развивается зародыш новых законов. Это есть всеобщий закон развития. Научный материализм также заставляет человека признать, что все исторические явления в конечном счете объясняются материальными условиями, т. е. экономическими законами в каждом данном историческом периоде. А экономические законы в каждом историческом периоде определяются способами производства и обмена, которые господствуют в тот период. Рассматривая современные экономические законы, мы видим с полной ясностью, что они социализируют, т. е. все превращают в общественную собственность — иначе говоря, — ведут нас к социализму. Таким образом, научный материализм составляет теоретическую (научную) основу современного социализма. И чем дальше мы идем, тем скорее научный социализм становится господствующей системой в науке и в головах людей. То, что не могли сделать первые социалисты, делает современное историческое развитие и созданные им диалектический метод мышления и современная материалистическая система. Социализм, как говорит Ф. Энгельс, наконец вступил на прочную почву.

Социализм стал наукой.

ИМЕЕТ ЛИ СОЦИАЛИЗМ ПОЧВУ У НАС?

О распространении социализма у нас.— Развитие фабричного производства и упадок старых экономических законов: цеховой порядок и ремесла.— Развитие прядильного и ткацкого фабричного производства и централизация земли.— Развитие крупной торговли и торговых центров.— Машины и эксплуатация рабочих.— Переворот в общественных, политических, семейных, судебных, религиозных и умственных отношениях.

Сейчас время ответить на вопрос: *имеет ли социализм почву у нас?* После сказанного в предыдущих главах ответ на этот вопрос ясен. Кто прочитает со вниманием и без предубеждения предыдущие главы этой книги, тот согласится, что *социализм не может не иметь почвы у нас.*

В этих главах мы видели, что социализм является результатом исторического развития человечества, что современный способ производства и обмена, или торговли, *социализирует, т. е. превращает средства производства в общественные*, ведет нас к социализму. Мы видели также, что социализм является наукой, которая, как и вся современная наука, основывается на диалектическом методе мышления и научном материализме. В результате усвоения этого положения мыслящий человеческий разум все больше и больше приходит к теоретическому (научному) признанию, что естественное развитие человечества ведет к социализму. И чем прочнее усваиваются эти положения, тем большее количество образованных людей признает, что социализм составляет неизбежную ступень развития человечества. В настоящее время наиболее образованные представители Америки, Англии, Германии, России, Франции, Бельгии и других стран признают, что переход к социалистическим законам неизбежен. Мы видели, наконец, что торжество социализма не является национальным делом, т. е. не является делом только одного народа. Оно возможно, когда он победит одновременно хотя бы в одной-двух европейских странах. Вот поэтому в настоящее время социалистическое движение становится международным и в соответствии с общей международной программой стремится к одному и тому же — к захвату государственной власти, с помощью которой оно провозгласит

социалистические порядки. Если социалистические законы будут провозглашены в одном-двух европейских государствах, то и другие страны будут вынуждены подчиниться этим законам, так же как сейчас все страны подчиняются современному буржуазному закону.

Разумеется, что если социализм является законом исторического развития, тогда и наше развитие подчиняется этому закону. Если социалистическое движение является международным делом и торжество социалистических законов в некоторых странах подчинит им и другие страны, то, разумеется, наш народ будет вынужден им подчиниться. Если социализм является наукой, без знания которой в настоящее время нельзя назвать человека полностью образованным, то тогда, значит, социализм и для нас, болгар, является наукой, без знания которой мы всегда будем слепы, невежественны в научном отношении. Ясно, что социализм, как закон исторического развития, мы должны знать, должны изучать, должны распространять в нашей стране, потому что иначе мы не будем знать путь своего развития, не будем знать, куда нас ведет это развитие. Ясно, что дело социализма, как международного движения, торжеству которого подчинится и наш народ, требует разъяснять значение социалистического переворота, развивать среди народа социалистические идеи, потому что иначе он будет неподготовлен к самому великому международному перевороту. Наконец, ясно и то, что социализм, как наука, должен развиваться в нашей стране, должен пропагандироваться, потому что без знания этой науки мы будем идти в темноте, слепо, без сознания. Неужели нет у нас почвы для распространения исторических знаний? Допустим, что у нас нет этой почвы. Ясно, что это чистая нелепость, бессмыслица.

Что бы там ни говорили, а для распространения социализма почва у нас есть, так же как есть почва для распространения и других учений. Другой вопрос, как быстро или медленно могут распространяться идеи социализма у нас. Медленное или быстрое распространение в нашей стране идей научного социализма зависит от того, насколько быстро у нас развиваются экономические условия и с каким старанием распространяются идеи социализма. Раз это так, то тогда нечего ставить вопрос, имеет ли социализм почву у нас. Правильнее будет спросить: *имеет ли у нас почву капитализм, современное капиталистиче-*

ское производство? Этот вопрос необходимо поставить, ибо, как мы видели, способ капиталистического производства и обмена социализирует средства производства — машины, землю, орудия труда, — т. е. ведет к социализму, открывает средства, с помощью которых осуществляются социалистические законы, и показывает метод перехода к ним. Быстрое или медленное распространение социализма в нашей стране зависит от того, как медленно или быстро развивается у нас капитализм. И поэтому мы наиболее легко достигнем цели, если скажем, развивается ли у нас капиталистическое производство и какие изменения вносит оно в нашу жизнь.

Действительно, есть ли у нас почва для капитализма? Во второй главе этой книги мы видели, что при современных быстрых и легкодоступных сухопутных и морских сообщениях, при теперешней мировой торговле капиталистическое производство вовлекает на свой путь развития все народы, даже самые отсталые, выводит их из первобытной тесной национальной жизни, ставит во взаимозависимость все нации. Разумеется, наш народ должен подпасть под всецелое влияние капиталистического производства. Тотчас же после нашего освобождения стало ощущаться это влияние: старые законы начали сразу же разлагаться. Это разложение началось, конечно, со старых способов производства. Тотчас после нашего освобождения приходит в упадок цеховая организация наших ремесел и под влиянием внешней конкуренции ликвидируются сами ремесла и останавливается мелкая торговля. В настоящее время цеховая организация совершенно исчезает и мелкая торговля окончательно останавливается. Достаточно посетить какой угодно город, чтобы убедиться в этом. Везде заметно одно явление: многие из ремесел исчезли, в области мелкой торговли полное замирание купли-продажи, а мелкие торговцы покидают свои лавки. Это уже признается всеми и подтверждается правительственными изданиями. Каждый год окружные управители подтверждают упадок в своих «докладах» перед окружными сессиями органов местного самоуправления. Правительственная газета «Свобода» в номере от 19 июня 1891 года, говоря об увеличении «чиновничьего пролетариата», т. е. нищете, ищущей спасения в чиновничестве, пишет: «Корень зла в упадке ремесел и торговли... и контингент чиновничьего пролетариата составляют разорив-

шиеся ремесленники и торговцы» *. А в номере от 20 июня того же года в статье, озаглавленной «Как можем поднять нашу индустрию?», читаем следующее: «Недавно, до освобождения страны, почти во всех наших городах и больших селах существовала достаточно широко развитая ручная промышленность, которая не только удовлетворяла местные потребности и доставляла средства пропитания большей части населения этих городов и сел, но и являлась предметом развитой внешней торговли... Что осталось сейчас от этой недавно процветавшей индустрии и от широкой, связанной с ней внешней и внутренней торговли? Ничего другого, кроме печальных остатков, и большинство этих цветущих городов и сел за такой короткий промежуток времени дошло почти до запущения, а их способное, трудолюбивое и зажиточное население, несмотря на поредение, теперь с большим трудом и муками едва сводит концы с концами» **. А в номере 511 той же газеты говорится: «И от провинциальных газет и от частных лиц — от всех и со всех сторон слышится одно и то же — *нет денег, торговля застыла, ремесла остановились*. И это не ложь, это истина — горькая истина, которая на каждом шагу бросается в глаза человеку» ***. То же самое подтверждает газета «Пловдив» в номере от 14 мая этого года. В ряде статей под названием «Наши ремесла», рассматривая вопрос о том, какие ремесла уже пропали и какие могут еще подняться на ноги, говорится следующее: «Одно время и сравнительно недавно наши ремесла и наши ремесленники находились в самом цветущем состоянии. Они были главной опорой страны... Сегодня дело обстоит совсем иначе. Сегодня состояние большинства наших ремесел и ремесленников очень незавидное» ****.

В настоящее время в нашей стране повсеместно наблюдается коренное изменение в старых способах производства и обмена. Капиталистическое производство с конкуренцией разрушает до основания наши старые экономические законы и принуждает нас принять свои, капиталистические способы производства и обмена, если не

* См. газета «Свобода» № 553.

** «Свобода» № 553, стр. 3.

*** «Свобода» № 511, стр. 2, колонка 3.

**** Газета «Пловдив» № 51, стр. 1, 1891 г.

хотим погибнуть. В настоящее время это ясно всем. Газета «Свобода», говоря о том, как восстановить наши ремесла, пишет: «Нет, здесь нужна частная инициатива, конечно, при содействии соответствующих государственных учреждений. Частная инициатива в данном случае должна проявиться в ремесленных объединениях, целью которых является поддержка и помощь болгарским ремесленникам» *. Газета «Пловдив», говоря об улучшении положения ремесел вообще и, в частности, портняжного дела **, пишет: «Наши портные должны глубоко осознать, что если они хотят конкурировать с европейскими соперниками по портняжному ремеслу, то они должны собрать свои небольшие силы воедино. Зачем нам 20—30 маленьких мастерских по пошиву европейской одежды в Пловдиве? Зачем нам 20—30 закройщиков, которые едва могут скроить одну-две пары одежды в течение недели? Насколько было бы выгоднее, если бы все эти маленькие мастерские слились в одно или два ателье с двумя или четырьмя самыми искусными закройщиками и 20—30 портными!» ***. Газета «Балканска Зора» в статье «Новая болгарская индустрия» еще яснее говорит по этому вопросу: «В нашей стране не осталось газеты, которая бы не сожалела об упадке наших ремесел и не искала бы средств для их восстановления. А между тем, что бы ни делали,— зло непоправимо, ремесла никогда уже не поднимутся до уровня, который когда-то был. Упадок ремесел— это экономический процесс, который происходил и еще происходит во всей Европе. Ремесленники производят различные товары в малых масштабах, совершенно отдельно друг от друга и самостоятельно несут расходы. С развитием индустрии оказалось, что фабричное производство несравненно дешевле... Ремесла, которые в нашей стране пришли в упадок, в Европе совсем уже исчезли. Мечтать о восстановлении ремесел на прежнем уровне, хотя бы тех из них, которые заменяют фабричное производство, значит желать невозможного, значит желать остановить развитие индустрии не только в нашей стране, но и за границей. Вместо этого умнее и лучше надо стараться получить и нам усовершенствованную индустрию,

* «Свобода» № 511, стр. 3, 1891 г.

** Имеется в виду производство европейской одежды.— *Ред.*

*** «Пловдив» № 54, стр. 1, 1891 г.

которая убивает наши ремесла, чтобы только внутри страны произошло изменение и чтобы наши богатства не вывозились за границу. К этому мы должны стремиться и будем стремиться волей-неволей, потому что это экономический закон, которому нельзя противостоять» *.

Все это подтверждается самой жизнью. Когда цеховая организация пришла в нашей стране в упадок, начинают появляться отдельные ремесленные мастерские, которые производят готовые товары и на которые работают все другие мастера, подмастерья и ученики в качестве наемных рабочих, или мастера со своими подмастерьями и учениками производят в своих мастерских товары для больших мастерских. Так, например, во многих городах появилось по одной сапожной мастерской, принадлежащей одному собственнику, на которого работают другие мастера, подмастерья и ученики этого ремесла как наемные рабочие с зарплатой или с оплатой поштучно, когда они продолжают трудиться в своих маленьких мастерских. Это положение мы наблюдаем в портняжном, слесарном, красильном, гончарном и других ремеслах. Такие мастерские встречаются в Софии, Самокове, Видине, Русе, Тырнове и других городах.

Но в настоящее время в нашей стране наибольшее развитие получило капиталистическое производство сукна и пряжи. Как известно, производством сукна и пряжи до последнего времени у нас занималось почти все население. Но со времени освобождения в 1878 г. и особенно в последнее время это мелкое домашнее производство очень быстро ликвидируется. На его месте возникает фабричное производство, и число фабрик растет из года в год. Наибольшего развития это производство достигло сейчас в г. Сливене. В городе и в его предместьях число фабрик в 1890 году достигало 14 **, а в этом году их стало уже 16. За Сливеном идут Габрово, Трявна, Казанлык и Карлово. В Габрове имеется 5 фабрик по производству сукна и пряжи, в Трявне — 3, в Карлове и Казанлыке — по одной. На главнейших из этих фабрик работают огненные машины и механические станки. Как мы видели во второй главе этой книги, указанные машины заменяют человеческий труд и для их управления не нужно ни большой

* «Балканска Зора» № 199, стр. 2, 1891 г.

** Доклад окружного управителя г. Сливена за 1890 год.

физической силы, ни особого искусства. Поэтому теперь везде, в том числе и в нашей стране, для управления этими машинами предпочитают нанимать детей, девушек и женщин. На всех наших фабриках большинство рабочих составляют дети от 6—9 до 14 лет, девушки и женщины. Рабочих-мужчин больше на тех фабриках, где работа производится на машинах и станках старых систем. Как бы то ни было, но на этих фабриках сейчас работает все население городов, в которых имеются фабрики, люди работают на фабриках и дома как наемные рабочие.

Далее, в нашей стране достаточно большое развитие находит крупное производство в мукомольном деле. Так, например, в Видинском округе имеются две паровые мельницы, в Тырновском округе — четыре таких мельницы и по одной, насколько знаем, в Бургасе, Софии и Пловдиве. Об объеме производства на этих мельницах точных сведений нет. Однако есть точные сведения об объеме производства на тырновских мельницах, две из которых производят в год 1 900 000 оки * муки. Причем одна часть от этого количества вывозится за границу, а другая продается на внутреннем рынке. Мука, продаваемая как за границей, так и внутри страны, стоит по 138 000 лева **. Кроме указанных фабрик, в этом году открывается новая и, по-видимому, большая фабрика по производству бумаги. В ее финансировании принимают участие в качестве акционеров самые богатые люди нашей страны, и наше правительство особо покровительствует ей, обязав все учреждения покупать бумагу у этой фабрики.

Вообще фабричное производство в нашей стране имеет почву во многих других отраслях промышленности. Но самым важным для настоящего времени является развитие суконного и прядильного производства. Действительно, число фабрик этой отрасли производства быстро растет, но этот рост носит временный характер. Конкуренция, борьба интересов, которая управляет капиталистическим производством и обменом, не может терпеть такого большого числа фабрик в одном месте, она ликвидирует многие из них и оставляет только те, в которых социализируется больше всего средств производства, т. е. капитала. Это уже и сейчас заметно. Так, например, из 16 фабрик в городе

* ока — мера веса = 1,282 кг.— *Ред.*

** См. доклад тырновского окружного управителя за 1890 г.

Сливене лучше всех развивается правительственная фабрика, и это понятно, так как она располагает большими средствами для производства. За ней идет фабрика Сарыиванова, которая очень преуспевала и которая, по-видимому, поглотит другие фабрики. Аналогичное положение мы видим в Габрове и Трявне. Некоторые фабрики этих городов неспособны конкурировать с фабриками, например, Манафова и К^о в Габрове и Златева и К^о в Трявне. Так обстояло дело во всех странах, так обстоит дело у нас с той только разницей, что в нашей стране бич конкуренции скорее принудит несколько акционерных компаний собрать капитал — средства производства в своих руках.

Как бы там ни было, а развитие крупного прядильного и суконного производства у нас ведет к важным экономическим изменениям. Как везде, так и в нашей стране, это производство является самой важной отраслью народного хозяйства. Поэтому изменение способа производства в этой отрасли произведет коренное изменение и в других отраслях народного хозяйства. Как указывается выше, выработка сукна и пряжи до последнего времени была распределена почти среди всего народа, а сейчас изымается из рук народа и превращается в фабричное производство. Как у других народов изменение этого производства мелкого в крупное, домашнего в фабричное отняло большую часть земли у земледельцев и превратило ее в большие пастбища для овцеводства и плантации технических культур, так и в нашей стране развитие фабричного производства в этой отрасли нашей промышленности потребует развития овцеводства и обработки больших плантаций различных технических культур. Это уже сейчас видно по настроению умов. Так, например, промышленная комиссия Министерства народного просвещения в своем докладе, рассуждая об улучшении овцеводства, говорит: «В первую очередь нужно улучшить корм для наших овец путем улучшения пастбищ и лугов и введения системы травосеяния» *. Комиссия, находя, что при современном мелком сельскохозяйственном производстве в нашей стране пастбища, луга и др. превращаются в поля, считает необходимым принять меры против этого превращения. «Необходимость этих мер,— говорится в

* См. доклад промышленной комиссии при Министерстве просвещения, стр. 41.

докладе, — становится более ощутимой, если вспомнить, что площадь наших полей, которая составляет 65,8% обрабатываемой земли Княжества, быстро увеличивается, что не является желательным, поскольку поля по своей площади должны быть в известном соотношении с лугами, пастбищами, лесами и т. д.» *. В той же газете «Балканска Зора» читаем: «Действительно, пока у нас нет крупных имений, которые способствуют сосредоточению больших капиталов в одних руках, а значит и применению более современной техники, до тех пор не только нельзя употреблять сложные сельскохозяйственные машины, но и думать о производстве в больших количествах технических культур» **. А что все это означает? Ясно, что это означает — большая часть земли должна превратиться в пастбища, луга и плантации технических культур, то есть земля должна перейти в руки нескольких крупных землевладельцев.

Однако земля и так все больше и больше сосредотачивается в руках капиталистов, все больше и больше переходит от мелких земледельцев в крупные землевладения. Ход событий в нашей стране фатально (слепо) ведет нас к этому. Дела у нас складываются таким образом, что сами земледельцы будут вынуждены оставить земли и искать счастья в другом месте. В сущности и теперь земля уже не принадлежит земледельцам; они владеют ею формально — земля записана на их имена. Это понятно, потому что земля наших земледельцев опутана тяжкими долгами и повинностями. Наша статистика не дает нам никаких сведений о движении земли в нашей стране, то есть о ее переходе из одних рук в другие. Но каждому известно, что земля наших земледельцев заложена или в банке, или в сельскохозяйственных кассах, или же у ростовщиков. Г-н Габе, говоря о плохом экономическом положении земледельцев в Варненском округе, заявляет: «Остается только добавить, что, имея в виду обесценение земли и огромные суммы долгов земледельческого элемента в банке и сельскохозяйственных кассах, больше всего в последних, мы увидим, что землевладельцы обладают землей фиктивно и что достаточно банку и

* Доклад промышленной комиссии при Министерстве просвещения, стр. 9.

** См. «Балканска Зора» № 387, стр. 2, 1891 г.

кассам ликвидировать свои дела и они станут хозяевами всего округа» *. Это соответствует действительности. О положении с землей почти во всех округах можно судить приблизительно следующее. По подсчетам промышленной комиссии при Министерстве просвещения выходит, что сельским хозяйством в Княжестве занимается 2 211 547 человек, которые обрабатывают 17 918 769 дюлюмов ** или 1 791 876,9 гектаров земли. Сельскохозяйственные кассы в Княжестве, по данным до 1 января 1890 года, выдали ссуд на сумму 22 423 548 левов 24 стотинки. Разделив эту сумму на число земледельцев, увидим, что на каждого земледельца в Княжестве падает 10 левов и 15 стотинков долга, не считая процентов, которые они выплачивают кассам. Разделив ту же сумму на число гектаров обрабатываемой в Княжестве земли, найдем, что на каждый гектар земли падает приблизительно 12 левов 50 стотинков долга, опять же без процентов. Кроме того, с тех пор как издан закон, по которому банку разрешается выдавать ссуды под ипотеку полей, лугов и других земель, эти ссуды возросли с 2 687 632 лева 55 стотинков до 11 832 777 левов 77 стотинков в апреле 1889 года. Если из этой суммы, предположим, только 5 миллионов левов выдано под ипотеку, то окажется, что на каждый гектар земли падает приблизительно еще 3,1 лева без процентов ***. Следовательно, на 1 гектар земли падает около 15—16 левов долга. Средняя цена одного гектара земли у нас не превышает этой суммы, а из этого следует, что землей у нас земледельцы владеют только номинально, в сущности она им не принадлежит.

С другой стороны, налоги, выплачиваемые земледельцами, из года в год растут. Как известно, бюджет Княжества возрос с 36 миллионов левов в 1885 году до 81 093 175 левов в 1890 году. Из этого видно, что за пять лет бюджет увеличился по крайней мере на 45 миллионов левов. Приняв во внимание, что большая часть бюджета образуется от налогов на земледельцев, увидим, что земледельцы платят налогов больше, чем все другие налогоплательщики. Красноречивые данные приводит г-н Габе

* П. Габе. По земледельческий въпрос. Русе, 1890, стр. 12.

** 1 дюлюм = 1 декару = 0,1 га.— *Ред.*

*** См. «Държавен вестник» за 1890 год. Ведомост за положението на земледельческите каси в Княжеството и баланс на Банката за 1889—90 година.

о распределении налогов в Варненском округе, которые достаточно верно отражают положение во всем Княжестве. Приведа таблицу о налогах в Варненском округе, он пишет: «Из этой таблицы видим, что земледелец платит в целом 84 лева 15 стотиннок или один земледелец обязаи выплатить столько налогов, сколько выплачивает около 20 чиновников, или 6 человек свободной профессии, или 2,7 торговца, или 6 промышленных ремесленников, или 6,8 ремесленника. Другими словами, земледельцы несут денежную повинность на 620% больше, чем другие налогоплательщики» *. Теперь, если мы произведем небольшой расчет, можно прийти к более неутешительному заключению. Как мы видели из доклада промышленной комиссии, сельским хозяйством в нашей стране занимается 2 211 547 человек на 17 918 769 увратах ** или 1 791 876,9 гектарах земли, другими словами в среднем на каждого земледельца приходится 8,1 дюлюма земли. Обычно один дюлюм земли приносит 14 левов доходов, а 8,1 дюлюма дадут 113,4 лева. Предположим, что каждый земледелец выплачивает по 70 левов налогов и по 12 левов долгов за землю, получается 82 лева. Произведем вычитание из 113,4 лева 82 лева. Земледельцу остается таким образом 31,4 лева или 155 грошей. Что он сделает в первую очередь с такой суммой — заплатит ли проценты или истратит на пропитание и другие надобности?

Наконец, необходимо также иметь в виду и то, что в настоящее время из жизни села исчезают старые обычаи и в жизнь его молодого поколения проникает *индивидуализм*, то есть каждый стремится как можно скорее отделиться и стать самостоятельным хозяином. А в результате этого земля все больше и больше дробится на мелкие участки, которые при теперешних первобытных орудиях сельского хозяйства и способах обработки земли совершенно не могут вознаградить труд земледельца, — его доход становится все меньшим и меньшим. Вот почему наши земледельцы вынуждены искать деньги на пропитание у ростовщиков, которые безжалостно пользуются плохим положением земледельца. Проценты, под которые ростовщики выдают ссуды нашим земледельцам, достигают невероятных размеров: 100—200 и даже 300% в год!

* П. Габе. По земледельческийя въпрос. Русе, 1890, стр. 17.

** уврат = приблизительно декару (919 м²). — Ред.

«Одним словом,— говорит г-н П. Габе,— ростовщичество пустило в стране глубокие корни и превратилось в сильную экономическую эпидемию» *.

Разумеется, что при таких условиях для большей части наших крестьян бывает невозможно выплатить безбожные проценты и различные другие долги. Что же происходит потом? Происходит то, что земля начинает уходить из рук земледельца и становится собственностью ростовщиков. В настоящее время такое положение должно быть обычным явлением в нашей стране. Но о нем, как мы помним, нет никаких статистических данных. Однако известны некоторые такие случаи. Так, например, известный богач — еврей из Бургаса — стал владельцем крупного имущества в Бургасской, Ямбольской и Карнобатской околиях. Известный также богач из Дрянова продал землю крестьянам в одном селе Севлиевской околии, на расстоянии 2 часов езды от города Севлиево. Продал он землю в рассрочку с процентами, но через некоторое время отобрал ее обратно, а за проценты завладел и собственным имуществом крестьян, которые превратились в его рабов. Аналогичный случай имел место и в Станимакской околии. Известный хаджи из Станимака в 1890 году купил несколько сел, а в 1891 году еще два села, земли которых продал крестьянам Станимакской околии в рассрочку с процентами. Однако через некоторое время он взял свои земли обратно, а в уплату процентов отобрал имущество крестьян. То же самое видим и в Тузлушской околии. В Кюстендилской же околии, как известно, еще со времен турецкого владычества большая часть земли оставалась в руках нескольких чифликчиев **, а другая часть — каменистая и песчаная. Но население этой околии превращено или в полунаемных или полностью наемных рабочих.

Из всего этого видно, что и в способах сельскохозяйственного производства происходят и ожидаются важные изменения.

Наконец, в последнее время у нас самым широким образом развивается торговый дух. В стране нет города, в котором не было хотя бы одного акционерного торгового или сберегательного общества для накопления капитала.

* П. Габе. По земледельческим вопросам. Русе, 1890, стр. 11.

** чифликчия — владелец фермы, небольшого поместья.— *Ред.*

Так, например, в Варне в 1890 году существуют три общества: «Болгарское торговое пароходное общество в Варне» с капиталом в 1 000 000 левов, «Трудолюбие» и «Добрая честь». Целью деятельности двух последних обществ является увеличение их капитала путем ссуд под проценты *. В Русе существуют общества «Гирдап», «Общество по страхованию», «Акционерное сапожное общество». В Софии — общество «Хозяйство», целью которого является приобретение для своих членов недвижимого имущества, а также сберегательное общество «Удача», в Пловдиве — Болгарское торговое общество «Источник», в Сливене — акционерное сберегательное общество «Постоянство», в Габрове — 6 сберегательных и торговых обществ, в Севлиеве — одно торговое и 3 сберегательных общества и так далее **. В обмене предметами наблюдаются также коренные изменения. До последнего времени в нашей стране крупная торговля происходила на ярмарках, таких как Джумайская, Узунджовская и др., но теперь их значение ничтожно. Сейчас торговля все больше и больше сосредоточивается в нескольких торговых центрах, рядом с железнодорожными и водными путями, таких как София, Пловдив, Бургас, Варна, Русе, Свиштов и другие. Более состоятельные торговцы постоянно перемещаются из внутренних городов в эти торговые центры, которые расширяются из года в год. Так что и в нашей стране одновременно с развитием капиталистического производства будут развиваться и большие города.

Итак, наше государство уже вступило на путь капиталистического производства и обмена. Со времени освобождения страны до настоящих дней наша жизнь находится под полным влиянием западноевропейских экономических законов, и наш народ входит во взаимную зависимость, которой капиталистическое производство уже давно подчинило другие цивилизованные народы. И чем дальше мы идем вперед, тем больше увеличиваются это влияние и зависимость нашего народа от других стран. Это понятно, так как наши торговые сношения с другими народами со времени освобождения страны все более и более расширяются. Это можно видеть из статистических данных о внешней торговле. Так, например, импорт и

* Доклад варненского окружного управителя за 1890 г.

** См. «Държавен вестник» за 1889, 1890 гг.

экспорт за 4 года в денежном выражении (левах) претерпевал следующие изменения *:

Годы	Импорт	Экспорт
1886	64 285 309 лева	50 404 314 лева
1887	64 742 481 »	45 747 247 »
1888	66 362 431 »	64 198 634 »
1889	72 869 245 »	80 581 076 »

Сравнивая цифры этой таблицы, особенно экспорт указанных лет с экспортом 1879 года, мы обнаружим значительную разницу. Экспорт с 1 января 1879 года по 1 марта 1880 года, т. е. за 14 месяцев, составляет 7 377 209 левов, а за целый год — 6 096 016 левов **. Это означает, что торговые сношения Княжества за десять лет увеличились в денежном выражении если не в 10 раз, то по крайней мере в 5 раз! Увеличение нашей внешней торговли с другими странами можно видеть также из объема международной телеграфно-почтовой корреспонденции. Так, международная телеграфно-почтовая статистика показывает нам следующее ***:

Годы	Исходящая		Входящая		Примечание
	частные телеграммы	образцы товаров	частные телеграммы	образцы товаров	
1886	53 185	12 508	35 732	27 678	В данные этой таблицы не входят правительственные и служебные телеграммы
1887	56 034	5 272	40 692	32 340	
1888	59 629	12 950	46 384	16 368	
1889	64 807	15 812	48 196	47 724	

Разумеется, что эти сношения в результате строительства железных дорог, связывающих приморские и дунайские торговые центры, будут все больше и больше увеличиваться, и влияние экономических законов европейских

* «Статистика за търговията на Българското княжество с чуждите държави за 1889 година». София, 1890 г.

** «Държавен вестник» за 1879 г.

*** См. «Държавен вестник» за 1888, 1889, 1890 гг.

стран станет еще большим, и судьба нашего народа теснее свяжется с судьбой других народов. Связь Болгарии с Европой посредством моря, Дуная, железных дорог и телеграфно-почтовых союзов, любовь болгарина к деньгам, естественные богатства страны — все это толкает нашу жизнь на путь, на который она уже вступила, т. е. на путь капиталистического производства и обмена. *А если, как говорит Маркс, народ угадывает закон своего естественного развития, тогда ничто не может его отклонить от этого закона.* В таком случае личности остается только облегчать муки, которые испытывает наш народ при рождении новых способов производства, и отыскивать доброе лекарство для исцеления ран, наносимых ими народному телу.

Капитализм появляется у нас в своем новейшем виде, в каком он уже имеется в Европе и Америке, — в виде акционерных капиталистических компаний и в виде коллективного (общего) государственного капиталиста с машинами новейших конструкций. В области эксплуатации труда он также выступает у нас в своих новейших формах. Так, например, в нашей стране, как и у других народов, на фабриках пользуется предпочтением детский и женский труд, являющийся более дешевым и вполне достаточным для управления машинами. У нас также рабочие трудятся день и ночь, по 14—16 часов в сутки, получая от 20 до 60 стотинков зарплату, которая только для рабочих-мужчин достигает от 1 лева до 1 лева 50 стотинков в день. Но этого недостаточно — эксплуатация рабочих у нас достигает неслыханных размеров. Обычно наши фабриканты нанимают рабочих на месяц. Это означает, что фабрикант в течение месяца эксплуатирует не только рабочего, но и его заработную плату. Фабрикант в продолжение месяца (еще больше в продолжение года) пускает в оборот зарплату рабочих, получает от нее доходы, из которых в конце месяца оплачивает труд рабочего. Так, что получается двойная жестокая эксплуатация рабочих в нашей стране. Этот метод эксплуатации в настоящее время не встречается уже нигде в Европе. В других странах работают сдельно и по крайней мере в конце каждой недели рабочие получают зарплату. Если и при этих условиях эксплуатация рабочих там сильная, то у нас она поистине в наивысшей степени жестока. Если естественный исторический ход развития и в нашей

стране превращает вчерашних самостоятельных производителей в наемных рабочих, которых голод заставляет конкурировать друг с другом в продаже своего труда, обязанность государства заключается в ограничении этой жестокой эксплуатации рабочих со стороны фабрикантов.

Однако, как бы там ни было, капитализм не только имеет почву у нас, но и появляется в своих новейших формах развития. А если капитализм имеет почву, тогда, несомненно, и социализм имеет почву у нас. Это ясно, как день. Чем больше развивается капиталистическое производство, тем шире становится почва для социализма в нашей стране. Действительно, иностранная конкуренция мешает более быстрому развитию капиталистического производства у нас внутри страны, но результаты влияния капиталистического производства и обмена остаются теми же самыми — нищета и рост пролетариата из года в год. Этого нельзя отрицать. Газета «Балканска Зора» прямо говорит: «Фабрики создают пролетариат, но у нас и без фабрик пролетариат будет еще большим по своему числу» *.

В первых главах мы видели, что экономические законы являются основой, на которой создаются все другие учреждения: общественные, политические, религиозные и т. д. Если изменятся экономические законы общества, то изменятся и все другие законы. Разумеется, что капиталистическое производство в нашей стране, разрушая старые способы производства и обмена, т. е. экономические законы, преобразует нашу жизнь и в любом другом отношении: в общественном, политическом, судебном, семейном, религиозном и умственном. Известно, какими простыми были эти отношения в нашем обществе до освобождения страны от турецкого ига. Но со времени освобождения капиталистическое производство основательно изменяет все в нашей стране. И чем больше развивается это производство, тем шире станут эти изменения, тем более глубокими и понятными они будут. И действительно, раньше у нас общественное положение всех было одинаковым: не было больших богатств, не было и большой нищеты, богатства были распределены более или менее равномерно. Сейчас наблюдается как раз обратное: богатства все более и более централизуются (сосре-

* «Балканска Зора» № 399, стр. 3, 1891 г.

доточиваются) в руках меньшинства. Имеются крупные богачи, но имеется и большая нищета — число бедняков растет изо дня в день. Это печальная, но непреоборимая истина. Правительственная газета «Свобода» в номере от 12 апреля 1891 года пишет: «Действительно, нищета не чувствовалась, потому что жизнь была простой и баснословно дешевой, но теперь, когда мы со времени освобождения вступили в более сложную жизнь, когда фактически началась дифференциация общественных слоев и развитие централизации капитала в одних руках (хотя все это происходит у нас в миниатюрной форме по сравнению с тем, что происходило и происходит сейчас в других странах Европы), нельзя сказать, что нищеты у нас нет» *. В той же газете 26 июня 1891 года в статье «Отдаем себя индустрии» говорится: «Но когда страшнее Сербии — бедность раздевает нас догола и голодом изнуряет наши умственные и физические силы, мы равнодушно молчим и иногда только прошенчем, что, мол, правительство должно само думать. Но это грех. Каждый патриот имеет долю в этом народном деле. Голое и голодное отечество хуже завоеванного» **.

В газете «Балканска Зора» от 19 июня этого года читаем: «Нам сообщают, что один крестьянин из села Кнеже, Троянской околии, продал свою жену другому за 100 оки муки и пять левов деньгами. Он был принужден это сделать нищетой, поскольку не мог прокормить свою жену. И действительно, в Троянской околии нищета приняла большие размеры, ибо значительная часть тамошней земли ничего не рождает и многие деревни просто голодают» ***. Эта же газета в номере от 23 июня 1891 года, отвечая газете «Свобода», писала: «Знают ли редакторы «Свободы» еще и о том, что в Кюстендилской околии имеются такие каменистые места, где крестьяне едят хлеб один раз в три дня и питаются обычно вареными овощами, чуть-чуть посыпанными мукой, что несколько напоминает поленту **** ломбардских крестьян? Знают ли они, что в Врачанской и Плевенской околиях есть такие места, где крестьяне живут в лачугах, построенных не над землей, а вырытых в земле, и живут они в

* См. «Свобода» № 504, стр. 3, 1891 г.

** См. «Свобода» № 559, стр. 3, 1891 г.

*** См. «Балканска Зора» № 373, стр. 2, 1891 г.

**** полента — каша из кукурузной или каштановой муки.

таких пещерах целыми семьями с одним-единственным отверстием, которое служит и дверью, и окном, и дымоходом» *. А в ответ на опровержение Кюстендилского окружного управителя эта газета в номере от 31 июля с. г. писала: «В-третьих, пусть будет вам известно, хотя это и не относится к вашему округу и вашему управлению, что в Софийском округе есть одна околия, которая называется Искредкой, и что в этой околии имеется одно село под названием Свогия. В этом селе в прошлом году кто-то заметил, что женщины мелят *початки кукурузы без зерна*, чтобы накормить мукой, полученной таким образом, своих детей» **. Варненский окружной управитель г-н Драсов, рассматривая вопрос о сельском хозяйстве в округе, говорит о жизни земледельца следующее: «Его питание, его одежда и жилище — плохие. Его главная пища состоит из черного, плохо испеченного хлеба, из перца, лука и редко из молока и брынзы. Мясо является роскошью для него, и то оно появляется во время заговенья, разговенья, рождества, пасхи и немногих других дней. Одежда грязная, и он не знает, что такое мытье. Большая часть их жилища — это что-то такое, что можно чем угодно называть, только не домом. Там, где живет человек, помещается и его скот. Вот откуда происходят разные болезни» ***.

О том, что нищета у нас растет, можно видеть еще на многих других примерах. Это видно, например, из списков общин о бедняках, которым общины оказывают помощь, хотя эти списки скрываются и не объявляются, будто этим можно что-либо исправить. Как бы там ни было, но о том, как быстро растет у нас нищета, мы можем судить по спискам двух общин, находящихся в нашем распоряжении. Так, например, Казанлыкская община выдала следующие количества бесплатных рецептов беднякам: в 1888 году — 300, в 1889 — 800 и в 1890 году — 1100. Как видим, в течение двух лет число бедняков, которым оказала помощь Казанлыкская община, выросло более чем в три раза. Русенская городская община по оказанию помощи беднякам в 1888 году выдала ссуд на

* См. «Балканска Зора» № 377, стр. 3, 1891 г.

** См. ту же газету, № 407, стр. 3, 1891 г.

*** Доклад варненского окружного управителя за 1890 год. Цитируется по книге П. Габе. По земледельческим вопросам, стр. 10.

2035 левов, а в 1889 году 3500 левов *. С 1883 по 1889 г., т. е. за 6 лет, число должников казны, осужденных (самое меньшее за 1 лев и 77,5 стотинки и самое большее за 3000 левов) и являвшихся несостоятельными, умерших в бедности и переселившихся, не оставив никакого имущества, составляет, как полагают, 77 человек. По данным на январь 1890 года, сельскохозяйственные кассы Княжества выдали 184 827 левов 74 стотинки на пропитание бедных переселенцев. Кроме того, рост нищеты в нашей стране можно видеть также и из других статистических данных. Сейчас всем известно, что с распространением нищеты растет и число преступлений, самоубийств, растет также и число заключенных, причем растет очень быстро. Так, например, с ноября 1887 года по июль 1888 года совершено 492 умышленных убийства и ранения, 117 самоубийств и 639 случаев грабежа и краж **. А с февраля 1889 по август 1890 года было совершено 814 умышленных убийств и ранений, 206 самоубийств и 1263 грабежа и кражи ***. Число заключенных в тюрьмы земледельцев в Княжестве с 1496 человек в январе 1888 года росло неуклонно из месяца в месяц и в октябре того же года достигло 1563, а в октябре 1890 года — 1775 человек, причем в августе 1890 года эта цифра достигала 1984 человека. Число заключенных ремесленников с 355 человек в январе 1888 года, увеличиваясь из месяца в месяц, достигло в октябре того же года 407 человек, а в октябре 1890 года — 414 человек, причем в сентябре того же года достигало 454 человека ****. Как видно из этих статистических данных, самое большое число заключенных падает у нас на земледельцев и ремесленников, за ними идут слуги, т. е. те же бедняки. Большинство заключенных осуждено за грабежи и кражи и затем уже за убийства. Так, например, с 1070 заключенных за совершение краж и грабежей в январе 1890 года их число росло из месяца в месяц и в октябре того же года достигло 1275 человек. Число убийц с 646 человек в январе 1890 года растет каждый месяц, за исключением апреля, когда их число упало до 402 человека, и достигло в октябре того же года

* См. «Държавен вестник» за 1890 г.

** См. «Държавен вестник» за 1888 г.

*** См. там же за 1890 г.

**** Там же.

цифры 753 *. А разве люди грабят, крадут и убивают от хорошей, сытой и спокойной жизни? Наконец, об увеличении нищеты свидетельствует и число несостоятельных налогоплательщиков, которое из года в год растет. Это видно из больших недоборов и из того, с какой строгостью взимаются налоги. Так, например, недоборы по налогам в Варненском округе в 1890 году составили 2 344 112 левов, в Сливенском округе — 2 026 040 левов 65 стотинков, в Тырновском округе — 1 637 573 лева и так далее **. О степени нищеты можно также судить и по увеличению числа питейных заведений и вообще пьянства, которое в последнее время, как показывают «доклады» окружных управителей, чрезвычайно растет. Вместе с нищетой, конечно, усиливается распространение болезней, в чем мы можем убедиться из данных больниц Княжества. Распространяется также проституция — скрытая и явная, а вместе с ней и сифилис, который угрожает заразить всю Болгарию.

Итак, нищета растет, и наш народ все более и более разделяется на два общественных класса: капиталистов, в руках которых централизуются богатства, и бедняков — голодных и раздетых, т. е. пролетариев, число которых растет изо дня в день, увеличивая конкуренцию между ними и ухудшая их положение еще больше. Из сведений, которые мы смогли собрать от самих рабочих в Сливене, Габрове, Казанлыке и Трявне, напрашивается вывод о том, что армия безработных у нас достаточно большая. «Если один рабочий уходит, то 10 человек ждут у ворот фабрики», — говорили нам всюду рабочие. Однако быстрое увеличение числа фабрик в этих городах полностью подтверждает мнение о том, что пролетариат у нас растет.

В политическом отношении у нас также происходит коренное изменение. Несколько лет назад наше государство покровительствовало только мелкому производству и старым производственным отношениям; оно не было представителем интересов какого-либо класса, оно представляло интересы всего народа. Сейчас совершенно иначе. Государство теперь все больше и больше начинает поддерживать новые способы производства, капитализм,

* См. «Държавен вестник» за 1890 г.

** См. доклады варненского, тырновского, сливенского и др. окружных управителей за 1890 г.

крупную фабричную индустрию и явно покровительствует капиталистическому классу. Так, в прошлом году государство ассигновало в виде помощи 150 тысяч левов акционерному обществу в Габрове на постройку сгоревшей фабрики. В этом году оно дало особые права бумажной фабрике Манафова и К^о. «Балканска Зора» в номере от 15 августа писала: «Циркулярным приказом по армии № 9 от 10 марта 1889 года предписывается воинским частям и учреждениям, чтобы все мебелировочные предметы в будущем были местного производства. Приказом по Военному ведомству № 200 от 18 апреля 1889 года было установлено для солдат «суконное обмундирование»... Циркулярным приказом по армии № 83 от 3 мая этого года отдано распоряжение о том, чтобы местного производства галуны, шнуры и др. предпочитали иностранным» *. С другой стороны, мы видим, что в народном собрании народными представителями являются уже фабриканты и капиталисты. Наконец, государственная власть все более и более централизуется, а местное самоуправление приходит в упадок. Вопрос о «цензе», т. е. об ограничении избирательного права, который поднимается в последнее время, посягает на основной закон — Конституцию. Ограничение избирательного права с помощью какого бы то ни было ценза ведет к тому, чтобы политическая и общественная власть сосредоточилась в руках лишь имущего класса, в руках капиталистов и фабрикантов⁹.

В судебных законах, на основании которых был введен новый закон о наследстве, отражаются также важные изменения, происшедшие в отношениях людей между собой. Новый закон о наследстве¹⁰ является буквальным переводом с французского и, разумеется, соответствует интересам буржуазного класса. Он ликвидирует все старые обычные отношения между людьми в нашей стране. До последнего времени у нас руководствовались турецким законом о наследстве, в котором большое место отводилось семейным и общинным обычаям и который полностью отвечал старым простым экономическим отношениям между людьми. Но с развитием новых экономических законов отношения людей стали намного сложнее, и они не могли уже регулироваться старыми законами. Новый закон как раз явился вовремя как поддержка новых

* См. «Балканска Зора» № 418, стр. 3, колонка 2, 1891 г.

способов производства и обмена. В будущем можно ожидать изменения всего законодательства у нас согласно новым экономическим законам.

Самыми бросающимися в глаза изменениями в настоящее время являются изменения в семейном и религиозном отношениях. Всем известна чистота нравов у нас до освобождения. Тогда на супружескую неверность смотрели как на самое тяжкое преступление, и расторжение брака было чрезвычайно редким явлением. При заключении брака от женщины в то время требовалось, чтобы она была лишь хорошей и бережливой хозяйкой. Сейчас совсем наоборот. Супружеская неверность и разводы теперь настолько часты, что стали обычным явлением. На брак сейчас смотрят как на средство обогащения и производства наследников богатств. Мужчины ищут богатых женщин, а они — богатых мужчин, которые могут им обеспечить праздную жизнь и роскошь. Вот главная основа теперешнего брака — богатство, капитал, а все предыдущие основы брака исчезли. Разумеется, что несчастливые браки стали обычным явлением и многоженство все больше и больше распространяется. Сейчас у нас совсем нередки случаи, когда женатые люди, имеющие хороших и здоровых жен, ходят к другим женщинам в публичные дома. «Теперешний брак,— читаем мы в газете «Деятел»,— приносит супружескую неверность, которая приводит к самым большим несчастьям, даже к преступлениям, таким как отравления и убийства» *. В газете «Балканска Зора» также освещается этот вопрос: «Однако вместе с нашим освобождением роскошь, распущенность и разврат начали свирепствовать в наших скромных домах» **. Говоря о причинах такого положения, газета «Деятел» пишет: «Причин такого положения много и едва ли можно их пересчитать, но главнейшие из них следующие: вступление в брак по расчету, а не по искренней и чистой любви, вступление в неравный брак по возрасту» ***.

Итак, брак совершенно потерял то романтически-религиозное значение, которое он имел прежде, и превратился в средство обогащения. Это результат капиталистического

* См. «Деятел» № 1, стр. 13—14, 1891 г.

** См. «Балканска Зора» № 430, стр. 2, 1891 г.

*** См. «Деятел» № 1, стр. 13—14, 1891 г.

производства, которое разрушило и разрушает старую форму брака у нас, как оно сделало уже в других странах.

Такое же разрушение происходит и в религиозном отношении. Капиталистическое производство ниспровергает веру у нас. Наш народ и прежде не отличался большой религиозностью, но все же религиозные правила и религиозный страх служили в некоторой степени руководством у людей в их жизни. Сейчас и это исчезает. Теперь каждый руководствуется своими личными интересами, жаждой богатства и наслаждений. За свои интересы, за деньги, за богатство ведут сейчас люди животную борьбу между собой. Свои интересы, деньги, богатство — вот сейчас что является религией у нас, как и во всей Европе. Поэтому и у нас безнравственность, ложь и обман пускают глубокие корни. В январе 1890 года число заключенных за подлог и фальсификацию составляло 52 человека, в мае — 60, в июне — 64, в июле — 67 и т. д. Случаев изнасилования в январе 1890 года было 113, и, увеличиваясь из месяца в месяц, эта цифра достигла в октябре того же года 150*. Это поразительное явление у нас. И если бы нашу официальную статистику сделать более точной, тогда картина была бы еще поразительней. Как бы там ни было, а под влиянием современных капиталистических способов производства и обмена болгары, как и все цивилизованные христиане, являются христианами только на словах, а в сущности руководствуются в своей жизни противоположными правилами. И весь этот переворот происходит без всяких усилий со стороны кого бы то ни было, а только в силу экономических условий. Это естественный результат современного капиталистического производства и обмена. Это — результат исторического развития человечества, на путь которого вступает и Болгария.

Наконец, мы являемся свидетелями большого переворота в области мышления в нашей стране. 5—6 лет назад у нас не обращали никакого внимания на экономические вопросы. Ум болгарина действовал в тесном кругу старых понятий, которые заключались в общих избитых, истертых мыслях. Простота в жизни и общественных отношениях, экономическая неподвижность сковывали дух, ограничивали мысль. Разумеется, что с ликвидацией

* См. «Държавен вестник», ведомость о заключенных в тюрьмах Княжества за 1890 год.

старых экономических законов, с развитием капиталистических способов производства и обмена простота и неподвижность все более и более исчезают и заменяются более сложными общественными отношениями и лихорадочной экономической подвижностью. Вместе с тем ум и мысль выходят из узкого круга, распряются и уже не удовлетворяются старыми понятиями. В последнее время все вдруг заговорили об индустрии, торговле, земледелии и машинах; все занялись решением экономических вопросов. Экономические вопросы стали и у нас «насущными вопросами». Развитие экономических условий в нашей стране вызвало и развитие экономических учений. Газеты «Свобода» и «Балканска Зора» развивают учение о *протекционизме* (покровительстве наших товаров от иностранной конкуренции), журнал «Промышленост» развивает старое избитое буржуазное положение *laissez faire, laissez passer*, т. е. никакого вмешательства государства в экономические дела общества*.

Рядом с этими учениями развивается и новое экономическое учение — *научный социализм*. Правда, изучение научного социализма у нас развито совсем слабо: до сих пор и то только недавно переведено лишь три-четыре книги по научному социализму. Но чем больше развиваются экономические условия в нашей стране, тем больше ощущается нужда в развитии нового экономического учения — научного социализма. Чем яснее становится экономическое направление нашей жизни, тем понятнее теория научного социализма для социалистов. Так что социализм у нас также является естественным результатом экономического развития Болгарии.

Итак, что же следует из всего вышесказанного? Ясно, как день, что наша жизнь изменяет в корне свой образ и получает образ и подобие капиталистического общества. Наша жизнь находится под полным влиянием способов капиталистического производства. А это, как мы видели, совершенно естественно ведет к социализму. Что бы там ни говорили, а естественное развитие нашей жизни ведет к нашему народу к социализму. Одним словом — *социализм имеет почву у нас*.

* См. «Свобода» № 554, 1891 г. статью «Как можно поднять нашу промышленность?», «Балканска Зора» № 399, 1891 г. «Новая болгарская индустрия», журнал «Промышленост» за 1890 г.

Глава V

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего сказанного в этой книге каждый видит, насколько справедливы обвинения, которым подвергаются вообще социалисты в нашей стране. Эти обвинения, хотя и нелепы и бессмысленны, настолько распространены, что мы считаем необходимым сказать несколько слов по этому поводу в заключении.

Говорят, что социалисты у нас хотят разделить богатства. Это неправда.

Каждый знает, да и из сказанного в предыдущей главе этой книги видно, что у нас богатства были разделены ранее более или менее равномерно между всеми. Но под влиянием капиталистического производства и обмена богатства в нашей стране теперь централизуются (сосредотачиваются) в руках небольшой группы людей, а подавляющая часть народа превращается в голодных бедняков, в пролетариат. Болгарские социалисты, под которыми мы понимаем тех, кто придерживается принципов научного социализма, т. е. социал-демократов, признают, что этот процесс является исторической неизбежностью, что он *социализирует, делает общественными средства производства* — машины, землю и все другие орудия труда, — то есть *что этот исторический процесс ведет к социализму*. Болгарские социал-демократы признают, что этот исторический процесс в конце концов сам делает анахронизмом (бессмыслицей) существование небольшого класса капиталистов, которые буквально ничего не производят, которые не способны управлять возросшими производительными силами, а только присваивают общественные богатства. Они признают также, что сам способ современного капиталистического производства уже становится препятствием для развития производительных сил народов. Промышленные и торговые кризисы (банкротства), которые все учащаются, тормозят производство и обмен, ликвидируют огромные богатства, которые создаются теперь, и увеличивают нищету и страдания. Поэтому сейчас государство все более и более вынуждено брать на себя управление производством во многих отраслях промышленности. Но исторический процесс не останавливается на этом. Он идет вперед и принудит в конце концов государство объявить средства производства общественной собствен-

ностью и превратить капиталистическое присвоение богатств в общественное.

Итак, болгарские социал-демократы хотят не разделения богатств, а их социализации, превращения в общественные богатства. Или лучше сказать, не хотят, а признают, что разделение богатств, как это было прежде, не является полезным; оно делает людей бедняками и ограниченными навсегда, да и невозможно вернуть человечество назад к такому разделению богатств. Человечество идет к превращению богатств и их присвоения в общественное дело. Социал-демократы признают, что с превращением средств производства в общественную собственность и изменением характера присвоения продуктов из капиталистического в общественное произойдет переворот во всех отношениях. Они признают, что с помощью этого экономического переворота разделение на классы, а вместе с ним и государство в теперешнем его виде само собой ликвидируется. Государство превратится из политической единицы в экономическую, из управления людьми в управление производством. Оно преобразуется в федеративный союз производственных общин. Они признают, что этот переворот сделает равноправными оба пола в социальном и политическом отношениях и что образование будет одинаковым и общественно обязательным для всех. Они, наконец, признают, что все это произойдет в силу естественного закона исторического развития человечества, а не потому, что тот или иной человек этого желает или не желает. Болгарские социал-демократы далеки от того наивного детского мнения, что революции в человеческом обществе происходят по желанию личности. Основываясь на принципах научного социализма, они признают, что задачей болгарских социалистов является следующее: разъяснять рабочим, народу законы исторического развития человечества и к чему они ведут; развивать классовое сознание у рабочих и объяснять им их роль у нас как общественного класса; вообще развивать у нас сознание того, что мы идем к социализму, или более определенно:

1) К преобразованию средств производства и присвоения в общественные.

2) К децентрализации государства и к превращению его в федеративный союз производственных общин¹¹.

3) К социальному и политическому равенству обоих полов.

4) К одинаковому для обоих полов общественно обязательному, полному и научному воспитанию и образованию.

Показать нашим рабочим законные средства, с помощью которых они могут объединиться и сознательно работать, в соответствии с историческим развитием общества — вот в чем заключается задача наших социалистов.

Неправда и то, что наши социалисты будто желают развала брака.

Как мы видели, брак в нашей стране разваливается под влиянием капиталистического производства. Под этим влиянием развивается семейный разврат, многоженство и многожество, проституция и сифилис. Брак у нас заключается теперь по расчету, ради денег, ради богатства, и поэтому он превращается в разврат. Болгарские социал-демократы признают, что брак при социалистических законах будет основываться только на взаимной любви и на равноправии обоих полов и что лишь в будущем брак уничтожит разврат и семейные драмы, которые представляют собой сейчас обычное явление.

Неправда также и то, что социалисты разрушают религию.

Мы видели, что религия в нашей стране ликвидируется без чьей-либо помощи. Она ликвидируется под влиянием экономического развития. Болгарские социал-демократы признают, что верование людей во что бы то ни было зависит от их развития. Это личное дело каждого человека. Вопрос о религии касается социализма постольку, поскольку она мешает понять естественный закон исторического развития общества. Но социал-демократы признают, что религиозное представление зависит от экономических условий и что с их изменением меняются и представления.

Неправдой является и то, что социалисты распространяют ненависть к богатым.

Болгарские социал-демократы очень далеки от этого. Они признают, что централизация капитала является естественным результатом развития, что капиталисты не отвечают за объективный ход истории. Они несут ответственность лишь постольку, поскольку сознательно препятствуют развитию у рабочих сознания как общественного

класса и поскольку олицетворяют регресс и мешают прогрессу.

Накопец, неправда то, будто социалисты развращают нашу молодежь.

Разве разврат то, что ты объясняешь кому бы то ни было естественные законы исторического развития человечества? Будет ли развратом то, что ты поможешь кому-либо осознать естественные законы развития общества, в котором он живет? Да и какой разврат может быть в том, что знакомишь людей с наукой, которая сейчас волнует весь мир? Впрочем, социал-демократы признают, что наша учащаяся в гимназиях молодежь не является той средой, из которой образуется контингент социалистов в нашей стране. Такую среду образуют рабочие и кандидаты в рабочие, к последним относятся ремесленники, земледельцы, мелкие торговцы и образованные люди, которые могут понять ход исторического развития. Учащиеся представляют интерес для социал-демократов, поскольку они в будущем могут быть теми образованными людьми, которые понимают современное историческое развитие человечества.

Что касается обвинения в том, что социалисты выступают против национальности, то это также неправда.

Как мы уже видели, современное капиталистическое производство с помощью своего бича — конкуренции, с помощью быстрых и доступных средств сообщения уничтожает национальную замкнутость, толкает нации в самую тесную зависимость, разрушает национальные границы и превращает все нации в один всемирный рынок, в одну всеобщую нацию. Современное капиталистическое производство и обмен все делают всемирным: науку, литературу и даже язык. Но мы признаем, что человек принесет наибольшую пользу там, где он может лучше всего работать. А человек может лучше всего работать на известном ему месте и среди известного ему народа, потому что он лучше знает это место и этот народ, может их лучше изучить и понять. Одним словом, каждый человек лучше всего может работать среди своего народа, с которым связан различными и сложными узами: воспоминаниями о детстве и юности, дружбой, родственными отношениями и т. д. Но вместо метафизической (неопределенной) любви к известной местности, которую господствующие классы рекомендуют бедноте, которую они называют «лю-

бовью к отечеству» и под маской которой скрывается эксплуатация народов для эгоистических целей капиталистического класса, у социалистов существует любовь к народу, как совокупности реальных личностей, которые страдают, хотят жить, развиваться, радоваться и т. д. Эта, так сказать, реальная любовь социалистов к народу настолько сильна, насколько слаба метафизическая «любовь к отечеству». А последняя под влиянием капиталистического производства совсем ослабевает. Действительно, как мы видели, современное капиталистическое производство и обмен, превращая народ в пролетариев, в голодных и бездомных наемных рабочих, которые не могут найти себе работы, заставляет их перемещаться с места на место и из одного государства в другое и таким образом узы, которые связывают человека с определенным местом и народом, разрываются. Да и что будет пролетарий защищать в своем отечестве? «Голодное и раздетое отечество хуже завоеванного». С другой же стороны, способы капиталистического производства и обмена заставляют рабочих разных государств вступать друг с другом в контакт, знакомиться, сближаться и объединяться. Таким образом, любовь к месту превращается у пролетариев в любовь к личности и к объединению личностей, т. е. к народу. Таковую именно любовь социалисты развивают, потому что она ускоряет исторический процесс, чтобы мы скорее перешли к более высокой и справедливой форме человеческого общежития — к социализму.

Следовательно, выходит, что все приписываемое социалистам — неправда, и обвинения несправедливы. Однако нельзя отрицать, что у нас, возможно, имеются проповедники таких нелепостей. Но они или не являются социалистами или же они — социалисты, которые не понимают современного социалистического движения и не изучили основ научного социализма. Болгарские социал-демократы не могут иметь ничего общего ни с теми социалистами, которые стоят на ненаучной почве утопистов, ни с теми социалистами, которые видят социализм в засученных штанинах и поднятых воротниках, в нестиранных рубашках и немытых лицах, т. е. в признаках давно умершего нигилизма, а также ни с теми социалистами, которые думают, что социализм можно осуществить завтра или послезавтра, т. е. апархистами. На всех этих социалистов болгарские социал-демократы обращают внимание постоль-

ку, поскольку они способны перейти на позиции научного социализма, то есть вступить в ряды социал-демократов.

С основами научного социализма у нас мало знакомы и те, кто выступает против социализма, и даже многие социалисты. Именно поэтому распространяется столько ложных слухов о наших социалистах. Эти слухи находят подтверждение еще и в определенной отнюдь не научной литературе, распространяющейся в последнее время в нашей стране и представляющей собой, если исключить упомянутые выше книги по научному социализму, смесь утопического социализма и нигилизма. Такая литература, поистине, может принести много разочарования и создать много иллюзий и бесполезных и нежелательных устремлений. Лишь основы научного социализма могут дать социалисту непоколебимую веру в торжество социалистических идей и постоянную энергию в работе по их осуществлению. Только когда усвоим научные средства для восторгования социалистических идей, которые нам открывает в историческом развитии научный социализм, только тогда мы будем в состоянии получить для социализма право гражданства в нашей стране, рассеем ложные рассуждения о социалистах и не будем знать разочарований, которые ожидают деятелей с мутным сознанием, с темными, неопределенными понятиями и с ненаучными идеями. К таким сознательным социалистам, вооруженным основами научного социализма, которые возбуждают сознание нашего народа и помогают ему сознательно воспринимать значение будущих социалистических законов, к ним мы обращаемся со словами профессора Летурно, который говорил: «Да будут благословенны эти возбудители, эти современники будущего, те, которые поняли уже идеал высшей нравственности и неизбежность более совершенного общества, в котором каждый найдет полноценную жизнь, в котором исчезнут все искусственные привилегии и каждый будет на своем месте, будет развиваться в пределах своих возможностей, в котором никто не будет предоставлен самому себе или принесен в жертву, в котором великая современная религия — культ Мамона — не будет уже иметь сторонников, в котором узкий эгоизм — личный или семейный — уступит свое место заботе об общем благе» *.

* Ch. Letourneau. L'Evolution de la Morale. Paris. 1887, p. 463.

Пусть будут благословенны эти деятели и у нас. Пусть будет благословен тот час, когда наши социалисты начали сознательно работать по распространению идей научного социализма в нашей стране. Наука и естественные законы исторического развития являются нашими верными и непобедимыми союзниками. В них наша сила и источник нашей веры и энергии.

*Переведено с болгарского
по тексту книги:
Димитр Благоев. Избранные
произведения в двух томах,
том I. София, 1950, стр. 1—88*

Перевел М. Н. Петров

Книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социальной демократии». — «Теория и тактика Бернштейна. — Теория Маркса о социальном развитии и гегелевская диалектика. — Наши бернштейншанцы и рабочая социал-демократическая партия.

Поводом к написанию этой статьи послужила книга бывшего социал-демократа Эдуарда Бернштейна, переведенная на болгарский язык под заглавием «Предпосылки социализма и задачи социальной демократии» ¹³. Об этой книге, еще до выхода ее в свет на болгарском языке, в журнале «Ново време» был опубликован ряд статей, оригинальных и переводных. Если при всем этом мы снова останавливаем внимание на ней, то причина кроется не в каких-то особенных достоинствах ее содержания, а в том, что некоторые члены партии, слабо знающие учение Маркса, подпали под влияние бернштейновской «критики» марксизма и под ее влиянием стараются подорвать доверие партийных кадров к принципам марксизма, желая отвлечь рабочую социал-демократическую партию от этих принципов и от основанной на них пролетарской тактики. Но сказать, что они хотят заменить марксизм бернштейншанством, у них не хватает смелости. Вместе с тем отметим, что среди этих нескольких членов партии есть и такие, которые недавно выступали в печати с критикой взглядов Бернштейна, а в последнее время являются сторонниками бернштейншанства в Болгарской рабочей социал-демократической партии.

В сущности, бернштейнианство не такая уж новость в нашей литературе. До появления в социалистическом лагере оно проповедовалось противоположным лагерем. Как известно, еще Минцесс и Пасманик¹⁴, особенно последний, рекомендовали нам то, что ныне под влиянием книги Бернштейна проповедают некоторые члены Рабочей социал-демократической партии. И в самом деле, что такое книга Бернштейна, как не итог всей поверхностной, даже бессовестной «критики», извращений марксистского учения? Книга Бернштейна — не что другое, как более систематизированное изложение всей «критики» буржуазных идеологов и идеологов *буржуазного социализма*, направленной в адрес учения Маркса. Единственная, может быть, заслуга этой книги состоит только в том, что она собрала воедино всю эту «критику». Новое в ней лишь то, что вся эта «критика» подписана бывшим марксистом и членом социал-демократической партии Германии, выступающим под маской доброжелательства к рабочему классу, за которой в сущности скрываются чисто личные психологические мотивы. В этом отношении правы те немецкие товарищи, которые оценили поведение Бернштейна, как неприкрытую измену пролетариату и социал-демократии. Но вот и у нас нашлись члены партии, которые пожелали втихомолку без долгих размышлений и весьма скоропалительным образом рекомендовать Болгарской социал-демократической партии эту измену как последнее слово науки *.

* Один из проповедников бернштейниады в Болгарии, даже главный ее проповедник, переводчик бернштейновских «Предпосылок», помимо разных небылиц и клеветы по моему адресу, собранных в брошюре «Распря в рабочей партии», прибавил вымысел и лично от себя. А именно, будто я писал о книге Бернштейна, прежде чем ее прочел. До настоящего времени я не писал ничего, специально посвященного этой книге. Может быть, я, между прочим, где-то и вспоминал о Бернштейне, но только основываясь на известных мне фактах и на прежних его статьях. Что же касается его книги «Предпосылки», я прочел ее на немецком языке вскоре после появления критических статей против нее. И я ее взял почитать еще тогда от самого переводчика. Он не припоминает? Нет, он отлично помнит, и потому-то именно спешил оповестить свет, что я слабо владею немецким языком. Слабо или сильно, в данном случае не имеет значения. Важно, что наши бернштейнианцы считают этот «способ полемики» более достойным, чем мой.

Тот же переводчик «Предпосылок» поторопился известить через «Рабочие вестники»¹⁵, что замечания на брошюру не убедили его, и приглашал продолжать полемику. Не удивительно! Что же делать с людьми, которых не могут убедить никакие доводы

Рассмотреть книгу Бернштейна, значит рассмотреть все «критические опусы» против учения Маркса, предва-
рившие ее появление. Здесь мы не можем этого сделать. Наша цель другая, да в этом нет и нужды, потому что против подобной «критики» в нашей социалистической литературе уже многое написано, имеется и целый ряд переводных книг видных марксистов К. Каутского, Г. Плеханова, П. Лафарга и др. Здесь мы остановимся лишь на некоторых моментах книги Бернштейна, а именно тех, на которые обращают особое внимание, не указывая источников, наши бернштейнианцы.

Бернштейн написал «Предпосылки» с целью доказать, что тактика социал-демократической партии порочна и что ее следует заменить другой. Но в отличие от своих скоропалительных учеников в Болгарии, он прекрасно знает, что тактика социал-демократической партии тесно связана с учением Маркса: с материалистическим пониманием истории, с диалектическим методом, с теорией стоимости, с учением о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Философско-экономическое учение Маркса есть основа социал-демократической тактики, и чтобы доказать, что последняя не нужна, ошибочна, следует предварительно доказать, что не нужна, ошибочна и самая ее основа, т. е. философско-экономическое учение Маркса. Это и делает Бернштейн в своих «Предпосылках». Основная мысль книги Бернштейна заключается в том, что самое важное и существенное есть «движение», движение вперед и что для его уяснения не нужны ни материалистическое понимание истории, ни диалектический метод, который Бернштейн оцепивает, как главное зло учения Маркса, а также ни теории стоимости и ни классовая борьба. Все это, т. е. учение Маркса, не только, по его мнению, не нужно, но и является главным препятствием «движению» вперед, ибо ввергает в ужас либеральную буржуазию и пугает миролюбивые демократические элементы. Такова основная мысль Бернштейна. Но заявить, что марксистское учение не нужно для понимания «движения», — значит поставить себя в смешное положение, в котором находятся и болгарские последо-

по разным причинам, может быть, находящимся вне существа дела, особенно же когда проповедники некоего «последнего слова науки», чем является для них бернштейнианство, возникают столь скоропалительно.

ватели Бернштейна и переводчик его книги. Бернштейн позаботился преуменьшить карикатурность положения, в которое попал до издания «Предпосылок», постаравшись с их помощью представить хотя бы кажущиеся аргументы против марксова учения. Остановимся на некоторых из них.

Во-первых, книга Бернштейна отличается большой неясностью, неопределенностью мыслей, что усугубляется еще плохим переводом, пестрящим надуманными, непривычными для читателя словами и выражениями. Книга производит впечатление чего-то неестественного, натянутого, непереваренного, в ней чувствуется даже умышленное извращение самых ясных мыслей. Поэтому ей свойственны самые грубые противоречия. Бернштейн, разумеется, начинает свою «критику» с материалистического понимания истории. Но сначала следует весьма оригинальное введение. По Бернштейну, любое учение состоит из двух частей: *основной* и *прикладной*. Первая — *постоянная*, вторая — *переменная*. Какая же часть учения основная, а какая прикладная, из книги Бернштейна понять невозможно. Он не приводит ни одного примера. При этом, как он утверждает, постоянная часть учения может остаться непоколебленной, если, конечно, она верна, тогда как прикладная изменяется или даже оказывается совсем ошибочной и отбрасывается. Это деление учения на две части необходимо Бернштейну, поскольку он хочет остаться «социал-демократом» без марксова учения. А этого невозможно сделать, не разделив марксистского учения на упомянутые две части. Тогда все, что не нравится Бернштейну в марксистском учении, окажется «прикладной» частью, которую можно отбросить. Так, например, диалектика марксизма особенно не нравится Бернштейну, ибо она обосновывает революционную деятельность социал-демократии. Поэтому диалектика для него не только «прикладная» часть марксизма, но просто инородная, из-за увлечения гегелевской философией приклеенная часть. Марксистское учение о стоимости и классовой борьбе также «прикладные части», ибо, оскорбляя и отпугивая буржуазию и демократические элементы, они не нравятся Бернштейну. Поэтому, по Бернштейну, их также можно отбросить без ущерба для социалистического учения. В сущности для Бернштейна все учение Маркса в целом оказывается «прикладным», «основной»

же частью он считает один *социализм*, о котором нельзя сказать ничего определенного. У Бернштейна все — социализм: завоевания либерализма — социализм; расширение прав и демократических учреждений, которые, между прочим, есть плод классовой борьбы пролетариата, — социализм. Вообще все, что движется вперед, по понятию Бернштейна, есть социализм. Поэтому он говорит, что для него имеет значение движение, а не конечная цель. Движется ли общество вперед — это представляет интерес для Бернштейна, а не конечная цель, ибо, по его мнению, само движение и есть социализм. При этом под движением он понимает движение к либерализму и демократическим учреждениям. Стремление пролетариата к завоеванию политической власти с целью ликвидации существующего порядка и установления на его месте социалистического порядка, т. е. общественного владения средствами производства и распределением продуктов, не имеет для Бернштейна значения, поскольку оно не нравится ему, так как это «прикладная» часть учения Маркса. Наконец, для Бернштейна это не имеет значения, потому что не является необходимым, потому что и материалистическое понимание истории не *детерминистично*, по сравнению с естественно-научным материализмом. Да кто знает, движется ли общество именно к этой цели? Таким способом Бернштейн «исправляет», «изживает», уничтожает марксизм!

Материалистическое понимание истории, или *историческая теория* Маркса, должно быть, по Бернштейну, «ограничено». Это ограничение, по его мнению, заключается в том, что пружины, как говорит Каутский, общественного развития находятся не только в материальных условиях, но и в идеологиях. «Применяющий в настоящее время материалистическую историческую теорию, — говорит Бернштейн, — должен иметь в виду ее обработанную и усовершенствованную форму; то есть он должен кроме развития и влияния производительных сил и производственных отношений иметь в виду еще и правовые и моральные понятия, исторические и религиозные традиции каждой эпохи, влияние географических и других природных условий, к которым принадлежат также и сама природа человека и ее духовные способности» (стр. 22). «Как бы то ни было, — говорится далее, — мы ныне видим материалистическое понимание истории совершенно в другой

форме, чем оно преподносилось с самого начала его авторами. Оно эволюционировало у них самих и претерпело ограничение в своем абсолютном значении. Такова, как мы показали, судьба всякой теории» (стр. 27).

Учение Маркса (и Энгельса) никогда не упускало из виду влияние и развитие идеологий. Во многих местах своих сочинений Маркс очень ясно подчеркивает это влияние. Для теории исторического материализма вопрос заключается не в том, оказывает ли идеология влияние или нет, — она не отрицает этого, — а в том, что ее происхождение, ее сущность, а главное степень ее влияния определяются «материальным движением». Что наука, искусство, право, религиозные и другие учреждения и понятия влияют на развитие — в том нет сомнения, нет вопроса. Вопрос в том, в какой мере они влияют? «Материалистическая историческая теория» отвечает, что они влияют в той мере, какую определяет «материальное движение». Развитие и влияние какой бы то ни было «идеологической формы» не может превысить меры «материального движения», не может совершаться вне зависимости от него. Например, развитие, а тем более влияние буржуазных идей свободы в начале нового времени было слабым, очевидно, потому, что очень слабым было еще «материальное движение». Чем больше развивалось «материальное движение», чем больше развивались материальные условия буржуазного производства, тем больше развивались (в смысле уяснения в головах людей и распространения среди них) и влияли буржуазные понятия свободы и вообще новых общественных отношений. Социалистические идеи быстрее развиваются и оказывают более сильное влияние в Бельгии, нежели в Болгарии. Почему? Очевидно потому, что Бельгия — страна более сильного «материального движения», а Болгария — слабого. Неверно, что «науки, искусства, значительно более широкий круг общественных отношений ныне меньше зависят от экономики и природы, действующей как экономическая сила». В странах, в которых «экономика» слабо развита, слабо развиты и науки, и искусства, и «система общественных отношений». И наоборот: науки, искусства и «система общественных отношений» получают более существенное развитие в странах, где «экономика» высоко развита. Это настолько ясно, что признано даже буржуазными философами. Так, например, Тэн в своей книге «Об искусстве» объясняет

развитие последнего в разных странах степенью развития «экономики» в зависимости от «материального движения»¹⁶. Но если это так, тогда Бернштейн положительно неправ, говоря, что теперь идеология меньше зависит от «экономики» и что «вследствие этого причинная связь между технико-экономическим развитием и развитием других учреждений становится все более не прямой, все более опосредствованной; вместе с тем естественная необходимость технико-экономического развития становится все менее значимой для создания, для образования учреждений». Итак, Бернштейн просто путает понятия. Он говорит, что современное общество более богато идеологическими учениями, независимыми от «экономики». Но, во-первых, откуда взялись эти учения? Где нет «материального движения», отражающегося в головах людей, там не может быть идеологии. Во-вторых, если «современное общество более богато идеологическими учениями», это лишь означает, что ныне «материальное движение» гораздо значительнее, чем в прежние времена. Думать иначе просто нелепо: в противном случае следует допустить, что идеологии падают с неба или являются врожденным качеством людей. Ни то, ни другое не допустимо. Но в таком случае зависимость идеологий от «экономики» очевидна.

Из вышесказанного следует, что происхождение, развитие и влияние идеологии определяются «экономикой», «материальным движением» и что «естественная необходимость технико-экономического развития» никак не становится «все менее значимой для создания, для образования учреждений», а, напротив, сохраняет ту же силу, которая была первоначально отмечена Марксом и Энгельсом. Однако Бернштейну необходимо найти «ограничение» в исторической теории Маркса, чтобы представить ее «в совсем другой форме, нежели та, в какой она давалась с самого начала ее авторами». Действительно ли материалистическое понимание истории «эволюционировало» у самих его авторов, и претерпело у них «ограничения»? По Бернштейну — да. И он делает такое заключение из двух писем Энгельса, относящихся к 1890 и 1895 годам. Русский социал-демократ, один из первых теоретиков социализма, Плеханов в предисловии к «Коммунистическому манифесту» (изданному на болгарском языке отдельной брошюрой, названном «Историческая теория Маркса») прекрасно

разъясняет, что эти письма Энгельса нисколько не противоречат положениям материалистического понимания истории, первоначально выдвинутому Марксом и Энгельсом. Значит, мысли, высказанные в письмах Энгельса, никоим образом не составляют «ограничения». Поэтому останавливаться на этом и доказывать, что Бернштейн неправильно толкует эти письма, нет никакой нужды. Лучше будет, если читатели, интересующиеся вопросом, внимательно прочитают названную брошюру.

Если для Бернштейна историческая теория Маркса не есть «основная» часть учения последнего, если она есть «прикладная», изменяющаяся часть, то диалектика, как уже отмечалось, совсем чужда марксистской доктрине. Более того: она ее «предательский» элемент. «Эта диалектика, — говорит Бернштейн, — есть предательский, вероломный элемент (*das Vereätsensche*) в доктрине Маркса, она служит препятствием последовательному и логическому рассмотрению вещей» (47). Речь идет о диалектике Гегеля. Как известно, Маркс и Энгельс, воспитанные на гегелевской философии, отказавшись от ее идеалистической стороны, восприняли диалектику, которую и применили к общественному развитию. По Бернштейну, марксистское учение утратило свою научность именно потому, что восприняло диалектику Гегеля. Особенно Бернштейн недоволен этим обстоятельством, так как диалектическое понимание социального развития и обосновывает революционную тактику социал-демократии.

В чем же состоит сущность гегелевской диалектики?

Сущность гегелевской диалектики состоит в том, что явления рассматриваются в процессе их развития, в их взаимной связи, а не отдельно и в застывшей форме, как это делает метафизика. Человек, например, живет и умирает. Для метафизика смерть есть явление, отдельное от жизни, явление внешнее, тогда как для диалектика жизнь и смерть суть два момента одного и того же процесса развития. Человек одновременно и живет и умирает, так что жизнь в самой себе несет зародыш смерти, свое противоречие, свою противоположность. Развитие как в природе, так и в обществе, происходит диалектически. Любое явление само в себе несет свое отрицание, с развитием которого явление превращается в свою противоположность. Все течет, все изменяется. Вот как характеризовал Чернышевский главные отличительные черты диалектиче-

кого развития: «Вечное изменение форм, вечная ликвидация формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшее развитие того же содержания...» *.

Это диалектическое развитие есть для диалектиков «великий, вечный, всюду действующий закон». Метафизики, однако, понимают развитие совсем иначе. Для них возникновение и уничтожение явления заключается в постепенном увеличении или в постепенном уменьшении его размеров, пока оно не сойдет на нет. Такое понимание развития положительно ничего не объясняет. Оно говорит только о *количественных изменениях*, претерпеваемых явлениями. В понимании метафизиков, развитие состоит только в количественных переходах, а поэтому, по их мнению, *скачков* не бывает ни в природе, ни в человеческом обществе. Но изменения, происходящие в природе и обществе, заключаются не только в переходе одного количества в другое, а также в том, что количество переходит в качество. Кислород двухатомен, но прибавьте к нему еще один атом, и получится *озон*, имеющий отличные от кислорода качества. Болотный газ состоит из одного атома углерода и четырех атомов водорода; но прибавив к первому еще один атом, а ко второму еще два, получим *диметил*, вещество с совершенно новыми качествами. Два государства при прочих равных условиях имеют различный качественный характер, если одно больше другого. Известные учреждения и законы приобретают совсем иное значение с увеличением территории государства и числа его граждан **. Таким образом в природе и в человеческом обществе количество переходит в качество и наоборот. Но всякий переход количества в качество есть *перерыв постепенности в развитии, есть скачок, революция*. Выходит, что *скачки, революции* и в природе, и в обществе — такой же необходимый момент развития, как и постепенные количественные изменения. Такова сущность гегелевской диалектики.

* Цит. по Н. Бельтову, стр. 67.

** В данном случае Д. Елагоев неправильно рассматривает воздействие географической среды (величина государства) и плотности (численности) народонаселения на характер государственных и правовых учреждений. Их характер и развитие зависят, прежде всего, от состояния базиса (экономического строя общества на данном этапе его развития, совокупности производственных отношений).— *Ред.*

Маркс воспринял гегелевскую диалектику, поставив ее с головы на ноги. У Маркса диалектика понятий есть осознанное отражение диалектического движения, происходящего в реальности. Таким образом гегелевская диалектика превратилась в марксистскую диалектику, примененную Марксом к объяснению социального развития. В третьем томе «Капитала» Маркс говорит: «Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой,— его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и очищает место более высокой. Что момент такого кризиса наступил, обнаруживается, когда расширяются и углубляются противоречия и противоположности между отношениями распределения,— а следовательно, и определенной исторической формой [Gestalt] соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой» («Капитал», т. III, стр. 733) *. Эти слова раскрывают тот же закон диалектического развития, о котором упоминалось выше, закон *сбрасывания формы, порожденной известным содержанием, вследствие дальнейшего роста того же содержания*. Данная общественная форма сбрасывается вследствие роста ее содержания, «материального развития производства», происходящего в этой форме. Когда «материальное развитие производства» достигает такой степени зрелости, что уже не может совмещаться с общественной формой, в которой оно происходило, тогда наступает момент столкновения между содержанием и формой, завершающийся уничтожением этой формы и заменой ее новой, более высокой. Количество переходит в качество, или качественное изменение наступает как следствие количественного материального изменения. В этот момент *прерывается постепенное, эволюционное развитие общества, совершается скачок, социальная революция* в виде политической революции класса,

* К. Маркс. Капитал, том III, 1955, стр. 897—898.— Ред.

выдвинутого на историческую сцену «материальным развитием производства». Такова *марксистская диалектика*, которая по своей сущности является *революционной*. Как видим, марксистская диалектика основывается на гегелевском диалектическом законе развития, но она отличается от гегелевской диалектики и тем, что с помощью диалектических законов объясняет нам целостное социальное развитие. Диалектика Гегеля этого сделать не могла.

Но Бернштейну, как и всем буржуазным теоретикам, не по нраву пришлось именно эта диалектика. «В своей мистифицированной форме,— говорит Маркс,— диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему *критична** и революционна**». Она — душа *истинного научного познания*, как говорит Гегель, она основа марксистской теории социального развития. Но это несущественно! Для Бернштейна она всего-навсего «предательский элемент» марксистского учения! Как же возражает Бернштейн против этой основы марксистской теории? Он пробавляется нелепицами. Но послушаем его самого! Запасемся терпением.

«Как бы ни происходило в действительности,— говорит он на стр. 40,— но если только мы оставляем почву фактов, полученных через опыт, и если наши мысли поднимаются над ними, мы попадаем в царство дедуктивных понятий, и, следуя тогда диалектике в том ее виде, в котором ее создал Гегель, мы очутимся, сами того не замечая, в сети «саморазвития понятий». В этом большая научная опасность гегелевской логики противоречий. В некоторых случаях ее формулы могут отлично послужить наглядному представлению взаимоотношения и развития известных реальных предметов. Они могут оказать мощное воз-

* Курсив Д. Благоева.— *Ред.*

** Цитируется по статье Плеханова в «Заре» № 1, стр. 116. (Примеч. Д. Благоева.) См. *К. Маркс*. Капитал, том I, 1955, Послословие ко второму изданию, стр. 20.— *Ред.*

действие также на формулирование научных проблем и подтолкнуть к важным открытиям. Но если на основе этих формул начинают делать дедуктивные выводы, возникает опасность произвольных конструкций. Эта опасность становится тем большей, чем сложнее предмет, о развитии которого идет речь. Когда дело касается простого объекта, опыт и способность логического суждения в большинстве случаев предохраняют нас от опасности быть увлеченными формулами аналогии (к примеру «отрицанием отрицания») к таким заключениям об изменчивости объекта, которые лежат за границами вероятного. И чем сложнее предмет, чем многочисленнее его элементы, чем разнороднее его природа и чем разнообразнее взаимоотношения сил внутри него, тем меньше такие формулы могут объяснить нам его развитие, ибо тем легче потерять всякую меру, всякий критерий оценки, там, где делаются заключения на основе этих формул».

Таково основное возражение Э. Бернштейна против марксистской диалектики и вообще против марксистской теории социального развития. В этом сплетении фраз, представляющем собой бессмысленное резонерство, можно понять только одно, а именно, что теория Маркса, воспринявшая законы гегелевской диалектики и «формулу противоречия», оставила «почву фактов, полученных через опыт» и попала в царство «дедуктивных понятий». В этом и заключается «великая научная опасность», «предательский элемент» в марксистском учении. Но верно ли все это? Верно ли, что воспринявший диалектику Маркс оставил факты, «полученные через опыт»? Верно ли, что поэтому-де марксизм попадает в царство дедуктивных понятий? — Абсолютно неверно. Марксистская теория социального развития основывается на фактах прошлого и настоящего и притом на фактах, «полученных через опыт». И действительно, переход человеческого общества от первобытного коммунизма к индивидуализму, от полного рабства и рабской общественной формы производства к феодализму и крепостничеству и от них к капитализму и наемному труду был следствием столкновения между «материальным развитием производства и его общественной формой». Значит, здесь факты, основанные на «опыте», полностью подтверждают марксистскую теорию и доказывают, что она не попадает в «царство дедуктивных понятий». Но и факты современности доказывают то же са-

мое. И действительно, в современном капиталистическом обществе мы видим, что производство является общественным и что вместе с «материальным развитием производства» оно становится все более общественным. Однако присвоение продуктов в нем частное и осуществляется тем меньшинством, которое не участвует непосредственно в производстве. А это есть основное противоречие капиталистического общества. Вместе с материальным развитием производства его общественная форма все более будет отрицаться и в конце концов наступит момент столкновения между ним и его общественной формой. Этот момент неизбежен, поскольку совершается материальное развитие. В предисловии *«К критике политической экономии»* Маркс говорит, что до возникновения социального переворота существует конфликт между классами, классовая борьба. Спрашивается—существует ли в наши дни этот конфликт, эта борьба классов? — Несомненно, существует. Но если существует, это показывает, что существует противоречие между «материальным развитием производства и его общественной формой», с развитием которого классовая борьба неизбежно будет обостряться. Это противоречие и, следовательно, классовая борьба необходимо найдет себе разрешение в социальном перевороте и в диктатуре революционного класса. Ныне борются два класса: капиталистический и рабочий. Эта борьба есть следствие противоречия между «материальным развитием производства и его общественной формой». Это противоречие будет разрешено рабочим классом: конечная цель его борьбы есть именно ликвидация противоречия. Рабочий класс растет вместе с развитием материального производства, осознает себя, организуется и вступает в борьбу. Эта борьба может иметь исход только в социальном перевороте и диктатуре. Значит, и современность дает нам факты, подтверждающие марксистскую теорию социального развития. Следовательно, она не является простой дедукцией понятий и не есть результат увлечения «формулами по аналогии», а это — неизбежный вывод из наблюдений над действительностью, из «опыта». Так что учение Маркса не только ничего не теряет в своей научности, воспринимая «гегелевскую диалектику», но, напротив, диалектика придает ему ту научную ценность и логическую стройность, которые присущи каждой научной теории. Как раз без диалектики учение Маркса перестает быть научной теорией.

В дальнейшем никаких более серьезных доводов против марксистского учения Бернштейн не приводит. Его разговоры о диалектике еще больше разоблачают несостоятельность его «критики». Бернштейн занимается тем, что просто ловит Маркса и Энгельса на отдельных словах и выражениях и таким образом дает их учению самое превратное толкование. Прежде всего отметим, что марксистская теория говорит об исторических периодах, об исторических формах и вообще о социальном развитии человечества. Маркс и Энгельс действительно имели грех предсказывать исторические события, и некоторые из них предвидели с большой точностью. Но в своих предсказаниях они не были такими глупцами, какими их представляет Э. Бернштейн, чтобы не замечать, противоречат ли их предвидения теории социального развития. Во всяком случае ума у них по крайней мере было не меньше, чем у Бернштейна, чтобы знать, что говорить, и замечать, насколько сказанное согласуется с их теорией. В своем желании опровергнуть марксизм Бернштейн доходит до такой дерзости, что в ясном смысле слов Маркса и Энгельса усматривает «исторический самообман». Так, например, он видит исторический самообман в вырванных из контекста словах Маркса и Энгельса из «Коммунистического манифеста»: «На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции» *. В этом предсказании все условно: «может быть» «с гораздо более развитым пролетариатом» ** и пр. Часть этого предсказания исполнилась менее чем через два года; то, что Германия 1847 года находилась накануне буржуазной революции, сбылось. Вообще предсказания, которые делали иногда Маркс и Энгельс, были условными и никоим образом недопустимо утверждать, что в 1847 году у них были какие-либо иллюзии относительно экономического и социального развития Гер-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., том 4, стр. 459.— *Ред.*

** У Д. Благоева переведено — «при достаточном развитии пролетариата». — *Ред.*

мании и ее пролетариата. Во всяком случае предсказания Маркса и Энгельса являются предвидением политиков и руководителей партии, имевшим целью вдохновить социальное движение пролетариата. Они были призывом к организации и борьбе. Но они ни на йоту не снижают научной ценности теории социального развития даже будучи преувеличенными. Ни на волос не пошатнуло теории также и то обстоятельство, что Энгельс отметил однажды существование «мелкобуржуазного социализма» в немецкой социал-демократической партии и «даже внутри фракции в рейхстаге», а в другой раз сказал иначе и даже защищал «тактику фракции». Точно так же ничем не противоречит теории и предисловие Энгельса к «Классовой борьбе», где Энгельс объясняет условия политической революции пролетариата в современной Германии. Утверждение Бернштейна, будто в этом предисловии Энгельс «открыто признает заблуждение, совершенное им и Марксом при оценке условий социального и политического развития», просто неверно. Ничего подобного нет в предисловии. Примечательно, что Бернштейн ждал смерти Энгельса, чтобы приписать ему разные «добровольные признания» и показать себя более глубокомысленным, чем Энгельс. По Бернштейну, «от Энгельса вообще нельзя было ожидать, что он предпримет связанную с этим ревизию теории» (стр. 47). Если бы Энгельс обладал умом Бернштейна, «он должен был, безусловно, полностью рассчитаться с гегелевской диалектикой». Но, к несчастью Бернштейна, Энгельс не оказался настолько умным и не отбросил диалектики, а умер диалектиком, так как, понятно, не хотел оставить научной теории и опуститься во мглу метафизики. И это обстоятельство свидетельствует, что Энгельс и не помышлял об «открытом признании заблуждений», что Энгельс не делал никаких «добровольных» признаний о несостоятельности марксистской теории и что они есть плод большого легкомыслия Бернштейна.

Насколько легкомысленно «опровергается» марксистская теория социального развития путем объявления диалектики «предательским, вероломным элементом», настолько легкомысленно и обвинение марксизма в родстве с бланкизмом. Конечно и это есть просто результат легких мыслей Бернштейна. Бланкизм знать не хотел о материальных условиях и об организации революционного

пролетариата в отдельную политическую классовую партию, борющуюся за завоевание политической власти. Бланкизм проповедовал революционный заговор горстки смелых революционеров, организованных в тайное «революционное общество», которое в удобный момент нападает на власть, обезоруживает ее и декретирует социализм. С подобной «теорией» марксизм не имеет ничего общего. Совершенно излишне распространяться для доказательства этого.

Все эти смешные пигмейские усилия Бернштейн предпринимает, чтобы, «опровергнув» диалектику, подорвать доверие социал-демократии к марксистской теории социального развития. Бернштейн хочет повернуть нас к метафизике. Как он утверждает, развитие общества происходит не диалектически, а согласно представлениям метафизиков. По его мнению, развитие состоит лишь в медленном, постоянном и непрерывающемся количественном росте явлений. В общественной жизни развитие заключается в постепенном уменьшении размеров устаревших, реакционных учреждений и в постепенном увеличении размеров новых, демократических учреждений. Сначала последние, согласно метафизическому пониманию развития Бернштейном, были микроскопически малы и существовали в виде либеральных учреждений, потом медленно, но постепенно непрерывно увеличивались и увеличиваются, и будут расти, расти количественно до бесконечности, до гигантских размеров. Кто знает, к какому концу придет этот медленный, постепенный, непрерывный количественный *рост* либеральных демократических учреждений. Для Бернштейна такое знание неважно. Для него имеет значение «движение»; конечная цель для него ничего не значит.

По той же мерке у Бернштейна развиваются и другие общественные явления. Возьмите, например, распределение богатств. Согласно «теории» Бернштейна сначала люди были бедняками, но теперь с увеличением богатств, особенно при капитализме и при его акционерной форме, богатства растут вширь, т. е. каждый бедняк становится все богаче, и все больше акций акционерных капиталистических предприятий распространяется среди бедных граждан! Этот количественный *рост* их богатств по «теории» Бернштейна является медленным, постепенным, но также и безграничным. Неизвестно, каким будет конец

этого «движения». Но, как гласит эта теория, одно должно быть несомненным, что количественный рост богатства в смысле более широкого распределения его среди граждан, постепенно, непрерывно, без пертурбаций, без скачков, без революций будет уменьшать неравенство, до тех пор пока оно не достигнет микроскопических размеров, а может быть, однажды капиталисты убедятся в пользе равенства богатства и братски поделят его с бедными гражданами! Этому можно верить так же, как и тому, что мелкие товаропроизводители не разоряются, а, напротив, по Бернштейну, число их растет! Вот в чем «движение», вот в чем социальное развитие! Это уродливое представление о развитии есть то старое представление, которое господствовало до Гегеля. И вот этим старым, уродливым представлением о развитии Бернштейн заменяет марксистскую теорию социального развития!

Тот, кто имел терпение внимательно прочитать «Предпосылки» Бернштейна и сориентироваться в их содержании, согласится, что главная цель Бернштейна — поколебать веру в научность марксистской теории социального развития. Кроме как прибегнуть к старому уродливому представлению метафизиков о развитии, других средств у него не было. Нет сомнения, что Бернштейн смог повлиять на поверхностно знающих марксизм, на колеблющиеся элементы, но он не смог пошатнуть всей социал-демократической партии. Ее духовный рост настолько велик, что попытка Бернштейна ошлестить ее сетями метафизики, а через нее и буржуазным социализмом была встречена с отвращением. Но Бернштейн совершенно сознательно воспринял уродливую метафизическую теорию развития. Его желание изменить тактику социал-демократической партии основывалось на подрыве доверия к ней. С точки зрения метафизической теории развития тактика социал-демократической партии действительно претерпевает крах. Поистине, коли развитие совершается согласно «теории» Бернштейна, перерывы постепенности, скачки невозможны; следовательно, *социальная революция* есть вымысел, а вместе с тем вымыслом является и *политическая революция пролетариата*. Ну, а если так, тогда бессмысленно ставить вопрос о завоевании этим классом власти и о его *диктатуре*. И это тем более становится бессмысленным, если иметь в виду, что пролетариат по Бернштейну неспособен управлять, более

того, — что он не однородный класс, а распадается на разные классы, на разные подразделения, с различным положением. После вышесказанного понятно, что бессмысленны и разговоры о классовой борьбе в современном мире. Классовая борьба, как утверждает Бернштейн, ныне уже не обостряется, а, напротив, сглаживается, притупляется, исчезает. Но с точки зрения его «теории» так оно и должно быть, ибо противоречие между производством и распределением богатств сглаживается, уничтожается. В этом случае и конечная цель борьбы пролетариата теряет всякое значение. Превращение средств производства из частного владения в общественное — эта конечная цель борьбы оказывается бессмыслицей, потому что бернштейновская «теория движения» ничего не может о ней сказать. Бессмыслицей оказывается и программа-минимум социал-демократической партии как в ее общей части, так и в требованиях защиты интересов рабочего класса. Вообще, согласно бернштейновской «теории» развития, вся совокупность тактических принципов социал-демократической партии — бессмыслица, нечто негодное, устаревшее.

Поэтому он предлагает новую тактику, соответствующую «новой теории» развития. Новая тактика заключается в том, чтобы социал-демократическая партия превратилась в *социал-реформистскую* партию, которая объединилась бы с либеральной и демократической буржуазией и рука об руку с ними двинулась бы вперед к... все большему и большему демократизму. В соответствии с этим Бернштейн предлагает и общую программу демократических реформ. Но для осуществления этого союза, этого «общего дела» пролетариата и буржуазии нужно, чтобы социал-демократия, отказавшись от своего названия, отказалась от революционной фразеологии и не говорила о социальной революции и диктатуре пролетариата, потому что все это отпугивает либеральную и демократическую часть буржуазии. Рабочим вместо требований программы-минимум социал-демократической партии специально рекомендуются кооперативы, благотворное значение которых для рабочих Бернштейн превозносит до небес. Кооперативы, по его мнению, демократизируют промышленность. Делая рабочих соучастниками прибылей капиталистического производства, кооперативы постепенно выравнивали бы неравенство, разумеется, без потрясений. Вот главное утешение, которое дает рабочим «новая тактика» Бернштей-

на. Борьбу рабочих в защиту своих классовых интересов «новая тактика» считает излишней. Такова бернштейновская тактика, которая должна заменить нынешнюю тактику социал-демократической партии! Она вполне согласуется с его же «теорией» развития.

Отсюда ясно, что «ревизия» или «критика» Бернштейном марксистской теории крайне поверхностна, легкомысленна и исходит из старого, уродливого, младенческого представления о развитии. «Ревизия» Бернштейна, если она не является умышленным извращением марксизма, чрезвычайно компрометирует умственные способности ее автора. «Ревизия» Бернштейна имеет целью вытеснить ясную, строго научную марксистскую теорию социального развития и заменить ее «теорией», давно осужденной и естественными науками, и историей, и философской мыслью и не способной дать никаких положительных знаний ни о прошлом, ни о настоящем, ни для предвидения будущего. «Критика» Бернштейна есть легковесная профанация научных завоеваний человеческой мысли, завоеваний, сделанных пролетариатом, и борьбы социал-демократии, давшей такие блестящие результаты. В этой «критике» все резко противоречит действительности. В то время как Бернштейн отводил кризисам область прошлого, в Германии свирепствовал общий торгово-промышленный кризис, а весь индустриальный мир охватил всеобщий земледельческий кризис. Бернштейн говорил о притуплении, о сглаживании классовой борьбы в то время как разразились колоссальные стачки рабочих, которые были подавлены буржуазией с помощью жандармского штыка и солдатского ружья. Какие бы побуждения ни руководили Бернштейном в «критике» марксистской теории социального развития, однако тактика, которую он предлагает социал-демократии, действительно является абсолютно предательской по отношению к классовым интересам пролетариата, к общественным идеалам социал-демократии, к ее борьбе. Два съезда Германской социал-демократической партии почти единогласно осудили «теорию» и тактику Бернштейна. Особенно резко осудил бернштейновскую *одностороннюю критику* последний съезд этой партии в Любеке. Резолюция съезда косвенно поставила перед Бернштейном дилемму: или отказаться от своего поведения или уйти из партии. Бернштейн обещал принять резолюцию во внимание. Посмотрим, что он будет делать

далее. Резолюция Любевского съезда показала Бернштейну и всем бернштейнианцам, что социал-демократия никогда не воспримет уродливой бернштейновской «теории» социального развития и основанной на ней предательской по отношению к борющемуся пролетариату тактики *.

Тем не менее эта «теория» и «новая тактика» Бернштейна нашла приверженцев и в рядах болгарской рабочей социал-демократической партии. Бернштейновское «общее дело» пролетариата и либерально-демократической буржуазии воспринято Я. Сакизовым, членом Центрального Комитета Болгарской социал-демократической партии в виде «общего дела» «слоев производителей» в Болгарии¹⁷. Бернштейн противопоставляет «общее дело» пролетариата и буржуазии революционной пролетарской тактике и это «общее дело» видит в их «движении» вперед к умножению политического демократизма. «Общее дело» «слоев производителей» Я. Сакизов в Болгарии также видит в «движении» последних к политическому демократизму. Таким образом Янко Сакизов просто переносит бернштейнианство на болгарскую почву, не имея смелости открыто заявить о своей приверженности к бернштейновскому «движению». Бернштейн, как мы видим, приходит к «общему делу» социал-демократии и буржуазии, после того как открыто «ревизует», т. е. отвергает марксистское учение как негодное, устарелое и ненаучное. Янко Сакизов, усвоив «общее дело» Бернштейна, или не понял основных теоретических взглядов, логически к нему приведших, или лишен смелости прямо выступить против марксистской теории, как это делает Бернштейн. Но очевидно, что, восприняв бернштейновское «общее дело», Я. Сакизов отклонился от принципов социал-демократической партии. Когда я в первый раз напомнил ему об этом, он, как известно, ответил с азартом, что не он отклоняется, а мы узко понимаем марксистское учение, обед-

* Отношение к бернштейнианству со стороны руководства немецкой социал-демократии было примиренческим. К. Каутский подверг выступление Бернштейна лишь *товарищеской* критике, обойдя важнейший вопрос о диктатуре пролетариата и согласившись с Бернштейном, что при капитализме нет абсолютного обнищания пролетариата. Подлинно марксистскую оценку бернштейнианства дал В. И. Ленин в книге «Что делать?», требовавший немедленного разрыва революционной социал-демократии с оппортунистами. — *Ред.*

пям его и т. п. Несколько раз приглашенный выступить по вопросу о широком понимании марксизма, о том, не бернштейнианство ли это на болгарской почве, Я. Сакизов ответил личными придирками в остроумно озаглавленных газетных заметках. Только этим я объясняю то обстоятельство, что для некоторых партийных товарищей наша полемика была непонятной и что вообще они не обратили на нее достаточно серьезного внимания. Однако после выхода в свет перевода бернштейновских «Предпосылок» всем, кто имел терпение прочесть их, стало ясно, что полемика имеет очень важное принципиальное значение для нашей партии. Вопрос стоял так: воспринять ли нам «теорию» и тактику Бернштейна, а в болгарском варианте — «общее дело» Я. Сакизова, или нет? Тактика Я. Сакизова состоит в том, чтобы, проповедуя бернштейнианство и рекомендуя себя «широким» марксистом, скрывать свое духовное родство с Бернштейном. Но, как убеждаются сейчас читатели, «общее дело» Я. Сакизова по сути то же самое «общее дело» Бернштейна на болгарской почве. Никакого марксизма ни узкого, ни широкого здесь нет и в помине.

Я. Сакизов, проповедуя бернштейнианство, силился изобразить себя самым правоверным, т. е. широким марксистом. Переводчик «Предпосылок» оказался откровеннее. Он открыто заявил, что для члена социал-демократической партии не обязательно быть марксистом, а достаточно признавать «программу», что социалистические идеи и общественные научные знания можно почерпнуть и у буржуазных писателей, что социалисты должны действовать вместе с буржуазией в интересах капитализма, а с крестьянами и ремесленниками против буржуазии за демократизм и что таким образом мы пойдем к социализму через демократизм *. Это абсолютное бернштейнианство,

* Некий П. Д.¹⁸ в 4 номере «Общего дела», остановившись на моей статье, написанной к VIII съезду партии¹⁹, жалуется, что якобы наши бернштейнианцы неверно поняты, а их высказывания и слова неверно переданы, и, между прочим, ставит мне в укор, что я ограничился лишь несколькими общими словами о брошюре переводчика Бернштейна. Признаться откровенно, больше того, что сказал о ней, я не хотел и не хочу писать по двум причинам. Во-первых, в большей ее части, автор, собрав всевозможные клеветнические вымыслы против меня разных убогих людей, характеризует мои полемические приемы самыми черными красками, прибавив кое-что и от самого себя. Опровергать эти выдумки я считаю недостойным. Уверен, что большинство партийных товарищей не станет их слушать, а посему считаю излишним занимать-

но об этом и переводчик не имел смелости заявить открыто. Как мы видели, по Бернштейну, чтобы быть социалистом, даже социал-демократом и членом социал-демократической партии, нет нужды в марксизме; можно быть социалистом, почерпнувшим научные знания об обществе из буржуазных теорий, даже из самых уродливых; через демократизм идти в социализм и т. д. Переводчик «Предпосылок» в двух пунктах показывает себя непоследовательным бернштейнианцем. Бернштейн отбрасывает и программу-максимум и программу-минимум социал-демократической партии, а наш бернштейнианец ставит признание программы условием членства в партии. Впрочем, здесь одна видимость непоследовательности. Если уж можно быть членом партии, не будучи марксистом, тогда можно и не признавать программы-максимум, являющейся прямым выводом из теории общественного развития Маркса. Не признавая марксизма, нельзя признавать программу-максимум. Кто выступает против марксизма, тот выступает и против самой существенной части программы, против всей программы социал-демократической партии. Говоря о признании «программы», как о единственно достаточном условии членства в социал-демократической партии, переводчик Бернштейна имеет в виду только программу-минимум. Но признание лишь этой части программы партии не может характеризовать ее члена как социалиста. Такой член партии не будет в состоянии провести элементарного различия между социалистической партией и другими, буржуазными партиями. Если в какой-либо социалистической партии такие члены составляют большинство, она может называть себя как угодно, но только не социалистической. Это был бы конгломерат самых несознательных людей, и из такой партии

ся их опровержением. Думал и думаю, что достаточно квалифицировать их как выдумки и хулу — ничего более. Что касается мотивов, заставивших автора брошюры прибегнуть к выдумкам, говорить о них теперь бесполезно. Мое личное отношение к нему не позволяет мне сделать этого, и я искренне надеюсь, что никогда не буду принужден раскрыть эти мотивы. Во-вторых, в другой части брошюры излагаются идеи, позаимствованные у Бернштейна. В сущности они настолько несостоятельны и бедны, что я считал излишним утомлять читателя. Я был уверен, что их несостоятельность нагляднее всего выявится из знакомства с источником, из которого они почерпнуты. Только в связи с книгой Бернштейна можно было взвесить ценность этой части брошюры переводчика. Это я и делаю в предлагаемой статье.

только по имени социалистической в конечном итоге ничего бы не вышло. Именно поэтому наш бернштейнианец столь легко соглашается оставить «программу» единственным условием членства в социал-демократической партии. Она ни к чему не обязывает такого члена.

Другая непоследовательность переводчика заключается в его мнении, что социалисты должны действовать вместе с буржуазией в интересах капитализма, а с крестьянами и ремесленниками против буржуазии за демократизм. Но и это также в духе бернштейнианства: все дело в «движении» к демократизму. Если капиталистическая буржуазия против «движения», тогда «демократия», естественно, выступает против нее, ибо буржуазия перестает быть «либеральной» и «демократичной».

Убедившись, что непоследовательность переводчика «Предпосылок» — одна видимость, мы можем охарактеризовать всю концепцию брошюры как абсолютное бернштейнианство. Однако, как уже отмечалось, у переводчика нет смелости исповедовать его открыто, но он оставляет читателей в заблуждении: пусть, мол, думают, что благодаря своей столь большой «проницательности» он «собственным умом» открыл Америку! Ценность его открытий соответствует ценности самого бернштейнианства. А последняя мною показана.

Болгарские бернштейнианцы попытались под покровом «широкого марксизма» и «широкого социализма» протащить в нашу партию бернштейнианство, бернштейновскую «теорию» и «тактику». Не удалось! Посмотрим, удастся ли им это в будущем. Пишущий эти строки верит в здравый разум большинства рабочей социал-демократической партии, а поэтому убежден, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы партия пошла за бернштейнианством, оставила научную точку зрения марксизма и проистекающую из нее тактику, восприняла уродливую «теорию» и основанную на ней «скользящую» тактику, которые рекомендуются нам Бернштейном в «Предпосылках социализма».

Журнал «Новое время»
кн. 10—11, 1901 г.

Переведено с болгарского
по тексту книги.
Димитр Благоев. Избранные
произведения в двух томах,
том II, София, 1951.
стр. 15—38
Перевел Л. В. Воробьев

Эта статья была задумана мною уже давно, но откладывалась в ожидании публикации речей, произнесенных на IX съезде Рабочей социал-демократической партии, который состоялся этим летом в Тырнове. Но теперь выяснилось, что в ближайшем будущем эти материалы едва ли будут напечатаны. Съезд, принявший решение о публикации речей, не предусмотрел для этой цели денежных сумм и поставил Центральный Комитет партии в затруднение, лишил возможности осуществить издание. А публикация речей имела бы для нас большое значение. Но, учитывая, что она затягивается, а вопросы, обсужденные на съезде, имеют для партии большой жизненный интерес, откладывать их больше нельзя.

Читателям уже понятно, что последующие строки будут посвящены деятельности IX съезда Болгарской рабочей социал-демократической партии. Должен, однако, предупредить, что я не задаюсь целью дать подробный отчет об этом съезде. В свое время такой отчет был опубликован партийным органом «Работнически вестник», а отчасти и журналом «Ново време». Я хочу поделиться с читателями мыслями и впечатлениями по поводу четырехдневных дебатов на съезде по принципиальным разногласиям в партии, возникшим два с половиной года назад и продолжающимся доньше. Известно, что на тырновском партийном съезде вопрос был поставлен определенно, а именно, что в партии существуют принципиальные разногласия, что есть члены и видные члены партии, которые уже несколько лет систематически,

вероломным образом изменяют ей, стремятся свернуть ее с принципиального пути в вопросах теории и тактики и толкнуть на дорогу мелкобуржуазного филистерства, которые, другими словами, самым вероломным образом пытаются обессилить партию и деморализуют ее. На тырновском партийном съезде от этих членов партии, называемых «широкими», впервые потребовали отчета об их поведении в партии. Дебаты по этому вопросу отняли большую часть времени. Нет сомнения, что время могло бы быть сэкономлено, если бы болгарские оппортунисты и особенно Я. Сакизов еще в начале работы съезда выступили и дали свои объяснения. Но они, придерживаясь демагогической тактики, рассчитанной на низкий идейный уровень слушателей, играя на их слабых струнках, ждали, пока не выступят другие делегаты, чтобы за ними осталось последнее слово. Невзирая на неоднократные обращения съезда, особенно к Я. С., высказаться, не ожидая, пока выступят все остальные, они затянули дебаты. Именно по этой причине съезд растратил время и не смог рассмотреть другие вопросы, стоявшие на повестке дня. Я обращаю внимание на это обстоятельство, ибо поведение наших «широких» на съезде характеризует их тактику по отношению к партии. Эта тактика, как мы увидим, вероломна и похожа на тактику врагов, стремящихся взять крепость изнутри, т. е. под покровом «широкого социализма» толкнуть пролетариат на путь пошлого оппортунизма.

Во всяком случае, я хочу остановить внимание на поведении «широких» во время тырновского съезда, чтобы иметь это в виду на будущих партийных съездах. Не желаю говорить о других сторонах их поведения на съезде, которое в известных случаях было самым низкопробным*. Важно представлять тактику оппортунистов

* Джидров, например, за кулисами сцены зала, где заседал съезд, во время перерывов на обед, созывал частные и тайные собрания делегатов, очевидно, с агитационными целями. Какого рода была эта агитация на тайных собраниях части делегатов, мы можем судить по словам Джидрова после избрания ЦК, когда тов. Г. Георгиев²¹ поднял вопрос о выделении суммы в 1000 левов для второго редактора партийной газеты. Тогда Джидров открыто заявил, что их цель, т. е. цель «широких» — противопоставить друг другу товарищей редакторов газеты «Рабочнически вестник» Г. Киркова²² и Г. Георгиева. Это же сказал и Я. Сакизов, когда мы сидели перед фотографическим аппаратом, а между мной и им была делегатка

в отношении партии в ее общем виде, и в этой статье я постараюсь ее раскрыть.

Вопрос о принципиальных разногласиях в партии и о поведении «широких» не мог не всплыть на тырновском партийном съезде. Он не мог не быть поставлен на повестку дня. Как совершенно правильно отметил в своей речи тов. Г. Кирков, внутрипартийные разногласия, отход некоторых деятелей от партийных принципов и методов, мешают уже практической деятельности партии. Принципиальные разногласия, отход некоторых деятелей партии от партийных методов и в то же время их пребывание в рядах партии неизбежно ведут к нарушению *единства действий* партии. А если в партии нет *единства действий*, то она фактически уже перестает существовать, она уже не боевая социал-демократическая партия. И действитель-

из Сербии, тов. Драгнева. Кто-то, не помню, заметил, что она представляет собой как бы мост, соединяющий «тесных» и «широких». Тогда Я. С. с желчной улыбкой сказал: «так же, как мы проложили золотой мост между Кирковым и Гавриилом». После этого можно себе представить, какова была агитация «широких» на тайных, скрытых за кулисами сцены, собраниях делегатов! Во всяком случае, она «меньше всего» была направлена на то, чтобы противопоставить тов. редакторов Г. К. и Г. Г.! Невинная пропаганда невинных желаний! Интересно только узнать, каковы те «партийные интересы», требовавшие, чтобы это желание наших оппортунистов сбылось? Интересно услышать, какие мотивы побудили их приложить столько усилий, чтобы противопоставить товарищей Г. К. и Г. Г.? Впрочем, в данном случае было бы весьма наивно спрашивать их о партийных интересах. Ясно, что агитация на кулисных собраниях делегатов должна быть высокопробной! К этому же роду деятельности относятся и заметки Я. С. в «Общо дело» по поводу хроники Сенеха²³ в «Ново време» о тырновском партийном съезде. Я. С. говорил там, что Сенех поднимал на щит Киркова и нападал на товарищей по партии, которые принесли бог весть какую пользу партии! Но Сенех никогда не хвалил и не нападал, он просто констатировал факты. Тов. Кирков не нуждается в похвалах. Но такова уж тактика оппортунизма во всем мире: преуменьшать значение и вес талантливых партийцев, товарищей, ум, преданность делу партии и знания которых должны радовать нас, а, с другой стороны, с помощью лести, демагогии, путем нажима на низменные страсти деморализовать партийцев, еще не сумевших стать выше мелкобуржуазных понятий! К этому направлены и утверждения Я. С., что тов. Кирков не был редактором газеты «Социалист», тогда как он заменил тов. Бакалова²⁴ на этом посту и как редактор делал на съезде отчет о работе газеты. Впрочем верно, что тов. Кирков не был редактором газеты «Народ», но так же верно и то, что он был одним из ее сотрудников. Однако Я. С., стремясь преуменьшить значение тов. Киркова в партии — это ему и важно — извращает факты.

но, как только в рядах партии появились члены, которые под прикрытием какого-то «широкого социализма» отрекаются от партийных основ и методов и изменнически хотят толкнуть ее на путь мелкобуржуазного оппортунизма, с тех пор единство действий в нашей партии начало распадаться и в организациях, и в руководящих и контролирующих партийных органах, и в парламентской группе нашей партии. И если бы последние партийные съезды не спохватились и не посмотрели серьезно на положение, сложившееся в рядах партии, если будущие съезды, если сама партия не примет своевременных и необходимых мер по очищению своих рядов от мелкобуржуазного оппортунизма, именуемого «широким социализмом», и не положит конца опасной игре с ее будущим со стороны оппортунистов, от рабочей социал-демократической партии останется одно название.

Здесь не место говорить о пагубном влиянии на партию, на ее практическую деятельность того обстоятельства, что она не осудила недвусмысленно и категорически оппортунизма в своих рядах и не поставила его носителей на приличествующее им место. Одно из двух: или рабочая социал-демократическая партия будет партией революционного социализма, или же она превратится в мелкобуржуазную оппортунистическую партию и согласно с этим будет организовываться, управляться и действовать. Партийные съезды, начиная с ямболского²⁵, всегда подчеркивали пролетарский характер партии, подчеркивали, что Рабочая социал-демократическая партия Болгарии есть партия революционного научного социализма. И когда накануне ямболского съезда некоторые члены партии сделали попытку под видом «свободы партийной печати» вовлечь партию на путь оппортунизма, они были категорически осуждены ямболским съездом. И другие съезды, до и после ямболского, ревностно охраняли пролетарский характер и научные основы революционного социализма, положенного в основу партии²⁶. Но наша партия развивается при таких условиях, что оказывается недостаточным лишь подчеркивать ее характер. Не входя в анализ условий ее развития, отметим, что при нынешнем состоянии воздействие демагогии и оппортунизма на партию может быть очень сильным. Чем шире открыты двери партии для неразборчивого приема и чем меньше внимания уделяется теоретическому и

принципиальному росту ее членов, тем больше хлопот с оппортунизмом в нашей среде и тем легче соскользнуть на путь мелкобуржуазной демократии. И совсем неудивительно, что вот уже в течение двух с половиной лет оппортунизм продолжает вить гнездо в нашей партии. Но, как мы видели, терпеть дальше мелкобуржуазный оппортунизм в нашей партии уже опасно. Если на плененском съезде он был косвенно осужден, на тырновском следовало поставить этот вопрос прямо. На этом последнем съезде вопрос о поведении наших оппортунистов был обсужден, он возник совершенно стихийно, сам по себе. Однако и этот съезд, поставив вопрос прямо, не захотел положить конец оппортунистической игре в партии; и не только это: он совершил серьезную ошибку, допустив существование оппортунизма в партии. Эта ошибка съезда объясняется тем обстоятельством, что не все делегаты смогли понять изменническую тактику наших оппортунистов, а некоторые из них, далекие от жизни и интересов партии, не разобрались в большом значении полемики.

Дебаты на съезде о поведении «шпроких» начались сразу же после доклада тов. секретаря-кассира о состоянии и деятельности партии. Наши оппортунисты положили много усилий, чтобы убедить съезд не заниматься этим принципиальным вопросом. Прежде всего они попытались представить положение вещей таким образом, будто разногласия суть личное дело двух членов партии *, что они не касаются всей партии и съезд не должен ими заниматься. Однако, отчаявшись убедить в этом съезд, оппортунисты прибегли к аргументу, что-де съезды не академия наук, и нечего заниматься на них теоретическими вопросами. Но и этот аргумент оппортунистов не мог убедить съезд отказаться от занятий «теорией»: он тотчас же приступил к этому вопросу, и начались дебаты. Пишущий эти строки не принял в них никакого участия. Он исходил из того, что в течение года несколько раз и весьма подробно высказался об отступничестве «широких» и их поведении, ему было важно услышать мнения делегатов о полемике. И наконец, оппортунисты должны были убедиться, что полемика не носила характера личной борьбы между ним и Я. С., а была делом партии, живо

* Т. е. Д. Благоева и Я. Сакизова.— *Ред.*

затрагивающим ее интересы. Он прекрасно понимал, что сокровеннейшее желание «широких» сводилось к проведению на съезде подобия личного полемического турнира между ним и Я. С., что послужило бы лишним поводом к изображению дела «личной ссорой». Впрочем, как уже отмечалось, с этого и началось как на съезде, так и вне его. Все члены партии полностью должны уяснить, что одним из существенных моментов игры, которую наши «широкие» ведут с партией, их тактика заключается в том, чтобы представить обсуждение в виде полемики как «личную ссору», которая не должна интересовать партию, а не как спор о принципиальных различиях и отступничестве от партийных основ и методов. Тактика болгарских «широких», как впрочем и всех «широких» во всем мире, состоит именно в том, чтобы посеять в партии убеждение, что принципиальных различий и отступничества нет, а есть «личные ссоры» между Стояном и Драганом, между «партийными чинами» и т. п. А уж если в партии укрепится убеждение, что нет вопроса о принципиальных разногласиях и нет отступничества, а есть только вопрос о «личных ссорах», о личном несогласии, тогда двери партии широко откроются для низкой демагогии, для интриганства и инсинуаций в ее рядах, начнутся разброд в организациях и все остальные прелести пошлого оппортунизма. Тогда не может быть и речи о каком-либо отступничестве «широких» и оппортунистов, нельзя будет говорить о принципах и теоретических спорах — некому будет слушать. Вот почему наши «широкие» в продолжение двух с половиной лет считают ненужным вступать в принципиальные споры, а вместо того в «Общое дело» в отдельных брошюрах и на съездах прилагали и прилагают все усилия к тому, чтобы свести дело к придиркам личного характера, представить полемику личным делом того или другого партийного деятеля, придать ей окраску «личной ссоры». Такова тактика наших оппортунистов, вероломная по отношению к партии. К сожалению, следует признать, что эта вероломная тактика оказала свое влияние на некоторых партийных товарищей. Она была подкреплена и тем фактом, что некоторые делегаты тырновского съезда приложили известные усилия к тому, чтобы затянуть игру оппортунистов с партией, тогда как им давно не место в рядах социал-демократической рабочей партии.

Да будет мне позволено однако заявить всем тем партийцам, которые успели запутаться в сетях наших оппортунистов, что смотреть на полемику, ведущуюся в течение двух с половиной лет, как на личное дело полемизирующих, как на плод «личной ссоры», а не как на спор о принципах и отступничестве, которое открыто совершают видные члены партии, — значит становиться в ряды злейших врагов социал-демократии.

Да, целью «широких» является стремление посеять в партии убеждение, что нет принципиальных разногласий, нет отступничества и измены партии, а если уж имеются такие члены партии, которые видят подобные вещи, то они это делают по личной злобе и из зависти к обвиняемым. Так они представляли дела в самом начале полемики, так они представляли их на протяжении двух с половиной лет. Почитайте 2-й и 3-й номера «Общ. дело» (III год издания) и посмотрите, как Я. С. уверяет своих легковверных читателей, что пишущий эти строки по личным мотивам, исходя из личной неприязни к Я. С., говорил об его отступничестве от партийных принципов, в то время как Я. С. далек был от этого даже в помыслах своих! Тогда я мог пренебречь этими низкопробными политическими приемами. Но теперь пришло время сорвать маску с изменников — «широких» и, в первую очередь, с Я. С. Пишущий эти строки уже не впервые подвергается клевете и инсинуациям, подобным же образом, если не более грубым, чем сейчас, со стороны Я. Сакизова и его приятелей, которые, впрочем, к доброй чести партии, давно уже покинули ее ряды. Припоминаются принципиальные разногласия между Партией и Союзом, главным образом, 10 лет назад²⁷ и поведение в то время сторонников Я. Сакизова по отношению ко мне, которое ничем не отличалось от теперешнего. Но всегда, после того как они раскаивались в своем поведении, я забывал обиды и оставлял в стороне самолюбие во имя успехов дела социализма. О какой же личной обиде на Я. С. можно теперь говорить? Такой обиды не было и нет. Чему можно позавидовать у тов. Я. С. ? Его ли особому положению, недостижаемому для нас, или его незаурядным способностям? Чему же, спрашивается, можно позавидовать, чтобы питать к нему личную злобу? Мы так хорошо и так близко знакомы с тов. Я. С., знаем, на что он способен как политический деятель и писатель, что, следовательно, места для личной

зависти и злобы к нему совершенно не остается. Нет, не личные мотивы, не какая-то личная злоба заставляет нас резко выступать против него, а его качества, его деятельность как члена партии, его оппортунизм, его торгашеский подход к делу партии и сведение его к «общему делу» различных «производящих слоев», что означает уход от классовой борьбы,— этого основного оружия пролетарской социалистической демократии. Перелистайте за эти два с половиной года, вплоть до сегодняшнего дня, страницы «Общего дела» и посмотрите, что пишется в передовых и других его статьях! Есть ли в них хоть какое-нибудь подобие социалистического метода исследования? Не представляют ли все они пример мелкобуржуазного шатания в событиях, пример того, как несвязные мысли беспомощно бьются как рыба об лед, и в них проглядывает желание понравиться «производящим слоям»? Не проповедует ли этот журнал на протяжении двух с половиной лет «общее дело», оппортунизм, мелкобуржуазный демократизм, чуждый идеям классовой борьбы, пролетарского революционного социализма, марксистского метода и т. д.— основным началам социалистической демократии? И посмотрите, сколько раз в журнале «Общее дело» в течение двух с половиной лет упоминалось о существовании рабочей социал-демократической партии, о ее задачах и методах, о ее принципах. Партия потерялась в «общем деле», вытеснена им, ее задачи заменены задачами «общего дела», оппортунизмом! В то же время, в продолжение двух с половиной лет Я. С. с видом мудреца, с претензиями обладателя глубокой тайны, говорит об иссушении марксистского учения, о безжизненных формулах и «узких взглядах». Смысл его поведения ясен. Я. С. творил и творит преступление — не имея мужества выступить с чем-нибудь более научным, более верным, он распространяет сомнение в рядах нашей партии относительно ее основ и методов и, главное, внушает недоверие к тем, кто поддерживает партийные основы и методы. Можно ли было и следовало ли замалчивать такое поведение Я. С.? И о какой личной ненависти, о каких личных мотивах можно здесь говорить? Итак, вполне очевидно, что нас разделяют не «личная неприязнь», а глубокие принципиальные разногласия: с одной стороны, стремление превратить партию в оппортунистическую, в партию мелкобуржуазного утопизма, и,

с другой стороны, стремление сохранить партию как социалистическую, революционную партию пролетариата. Еще раз повторю: верящие в то, что полемика есть плод «личных ссор» и «личной неприязни» — самые опасные члены нашей партии и жертвы изменнической тактики болгарских оппортунистов.

Далее. Больше всего наши «широкие» боятся теоретических дебатов в партии, на ее съездах, в ее органах. Естественно, что они боятся принципиальных обсуждений, ибо боятся теоретического роста партии, ее членов и, главное, членов партии из числа наемных работников, из пролетариата. Оппортунизм и демагогия оппортунистов могут обосноваться только в такой социалистической партии, в которой теоретическая подготовка ее членов или вовсе отсутствует или слаба. Оппортунизм и демагогия оппортунистов в социалистических партиях процветают и даже приводят их к обезличиванию там, где теоретическая подготовка пролетариата сравнительно слаба, как, например, во Франции. И, наоборот, они бессильны там, где пролетариат стоит на более высоком теоретическом уровне, как, например, в Германии. Именно поэтому наши «широкие» не только избегают теоретических обсуждений, но любым способом стремятся обесценить, главным образом, в глазах пролетариата, значение любого теоретического обсуждения в партийных органах, или в партийных организациях. Они представляют эти обсуждения праздным делом, бесполезной растратой времени, а подъем теоретической деятельности именуют злонамеренным желанием помешать практической работе, вызвать «ссоры» и т. д. Любое теоретическое обсуждение необходимо для роста и усиления партии. Но они смертельно опасны для оппортунизма и демагогии оппортунистов в партии. Ибо только при низком уровне подготовки членов партии оппортунисты могут успешно вовлекать их в оппортунизм. По этой именно причине они всеми дозволенными и недозволенными средствами добиваются, чтобы в члены партии принимались не социалисты и тем более не марксисты. Они радуются в душе любому проявлению анархизма в партийных организациях и любым способом стремятся избегать теоретических дебатов на съездах, представляя их ненужными для практической деятельности партии и невозможными на съездах. Нет нужды останавливаться здесь на том, какое огромное

значение имеют теоретические споры в партии и на ее съездах. Сказанного, думаю, достаточно.

Не могу не обратить внимания еще на одно обстоятельство. Борьба пролетарской социалистической партии есть не только политическая и экономическая, но и *теоретическая* борьба. Политическая и экономическая борьба организованного пролетариата останется безуспешной, если она не сопровождается теоретической борьбой, борьбой за защиту и пропаганду принципов и методов социал-демократии. Во всяком случае одна только политическая и экономическая борьба, не освещенная теорией, не может сделаться мощной и вести пролетариат к победе. Борьба социал-демократии лишь там становится мощной и ведет к прочным завоеваниям, где она тройственна: теоретическая, политическая и экономическая. Здесь вспоминается знаменитое место, приведенное нашим русским товарищем — Лениным (псевдоним, за которым скрывается известный русский теоретик социализма) в его книге «Что делать?» (стр. 16 и 17) из предисловия Ф. Энгельса к третьему изданию «Der deutsche Bauernkrieg» *, которое относится к интересующему нас вопросу.

Ф. Энгельс говорит:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создавался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушные ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно движется вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял

* — «Крестьянская война в Германии». — *Ред.*

прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев» *.

Таково первое преимущество немецких рабочих, а вместе с тем, естественно, и преимущество германской социал-демократической партии. Оно состоит, как мы видим, в высоком теоретическом смысле немецких рабочих. Второе преимущество немецкой социал-демократии заключается, по Энгельсу, в использовании богатого опыта, «купленного дорогой кровью» английского и французского рабочего движения, опыта, позволившего избежать их ошибок.

*«Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения» **.*

Из подчеркнутых мною слов Энгельса читатели видят, что сила и непобедимость социал-демократической партии заключается в планомерной борьбе «во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой». Политическая и экономическая борьба социал-демократии немыслима без теоретической борьбы. Ф. Энгельс писал эти слова в 1874 г. Тогда, как и ныне, немецкая социал-демократическая партия и немецкие рабочие возглавляли борьбу пролетариата. Тогда он предсказывал им, что они всегда будут занимать это почетное место в строю борцов, «если будут так же идти вперед», как и шли. Его слова оказались пророческими. Однако в том же месте он говорит им следующее:

«Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию фраз и всегда

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр. 604.— *Ред.*

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр. 605. Курсив Д. Благоева.— *Ред.*

иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс со все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов» *.

Да, сила социал-демократии заключается не только в ее политической организации и в организации самосиндикатов и не только в политической и экономической борьбе рабочих, а в их связи с теоретической борьбой. Но теоретическая борьба может вестись лишь тогда, когда сама партия теоретически сильна и все шире распространяет среди рабочих теорию научного социализма. Однако наши «широкие» оппортунисты морщатся от «теорий» и ополчаются против распространения их среди рабочих. Какую они ведут классовую теоретическую борьбу или к какой теоретической борьбе они вот уже два с половиной года призывают наших рабочих, например, в «Общое дело»? Какие теоретические научно-социалистические познания распространяют они через этот орган в среде нашего пролетариата? Да, они ведут «теоретическую борьбу», но против «теорий» в партии, они проповедуют нашему рабочему, но проповедуют «теории» оппортунизма, мелкобуржуазного демократизма. Поэтому они и приложили на тырновском съезде столько усилий, чтобы убедить его, что теоретических споров нельзя допускать! Потому они так недовольны ныне партийным органом «Рабочнически вестник» за то, что он высоко держит теоретическое знамя научного социализма, знамя партии, за то, что он не хочет стать орудием их оппортунизма и мелкобуржуазных утопий, и, наконец, за то, что он распространяет противоядие оппортунизма, — здравые теоретические понятия научного социализма, — среди рабочей массы. Поэтому они недовольны и журналом «Ново време» и социалистической литературной деятельностью тов. Бакалова, и всем, что может помешать распространению оппортунизма в партийной и рабочей среде. Но сила партии — в росте «теоретического смысла», который необходимо все больше распространять среди нашего «пролета-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр. 605. — *Ред.*

риата». Только тогда наша партия делается действительно рабочей социал-демократической партией, мощной и полной энергии.

Теперь обратимся к дебатам на съезде. Здесь проявилась другая сторона тактики наших «широких». Из опыта германских оппортунистов наши «широкие» твердо усвоили важнейшие приемы оппортунистической тактики, так метко охарактеризованной Ауэром в его известном совете, адресованном Бернштейну. Когда последний выступил со своей «ревизией» марксизма, Ауэр написал ему следующее: «Эдуард, ты осел. Это не говорится, а делается!» Эту именно тактику Ауэра твердо запомнили наши оппортунисты; они говорят одно, а делают другое. Коли им говорят, что они мыслят не социалистически, что они отказываются от теории научного социализма и принципов партии, они кричат и даже возмущенно: «Нет! Мы никогда не делали этого! Мы твердо стоим на этих позициях, но вы нас не понимаете, вы переиначиваете наши мысли, приписываете мысли, которые не приходили нам в голову; вы иссушаете Марксово учение и т. п.» А в действительности они делают именно то, в чем их обвиняют. Мы уже видели выше, что они творят, какому господину служат. Они делают именно то, что делают оппортунисты во всех странах (соответственно местным условиям), и к ним может быть применена одна из следующих характеристик Ленина, которую мы встретили на 7 стр. его цитированного уже произведения:

«Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях, сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегали теорией, ведя практически политику радикалов-социалистов, в третьей — несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих целей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым разращением своей партии*, в четвертой — такие же перебежчики употребляют те же приемы в потемках политического рабства и при совершенно

* Курсив Д. Благоева.— Ред.

оригинальном взаимоотношении «легальной» и «нелегальной» деятельности и проч.» *.

К нашим оппортунистам можно применить любую из этих четырех характеристик. Но несомненно, им более всего подходит третья характеристика, выделенная мною курсивом. И действительно, наши «широкие» давно уже дезертировали в лагерь оппортунистов и стремятся достигнуть своих целей, деморализовать партию не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а украдкой, вероломно. При всяком изобличении они спешат скрыться под знаменем социал-демократии, выдавая себя за приверженцев «нового течения» в ней, «широкого» понимания социализма и «свободы критики». Но на такое вероломство справедливо отвечает тов. Ленин следующими словами:

«Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют,— то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов» **.

Когда тырновский съезд, вопреки усилиям «широких» убедить его не заниматься «теориями», решил заниматься прежде всего именно теорией, тогда они, несмотря на откровенно оппортунистическую речь Я. С. при открытии съезда в пользу нашего сотрудничества со всеми дьяволами и вельзевулами буржуазии, несмотря на его заявления на съезде, что у него мелькнуло в уме нечто, чего он еще не может уловить, несмотря на заявление тов. Бозвелиева, что Я. С. «заблуждается», и на заявление тов. Дабева, что Я. С. «пляшет на канате» и т. п., когда, повторяю, вопреки всем этим заявлениям самого Я. С. и разных делегатов, смысл которых заключался всецело в обвинении «широких» в оппортунизме, в мистификации

* В. И. Ленин. Соч., 4 изд., том 5, стр. 332—333.— *Ред.*

** Там же, стр. 327—328.— *Ред.*

партии, съезд составил по речам делегатов необходимос мнение, тогда «широкие», главным образом Я. С. и делегаты Джидров и Пастухов, появились в оппортунистической мантии. Тогда они с пафосом начали свою оппортунистическую игру. Я. С. тогда же заявил, что он никогда не отступал от принципов партии, что он думает так же, как и те, которые обвиняют его в отклонении, и если он еще не объяснился, то причина заключалась в том, что он ударился в амбицию, ибо обвинение в отступничестве наступило столь внезапно. Понятно, он считал необходимым забыть свою декларацию о «широком течении» и о «широкой деятельности» на плевенском съезде, забыть, что у него мелькнуло нечто «новое», забыть о нашем сотрудничестве с буржуазией, т. е. забыть все, высказанное за несколько часов перед этим. Конечно, его декларация о том, что он есть социал-демократ и донныне не помещала ему «исследовать общественно-политическую жизнь» в Болгарии с помощью методов мелкобуржуазного тумана.

«Теоретические дебаты» на тырновском съезде начались с осуждения Я. С. за отклонение от принципов и методов партии. Тов. Еню Марковски, делегат из Шумена, в обстоятельной речи раскрыл отклонения Я. С. Другие делегаты, как, например, тов. В. Коларов²⁸, тоже делегат из Шумена, тов. Ю. Юрданов, делегат из Плевена, тов. Цанев, делегат из Горно-Оряховеца, тов. Сидер Тодоров и другие, поддержали его. Между прочим, они останавливались в своих речах на мыслях, высказанных Я. С. в речи на внеочередной сессии Народного собрания. Наши «широкие» ухватились именно за критику делегатами идей в этой речи Я. С., оставив в стороне все другое в его поведении. Они свели дебаты к вопросу: есть ли отклонения от марксистской теории в утверждении Я. С., что мы не против мелкой частной собственности, и в «конституционной теории», развитой в речи Я. С. на внеочередной сессии XII обыкновенного Народного собрания? Джидров и Пастухов приложили все усилия, чтобы показать, что в этом вопросе мысли Я. С. совпадают с мыслями одного из первых ныне теоретиков научного социализма, а именно Карла Каутского! И особенно это было понятно по вопросу о частной собственности.

У меня нет возможности полностью изложить все, что говорили эти два делегата в защиту Я. С. Мы рассмотрим

их речи подробно, когда будут опубликованы стенограммы. Но все же нельзя не высказать некоторых замечаний относительно «конституционной теории» Я. С. Она недостойна не только социалиста, но и порядочного буржуазного радикала, и лишь такие «широкие социалисты», как Джидров и Пастухов могут рекомендовать ее вниманию социал-демократического съезда. Во-вторых, эти товарищи в своем стремлении представить оппортунизм в нашей партии совсем невинным (когда встал вопрос о резолюции Бебеля на любекском конгрессе, последовавшем за штутгартским, в которой перед Бернштейном была поставлена дилемма: или оставить партию, или отказаться от своего поведения) занялись цитированием и умышленным недоцитированием «Основ социальной демократии» Каутского и резолюции Бебеля на штутгартском конгрессе Германской социал-демократической партии о поведении Бернштейна. Уклонившись от рассмотрения смысла и сущности любекской резолюции, Джидров и Пастухов ухватились за более раннюю резолюцию о поведении Бернштейна в партии. К этому вопросу я вернусь, когда из печати выйдут стенограммы речей. Но если о приемах цитирования названными делегатами резолюций Бебеля на тырновском съезде не следует говорить до выхода стенографических отчетов, то о способе цитирования Каутского по вопросу об отношении марксистов к частной собственности, можно поговорить и сейчас. Это облегчает нам Джидров своей статьей, помещенной во 2-м и 3-м номерах «Общо дело» под названием «Социальная демократия и частная собственность». Она является образцом цитирования Каутского, за спиной которого наши «широкие» хотят скрыть свой оппортунизм. Статья показывает образец оппортунистической тактики: всякий раз, будучи прижаты к стенке, оппортунисты высказываются открыто.

Прежде всего Джидров в своей статье, походя в этом отношении на любого оппортуниста, сразу же, с самого начала сводит весь вопрос к «большому шуму» вокруг него лично. Очевидно, он хочет сказать, что вопрос поднят не в силу его значимости для партии, не для разъяснения его партии, а потому что имеются злонамеренные товарищи, любящие поднимать «большой шум». Это все тот же, уже известный нам прием поведения оппортунистов, их желание преуменьшить значение вопроса. С этой

же целью Джидров изменяет «способ» рассмотрения этого вопроса. Но прежде чем перейти к самому вопросу, сразу же отмечу, что даже «пассаж» из речи тов. Я. С. Джидров воспроизводит не буквально, а передает по-своему, хотя и берет некоторые строки в кавычки. Поэтому прежде, чем идти далее, приведу «отрывок» из речи Я. С. в его первоначальном виде, тем более, что он нам потребуется. Вот этот отрывок, каким мы находим его на 23 стр. стенограммы речи Я. С.:

«Мой товарищ г. Благоев заявил вам, что мы против собственности и этим отличаемся от других партий. Г-н первый министр ответил моему товарищу, что именно потому, что мы против частной собственности, мы входим в противоречие с нашим желанием помогать нынешнему управлению. (Премьер-министр, доктор С. Данев: «По-видимому!»). Хорошо, но это «по-видимому» я потребую устранить совсем! Когда говорим, что мы против частной собственности, это значит, что мы не отрицаем права отдельного человека владеть своим имуществом; мы не отрицаем права иметь свою одежду, свое пропитание, свой дом, иметь свой скот, свою ниву; мы не отрицаем того, что называется личной собственностью; мы против той собственности, которая, пущенная в производство, эксплуатирует чужой труд, труд соседа; мы против той собственности в производстве, когда она эксплуатирует человеческий труд. Но мы не можем быть против той собственности, с помощью которой эксплуатируются силы природы».

Таков весь отрывок из речи Я. С. и он совсем не похож на «отрывок», сочиненный Джидровым. Как видим из приведенного текста, Я. С. говорит определенно, что *«мы не отрицаем права отдельного человека иметь свое имущество»*, и не только *«не отрицаем того, что называется личной собственностью»*, но *не отрицаем частной собственности вообще, не отрицаем частной собственности на землю, на орудия труда и средства производства*. Даже более того: *«мы не можем быть против собственности, с помощью которой эксплуатируются силы природы!»* В сущности, проанализировав мысли Я. С., мы не только не обнаружим в них даже и тени социалистического мышления, но найдем идеи, которые можно услышать лишь от вульгарных мелкобуржуазных демократов. Но пока оставим в стороне этот анализ. Подчеркну только, что демократы думают именно так, как и наш социалист

Я. С. — они только против капиталистической собственности, против частной собственности, которая эксплуатирует чужой труд, но они не против частной собственности, которая, — выразимся словами Я. С., — «эксплуатирует силы природы». Между мыслями Я. С. и демократов нет буквально никакого различия. Так что правы были товарищи на тырновском съезде, увидевшие в вышеприведенном отрывке из речи Я. С. отрицание всякой социалистической мысли и утверждавшие, что партия не может считать такие несоциалистические мысли своими. Правы все те, кто увидит в речи Я. С. оппортунизм, а не социализм. Однако Джидров и Пастухов представили мысли Я. С. как раз мыслями К. Каутского! Из упомянутой статьи Джидрова в «Общо дело» явствует, как они доказали эту нелепость. Как видим, Джидров в своей статье, как он сам и Пастухов на съезде, запутывают вопрос, который заключается в следующем: *является ли конечной целью социальной демократии замена частной собственности на орудия труда и средства производства, в каком бы то виде они ни были, или нет?* Социальная демократия отвечает на этот вопрос без всяких колебаний — да! Ее конечная цель, ее идеал есть уничтожение частной собственности на орудия труда и средства производства во всех их видах. Нет социал-демократа, если только он не представляет собой *какой-либо разновидности оппортуниста*, как говорит Плеханов, который признает частную собственность на орудия труда и средства производства во всех ее видах — мелком, среднем или крупном. Другим является вопрос о методе, с помощью которого социал-демократия совершит переход от частной собственности к общественной, к социалистическому производству. Но для социал-демократа несомненно одно, что конечная цель социал-демократии есть превращение частного владения орудиями труда и средствами производства в общественное владение, без исключений. Каутский нигде и никогда не признавал, что социальная демократия не является противницей частной собственности на орудия труда и средства производства в каком бы то ни было виде. Каутский говорит только о методе перехода мелкой частной собственности в общественную, и ничего подобного тому, что ему приписывают наши оппортунисты. Но чтобы и Каутского показать таким же оппортунистом, как и они сами, они цитируют из его произведений только отдельные мысли, как это

делает Джидров в своей статье. Джидров, например, цитирует из главы «Конфискация собственности» (стр. 148 работы Каутского «Основы социальной демократии») два-три коротеньких отрывка, выхваченных из общей мысли Каутского. Естественно получается, что Каутский думает так же, как Я. С., как Джидров и Пастухов.

Поистине смешно доказывать читателям журнала «Ново время», что Каутский не думает так же, как наши «широкые», но что же делать! Прочитируем всю мысль Каутского, как она высказана в упомянутой главе книги на стр. 149—154 (без подробного ее развития), чтобы читатели убедились, насколько смешны наши оппортунисты в их стремлении укрыться за спиной Каутского.

«Социал-демократическая программа ни слова не говорит о конфискации. Не в силу осторожности, не из страха, как бы не оттолкнуть от себя собственников, а просто потому, что об этом нельзя сказать ничего определенного. Определенно можно сказать, что тенденция экономического развития неизбежно ведет к переходу в общественную собственность и общественное пользование *крупных предприятий* (стр. 149)...

Но зато можно с уверенностью сказать, что экономическое развитие делает необходимой экспроприацию только *части* существующей собственности. Экономическое развитие требует перехода *средств производства* в коллективную собственность. Но это никак не затрагивает частной собственности на предметы *личного потребления* (стр. 150)...

Переход к социалистическому производству (курсив мой) не только не требует экспроприации предметов потребления, но даже не требует экспроприации *средств производства* всех собственников (стр. 150).

Социалистическое производство становится необходимым благодаря *крупному хозяйству*. Коллективное производство требует и коллективной собственности на средства производства. *Но как частная собственность находится в противоречии с коллективным трудом крупного хозяйства, точно так же коллективная или общественная собственность на средства производства находится в противоречии с мелким хозяйством* (курсив мой).

Мелкое хозяйство, как мы видели, требует частной собственности на средства производства. Отменить эту частную собственность в области мелкого хозяйства было

бы тем более бесцельным, что именно социализм стремится сделать работников собственниками необходимых средств производства. В области мелкого хозяйства экспроприация средств производства была бы, следовательно, чем-то совершенно бессмысленным (курсив мой) — средства производства, отнятые у прежних владельцев, снова вернутся к ним.

Итак, переход к социалистическому обществу никак не связан с экспроприацией мелких ремесленников и крестьян. Социалистическое общество не только ничего не отнимет у них, но, напротив, вероятно, принесет им некоторую выгоду, оно, как мы видели, имеет тенденцию заменить товарное производство производством для непосредственного потребления (стр. 151)...

Капиталисты, как мы видели, фактически эксплуатируют крестьян и ремесленников. Социалистическое общество положит конец этой экспроприации.

Экономическое развитие, разумеется, не будет остановлено социализмом. Напротив, только социализм в состоянии сделать возможным дальнейшее экономическое развитие, после того как последнее достигло известного уровня. Как в современном, так и в социалистическом обществе крупное производство будет все больше развиваться и вытеснит мелкое (курсив мой)...

Ныне превращение крестьянина или ремесленника из мелкого производителя в работника крупного производства означает для него превращение из собственника в пролетария. В социалистическом обществе, напротив, крестьянин или ремесленник, перейдя на работу в крупное коллективное производство, начнет пользоваться всеми положительными сторонами этого производства (курсив мой). Его положение значительно улучшится. Его переход от мелкого производства к крупному (курсив мой) в этом случае не может уже сравниваться с превращением собственника в пролетария, и тем более с превращением мелкого собственника в крупного.

Мелкое производство осуждено на неминуемую смерть. Но именно социальная демократия даст всей массе крестьян и ремесленников возможность стать работниками крупного производства, не опускаясь до уровня пролетариата (стр. 152)...

И тогда движущей силой экономического развития уже будет не конкуренция, уничтожающая отсталые пред-

приятия и эксплуатирующая их владельцев, а *притягательная* сила более развитых предприятий и форм производства, действующая на работников отсталых предприятий и форм производства.

Если исчезнет страх самостоятельного хозяина, как бы не опуститься в ряды пролетариата, если будет видна польза крупного общественного производства для всех его участников в самых различных областях, если каждому будет дана возможность пользоваться его преимуществами — *ни один здравомыслящий человек уже не будет стремиться к сохранению устарелых форм производства* (стр. 153. Курсив мой).

...Крупное социалистическое производство достигнет этого за короткое время и к тому же без экспроприации, а только благодаря притягательной силе, свойственной более выгодной форме производства (курсив мой).

Там, где сельское земледельческое хозяйство еще не сделалось товарным производством, а представляет преимущественно производство для собственного потребления, оно, может быть, проживет еще некоторое время в социалистическом обществе. Затем и эти слои населения смогут оценить пользу крупного общественного производства.

Переход от мелкого хозяйства к крупному — в области земледелия будет ускорен и облегчен (курсив мой) благодаря прогрессирующему ослаблению противоположности между городом и деревней, благодаря тенденции к перемещению промышленных предприятий в село — тенденции, которая неизбежно должна проявиться в социалистическом обществе (стр. 154)...

Такова в целом мысль К. Каутского по вопросу об отношении социал-демократии к частной собственности. Как явствует из цитированного (особенно из мест, выделенных курсивом Каутским и мною) он говорит только о *переходе от мелкого хозяйства к крупному социалистическому хозяйству*, только о методе, с помощью которого социальная демократия достигнет окончательно своей конечной цели — превращения всех орудий труда и средств производства из частной собственности в общественную, в социалистическую, замещения *«устарелых форм производства» «социалистическим производством»*. Каутский говорит только то, что социальная демократия заменит мелкое производство социалистическим не путем экспроприации мелкой собственности, не через насилие, а через

притягательную силу социалистического крупного производства. Нигде Каутский не говорит, что социальная демократия не выступает против частной мелкой собственности, или что социальная демократия «не может быть против частной собственности, которая эксплуатирует силы природы», т. е. против мелкого хозяйства. Наоборот, он категорически утверждает: «ни один здравомыслящий человек уже не станет стремиться к сохранению устарелых форм производства», что «мелкое производство осуждено на неминуемую смерть» и что «именно социальная демократия даст всей массе крестьян и ремесленников возможность стать работниками крупного производства, не опускаясь до уровня пролетариата». Каутский говорит, что социальная демократия даст это крестьянам и ремесленникам не экспроприируя их, а самим фактом, что она делает господствующей формой производства и распределения коллективную, социалистическую. «Переход к социалистическому производству не требует экспроприации предметов потребления, он даже не требует экспроприации средств производства всех собственников». Экспроприация необходима только по отношению к частной собственности и частному пользованию крупными предприятиями. Да, Каутский говорит только, что там, где экспроприация частной собственности необходима, она нужна социальной демократии, а там, где не нужна, она бессмысленна, т. е. в одном случае частная собственность будет ликвидирована социальной демократией через экспроприацию, а в другом — отомрет без всякой экспроприации. Такова мысль Каутского. Только так и может говорить социал-демократ. И ясно как белый день, что эта мысль не имеет абсолютно ничего общего с мыслями Я. С.

Я. С. противопоставляет свои идеи следующим моим мыслям, высказанным по поводу ответа на тронную речь, на внеочередной сессии Народного собрания летом сего года:

«Партия или общественная группа, к которой я принадлежу, думает совершенно иначе. Она думает, что было время, когда человечество существовало без частной собственности и что наступает исторический момент, когда человечество сможет жить без частной собственности. Это кредо социалистов, социал-демократов. Социал-демократы отличаются от всех других партий как у нас, так и в других странах именно тем, что считают частную собствен-

ность не вечным институтом. Они считают, что было время и приходит то время, когда собственность была общественной, и снова становится общественной и будет общественной. В этом коренное различие между социалистическим учением и буржуазным, так сказать, учением» (см. «По какому пути?», стр. 4).

Таковы мои мысли, высказанные в Народном собрании. Они, как видим, вполне согласуются с теорией социал-демократии, с мыслями К. Каутского и каждого настоящего социал-демократа. Но эти мои верные мысли испугали нашего оппортуниста Я. С., и он поспешил противопоставить им свои оппортунистические, свои «широкие» мысли. Если я не прервал его репликой в Народном собрании, то причина в том, что там не место для решения подобных принципиальных партийных разногласий. Меня удержало также чувство партийной дисциплины. Но ясно, что все, сказанное Я. С. по вопросу о нашем отношении к частной собственности, может утверждать только оппортунист, мелкобуржуазный ум, самый вульгарный демократ. Однако избалованный на съезде, он, как это делают все «широкие», поспешил укрыться за Каутским, вложив ему в уста мысли, которые тому и не снились. И Каутский, и наше «кредо», т. е. и социалистическое учение, признают, что «частная собственность не вечный институт» и что «приходит то время, когда она станет общественной». Нет, кричат наши оппортунисты, Каутский думает не так! И начинают фальсифицировать его идеи.

Джидров, как это видно из его статьи и из того, что я цитировал из «Основ социальной демократии» Каутского, приводит цитаты лишь нескольких отдельных мест из этой книги и из другого произведения («Аграрная политика социальной демократии»), мест, оторванных от общей мысли Каутского. И это недостойное цитирование чужого текста совершается для того, чтобы сделать из трудов Каутского следующее нелепое заключение о социалистическом обществе:

«Социалистическое общество,— уверяет нас Джидров на стр. 42, №№ 2 и 3 «Общо дело»,— не имеет нужды посягать на частную собственность последнего*: бесцельным будет превращение мелкой мастерской и нивы мелкого крестьянина в общественную собственность, ибо она не

* Речь идет о мелком производителе.

будет играть никакой роли в будущем. Частная собственность есть юридическая категория, имеющая значение при современных порядках, но в будущем она потеряет всякий смысл, потому что фактически не будет оказывать никакого влияния на социальное развитие. Вот почему ныне социальная демократия борется не против всякой частной собственности, а исключительно против капиталистической частной собственности, в которой скрыты все недуги современного общественного строя».

Это фальшивое заключение, сделанное на основе работ Каутского, не имеет абсолютно ничего общего с мыслями Каутского и с задачами социальной демократии. Это самая вульгарная демократическая концепция. Социальная демократия, действительно, не борется «против всякой частной собственности», т. е. не борется против частной собственности «мелкого производителя», ибо нет нужды бороться против нее. Против нее борется другой, более сильный ее враг — экономическое развитие. Защищает ли социальная демократия частную собственность «мелкого производителя»? Нет! И не только не защищает ее, но открыто заявляет, что частная собственность «мелкого производителя» неминуемо отомрет. После этого можно себе представить, какая мелкобуржуазная нелепость содержится в словах Джидрова, наших оппортунистов, когда они говорят, что для социалистического общества было бы бесцельным «превращение мелкой мастерской и нивы мелкого крестьянина в общественную собственность», ибо она «не будет играть никакой роли в будущем»!

Статья моя нечаянно затянулась. Надеюсь, что читатели не упрекнут меня за это. Повторяю, что наступило время сорвать маску с лица наших оппортунистов и без околичностей указать на недостойную игру, которую они ведут в нашей партии и которая явно деморализует ее ряды, ее кадры, и наш пролетариат — источник ее настоящей и будущей силы. Знаю, что и ныне наши «широкие» будут стремиться представить дело «личной ссорой», свести все на «личную почву». И в этом заключается их тактика, направленная на умаление всего, что может поднять идейный уровень членов партии, усилить партийную дисциплину и сплотить ряды партии. Тактика всех «широких» во всем мире вероломна и, как мы видели, наиболее опасна для молодых социалистических партий вроде нашей.

Осудить и всегда резко осуждать эту тактику требуют от нас принципы и будущее партии. Следовательно, от членов партии зависит, останется ли наша партия незапятнанной, единомыслящей и мощной социал-демократической партией или же превратится в жалкую мелкобуржуазную реформаторскую партию, лишенную разума, колеблющуюся, в хвосте которой будет тащиться пролетариат. К этому ведет оппортунизм, столь вероломно протаскиваемый в нашу партию так называемыми широкими. Мы боремся против этого, против оппортунизма в партии. Кто думает, что наша борьба есть плод «личных обид», тот помогает оппортунистам в партии деморализовать ее окончательно. Итак, будем надеяться, что туман, распространенный «широкими» в рядах партии, будет окончательно рассеян, что в партии теоретический разум окончательно возьмет верх и очистит оппортунизм.

Я хотел процитировать кое-что еще по тому же вопросу о нашем отношении к частной собственности — из произведения Каутского «Аграрный вопрос», состоящего из трех частей. Это более новое, чем «Основы», произведение. В нем Каутский более подробно высказывается и по вопросу нашего отношения к «частной личной собственности», особенно о значении в будущем «домашнего очага» и связанных с ним предметов. Но это — в другой раз.

*Журнал «Ново време»,
книга 12, 1902 г.*

*Переведено с болгарского
по тексту книги:
Димитр Благоев. Избранные
произведения в двух томах,
том II, София, 1951, стр. 39—62
Перевел Л. В. Воробьев*

К МАРКСИЗМУ!

РУКОВОДСТВО К ИЗУЧЕНИЮ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ »

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже много лет ко мне обращаются молодые товарищи с письменными и устными просьбами дать им программу для систематического социалистического самообразования. Но при всем моем желании я не смог раньше приступить к составлению такой программы. Мне мешали главным образом два обстоятельства.

Во-первых, социал-демократическая литература на болгарском языке, пригодная для этой цели, до последнего времени была очень бедной. К тому же переводы некоторых, нужных для этой цели книг были не только плохими, но и прямо извращали социалистические идеи. Нужно было подождать переводов других, новых марксистских произведений и новых переводов ранее переведенных книг.

Во-вторых, каждый раз, как только я думал заняться составлением программы, всегда появлялось сомнение, возможно ли достигнуть цели с помощью лишь одной программы. Это сомнение необходимо было преодолеть. А преодолеть его можно было единственно практическим путем.

В прошлом году случай помог мне сделать такую попытку. Один товарищ, студентка И. М., которой я очень обязан за большую помощь в правке корректуры «Капитала», также попросила меня дать ей программу для более систематического изучения марксизма. Я воспользовался этим случаем и предпринял необходимую попытку. Я составил приложенную здесь программу и предложил товарищу И. М. читать по порядку, в соответствии с этой программой. Но оказалось, что только с помощью программы, без руководства, будет трудно достигнуть

цели. Эта попытка дала мне идею написать к программе также и *Руководство*, которое и предлагается читателю.

Одни из глав этого *Руководства* являются заключением, сделанным на основе некоторых книг программы. Но я не следую полностью их содержанию и использовал также примеры, не приведенные в этих книгах. В других главах, главным образом *второго раздела*, я совсем не придерживался структуры содержания книг программы. В них я привожу совсем новые примеры. Я делал это, главным образом, руководствуясь соображением, что бесполезно было бы повторять то, что читатели найдут в самих книгах программы. Моей задачей было — дать в основном руководство, как читателям легче ориентироваться в содержании произведений и какие выводы следует в них искать. Вследствие этого само собой разумеется, что мое *Руководство* не может заменить ни самой программы, ни ее серьезного изучения. никоим образом! Оно только *руководство*, прочитав которое следует самым серьезным образом изучить программу, а после этого перейти к более конкретному и широкому изучению марксизма, применяя его как к объяснению общественно-экономических и политических явлений и событий в нашей стране, так и к объяснению таких же явлений и событий в других странах.

Насколько удачно выполнил я задачу, намеченную при составлении программы и *Руководства*, и насколько смог удовлетворить желание товарищей, определяют они сами. Я буду весьма удовлетворен, если мне удалось помочь им в усвоении марксизма и таким образом стать настоящими социал-демократами и социал-демократками, чтобы приносить пользу великому освободительному делу пролетариата. Самым мощным оружием для достижения победы этого дела является марксистское философское учение.

София, февраль 1911 г.

Д. Благоев

ПРОГРАММА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАРКСИСТСКИМ УЧЕНИЕМ

Раздел I

МАРКСИСТСКАЯ ИДЕЯ ПРОГРЕССА

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии.
2. *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.
3. *А. Богданов.* Краткий курс экономической науки (его историческая часть).
4. *К. Каутский.* Основы социал-демократии (Первая часть комментариев к программе социал-демократии).
5. *К. Каутский.* Экономическое учение Карла Маркса (Первый раздел).

Раздел II

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ МАРКСИЗМА

1. *Ф. Энгельс.* Развитие социализма от утопии к науке.
2. *Ф. Энгельс.* Людвиг Фейербах.
3. *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг.
4. *Гортер.* Исторический материализм.
5. *Ф. Меринг.* Исторический материализм.
6. *Бельтов.* Философское учение Маркса.
7. *Плеханов.* Основные вопросы марксизма.

Раздел III

ОБЪЯСНЕНИЕ ОСНОВ И ДИАЛЕКТИКИ МАРКСИЗМА ПУТЕМ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

1. *Крыжевицкий.* Происхождение и распространение идей.
2. *П. Лафарг.* Экономический детерминизм Маркса.
3. *К. Каутский.* Происхождение морали.
4. *К. Каутский.* Этика и материалистическое понимание истории.
5. *К. Каутский.* В защиту марксизма.
6. *Генри Рол. Гольст.* Мистицизм в современной литературе.
7. *Генри Рол. Гольст.* Ибсен.

8. *Г. Плеханов.* Искусство и критика.
9. *Г. Плеханов.* Новое направление в истории.
10. *К. Шелявин.* Свобода и необходимость.

Раздел IV

ОБЪЯСНЕНИЕ МАРКСИЗМА ПУТЕМ ПРИМЕНЕНИЯ ЕГО К АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. *К. Маркс.* Классовая борьба во Франции.
2. *К. Маркс.* 18-ое брюмера Луи Бонапарта.
3. *Ф. Энгельс.* Революция и контрреволюция в Германии.
4. *К. Маркс.* Гражданская война во Франции.
5. *К. Каутский.* Республика во Франции и социал-демократия.
6. *К. Каутский.* Классовые противоречия во французской революции.

РУКОВОДСТВО К ИЗУЧЕНИЮ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Прогресс — это излюбленное слово буржуазных писателей, философов и ученых. В учебниках, в руководствах по истории и особенно по философии истории для студентов, во введениях к философии и истории человеческого общества — вы везде встретите слово *прогресс*. Постоянно слышишь, как говорят, что какой-то народ добился большого *прогресса*, что человеческое общество на протяжении двух тысяч лет шло по пути *прогресса*. Но что же такое *прогресс*?

Слово *прогресс* есть продукт буржуазной философской мысли. Она прикрывала с помощью этого слова сущность буржуазных отношений, долгое время одурманивала умы недовольных господством буржуазии. Но что же такое прогресс? — в конце концов, этот вопрос не мог не возникнуть.

Само буржуазное общество, современное общество, исполнено величайших противоречий, кровавой борьбы и войн, в которых жестокость и подлость сильных, господствующих классов самым резким образом противоречат

любимой формуле буржуазных писателей о прогрессе человеческого общества. Точно так же и история последнего является историей непрестанной борьбы и истребительных войн, в которых жестокость и подлость сильных, господствующих классов также занимают самое видное место. Но именно, имея это в виду, нельзя было не поставить вопроса: *что же такое прогресс?* Этот вопрос возник, и буржуазные писатели должны были дать ответ на него. Но ответы, даваемые буржуазными писателями, весьма различны. Вследствие этого, сознание людей, желающих выяснить сущность прогресса у буржуазных писателей, застилается густым туманом. И обыкновенно наши молодые товарищи, которые хотят служить освободительному делу пролетариата, но которые прошли через буржуазные учебные заведения, приступают к знакомству с учением пролетарского класса, с *марксизмом*, с буржуазными туманными мыслями о сущности прогресса. Естественно, это является большим препятствием их идейному развитию.

Помочь нашим молодым товарищам, которые думают связать свою жизнь с великим славным освободительным делом пролетариата, избавить их от буржуазного туманного понятия о сущности *прогресса* человеческого общества и, таким образом, обеспечить им более полное усвоение учения, философии этого великого дела — вот главная задача данного «Руководства к изучению марксизма». Поэтому первый его раздел посвящен марксистской идее прогресса.

В соответствии с марксистским учением движущей силой исторического развития является *классовая борьба*, как результат развития производительных сил общества. Буржуазная наука, наоборот, объясняет историческое движение *прогрессом* идей: то есть появляются личности, носители прогрессивных идей, начинают их проповедовать и, наконец, совершают общественный переворот. Однако откуда и как появляются эти *прогрессивные идеи*, почему они появились сегодня, а не сто лет назад, и почему идеи, которые вчера считались прогрессивными, сегодня, наоборот, считаются реакционными? На все эти и подобные им вопросы буржуазная мысль не может дать научного ответа или дает совсем туманные, ненаучные объяснения. Только учение Маркса дает сейчас научный ответ на эти вопросы.

Марксизм не отрицает значения идей в общественной жизни. Напротив, он признает их силу. Однако его задача и его величайшая научная заслуга — объяснить, почему и как в данное время появляются те или иные идеи и когда они могут восторжествовать в жизни. Точно так же марксизм не отрицает и роли личностей в истории. Но и здесь вопрос, требовавший научного ответа, заключался в следующем: почему в данное время появляются данные личности, которые играют важную роль в исторических событиях? Именно марксизм раскрывает научно и этот вопрос, не отрицая роли личностей в истории, тогда как буржуазная наука объясняет его или простой случайностью или лишь личной сильной волей, или же божественной волей, перстом providения.

Второй раздел этого *Руководства* посвящен как раз происхождению идей, или *идеологии*, и причинам исторических событий с точки зрения учения Маркса. Однако читателям *Руководства* следует иметь в виду эти наши замечания главным образом в связи со вторым разделом, ибо там не затрагивается вопрос о значении идей и роли личностей в истории. Впрочем, с вопросами, затронутыми в этом введении, они познакомятся по книгам, указанным в программе.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава первая

МАРКСИСТСКАЯ ИДЕЯ ПРОГРЕССА

(К разделу I программы)

Идея прогресса относится преимущественно к человеческому обществу. Ее сущность может быть кратко выражена так: постоянная смена общественной организации, старый общественный строй вытесняется и заменяется новым.

Всякий данный общественный строй имеет свою особую основу, на которой он зиждется. Это — *экономическая основа*, которая определяется *способом производства*.

Первой общественной организацией является *первобытный коммунистический строй*. Его основу составляло коммунистическое хозяйство, т. е. общее владение

важнейшими средствами производства, как земля, лодки, домашние строения и т. д., и общее потребление продуктов в соответствии с имущественным положением и потребностями общества. Тогдашнее общество представляло собой замкнутое и изолированное от остального мира хозяйство, которое само производило для себя все необходимое. Это хозяйство есть производство для *личного потребления* всего общества, а не для обмена. И именно этот способ производства определял экономическую основу коммунистического общественного строя.

Но коммунистический способ производства в своем дальнейшем развитии переходит в другой, в *товарный* *. Коммунистическое хозяйство постепенно разделяется на различные отрасли, и каждый работник трудится только в известной области. Другими словами, внутри коммунистического общества все больше расширяется разделение труда, которое увеличивает производительность последнего. Вследствие этого коммунистическое хозяйство распадается на отдельные хозяйства, каждое из них производит уже не все потребное для общества, а только некоторые виды продуктов, но в количестве значительно большем, нежели ему необходимо. Таким образом, в нем появляется излишек продуктов, который начинает обмениваться.

Говоря о первобытном коммунистическом обществе, следует иметь в виду, что оно состоит из изолированных коммунистических общин, каждая из которых представляет небольшое замкнутое коммунистическое хозяйство, независимое от других, и производящее для себя все необходимое. Понятно, что в одних коммунистических хозяйствах раньше совершился процесс дифференциации отдельных профессий, а следовательно, раньше развилось разделение труда. Отсюда и большая производительность труда и появление излишка продуктов. В других же коммунистических хозяйствах этот процесс закончился позже. Кроме того, в коммунистических общинах первобытного общества, в которых совершался данный процесс, создавались различные виды излишков продуктов. Именно это

* Здесь и далее терминология Д. Благоева неточна, упрощена. Товарное производство является определяющей особенностью рабовладельческого, феодального, капиталистического способов производства и сохраняется на первом этапе коммунистического общества — при социализме. — *Ред.*

стало причиной развития обмена между различными общинами.

Первое время обмен продуктов был случайным, необычным явлением. Но чем больше углублялось разделение труда внутри коммунистического общества, то есть чем больше росла производительность труда, тем все больше росло количество продуктов. Ввиду этого обмен их становится все более обыденным. Отдельные специальности, дифференцировавшиеся в коммунистическом хозяйстве, постепенно перерастают в отдельные хозяйственные предприятия, которые производят продукты специально для обмена, для продажи, а не для личного потребления.

Но производство для обмена постепенно все больше индивидуализировало отдельные хозяйственные предприятия и привело к окончательному разделению коммунистического общества на самостоятельные, отдельные друг от друга хозяйства. Коммунистический общественный строй распался и уступил место новой общественной организации. Индивидуальное хозяйство основывалось уже на праве частного владения, на частной собственности на средства производства. Здесь продукты из *потребительной стоимости*, из продуктов для потребления всего общества, превращаются в *меновую стоимость*, т. е. в товары.

Другими словами, возник новый способ производства, *товарный*, или *способ товарного производства* — производство товаров. Изменяется экономическая основа общества.

При товарном производстве общество перестало быть замкнутым хозяйством. Оно разделилось на много различных предприятий, каждое из которых производит самостоятельно и владеет орудиями производства по праву частной собственности. Чем больше развивается товарное производство, тем производство для личного потребления все больше оттесняется на последнее место. Каждый производит почти исключительно такие продукты, которые сам не потребляет, а продает, необходимые же покупает. Так что каждый товаропроизводитель работает не для самого себя, а для других, а они работают на него. Каждый товаропроизводитель требует от других того же количества труда, которое он дает им. Это означает, что *меновая стоимость любого товара*, или отношение (пропорция), в котором один товар обменивается на

другой, или *покупательная сила* товара определяется *необходимым для его производства рабочим временем*. Оно является *средним общественно необходимым рабочим временем*, ибо стоимость продукта не определяется особенными качествами отдельного товаропроизводителя, а общими условиями, в которых находится общество.

Сначала мелкое товарное производство дало толчок развитию производительности труда. Работник в качестве самостоятельного товаропроизводителя был лично заинтересован в выработке товара лучшего качества и развивал свои индивидуальные способности, усвершенствуя и орудия труда. Вследствие этого сначала мелкое производство могло удовлетворять нужды рынка, тем более, что последний был ограниченным, очень небольшим (город, район). Но чем больше расширялся рынок, тем больше увеличивался обмен, т. е. *торговля* (вместе с развитием средств сообщения между различными частями общества), тем больше мелкое производство становилось неспособным удовлетворять нужды разросшегося рынка, разросшейся торговли. Вместе с тем с открытием новых путей сообщения росло и количество сырья, которое мелкое производство не могло быстро переработать. При господстве мелкого производства количество орудий труда не имеет большого значения, да и качество их тоже не играет такой большой роли, как личные качества товаропроизводителя — его искусство, умение, ловкость и т. д. Усовершенствование орудий зависит от этих личных качеств товаропроизводителя, которые исчезают вместе с его смертью. И поскольку личные качества были ограничены самим способом производства, они не могли быть всеобъемлющими, следовательно, не были достаточными для удовлетворения нужд развивающегося обмена.

Прежде всего на этой ступени товарного производства между товаропроизводителем и рынком (или потребителями) вклинивается особый *посредник* для удовлетворения нужд обмена. Это — *торговец*. Но он мог сделаться таковым, лишь покупая товары у товаропроизводителей и продавая их потребителям (консуматорам) с барышом в свою пользу. Чем больше расширялся рынок, тем больше делался необходимым торговец и тем больше он использовал свое положение, чтобы эксплуатировать и товаропроизводителей, и потребителей, чтобы накапливать для себя товары и *всеобщий товар* — *деньги*.

С другой стороны, чем больше расширяется торговля и чем меньше мелкое производство может конкурировать на рынке, тем больше мелкие собственники попадают в стесненное положение. Здесь появляется *ростовщик*, который эксплуатирует стесненное положение мелких собственников и путем ростовщичества накапливает товары и деньги для самого себя.

Торговля и ростовщичество дают возможность использовать накопленные товары и деньги таким образом, что их собственники — торговец и ростовщик — получают прибыль. Поэтому деньги или товары, употребляемые для извлечения прибыли, называются *капиталом*, а те, которые владеют ими, называются *капиталистами*. Необходимость в *массовом производстве* товаров для рынка, для торговли могла быть удовлетворена только другим, новым способом производства. Таким новым способом явилось крупное производство. Оно с самого начала было равнозначно *капиталистическому производству*, ибо крупное производство могло быть организовано только теми, кто владел необходимыми для его организации средствами, т. е. *капиталистами*.

Крупное производство становится основой нового общественного строя — *буржуазного*, заменяющего старый, основанный на мелком производстве строй. Мелкое производство в конкурентной борьбе с крупным разрушается, самостоятельные товаропроизводители превращаются в *пролетариев*, рабочих, лишенных средств производства. Одновременно в деревнях крупные землевладельцы захватывают земли и всяческими притеснениями выгоняют крестьян, которые бегут в города. Этот процесс разорения мелких самостоятельных производителей и превращения их в пролетариев создал и другое необходимое условие для крупного производства — работников, свободных от средств производства. Последние (средства производства) концентрируются на крупных предприятиях, в крупных мастерских, на фабриках и т. д. и являются частной собственностью владельцев крупных предприятий. Так появляются два новых класса: *капиталистический и пролетарский*. Первый — собственник средств производства, следовательно, сильный экономически класс становится господствующим, приспособляя общественный строй к своим интересам и стремлениям. Но этот процесс после внедрения машины в крупное производство (когда оно

превращается в *крупную капиталистическую машинную индустрию*) приводит к коренному изменению старого общественного строя. Исторической задачей капиталистического способа производства становится окончательная ликвидация всех старых способов производства. Капиталистический способ производства во всех культурных странах занимает господствующее положение и окончательно оттесняет производство для личного потребления на задний план. Общество полностью подчиняется его законам; государство, возникшее вместе с появлением товарного производства, частной собственности на средства производства, становится общественной организацией, находящейся в руках капиталистического класса и управляемой его партиями.

Но и капиталистический общественный строй вступил уже на путь замены его другим. Капиталистическое производство имеет свойство расширяться и значительно больше, чем расширяется рынок. Благодаря машинам, которые непрерывно совершенствуются, производительность труда достигает таких размеров, что частная собственность на средства производства становится уже препятствием для дальнейшего роста производительности труда. Постоянное и возрастающее до громадных размеров расширение крупного производства переполняет рынок товарами, что через определенные, периодически повторяющиеся промежутки времени приводит к перерывам в производстве, вносит хаос в жизнь всего общества, причем значительная часть рабочих оказывается выброшенной на улицу. Это *торгово-индустриальные кризисы*, которые вместе с развитием капиталистического производства становятся все более опустошительными для общества. Они приводят к массовому разорению мелких и средних товаропроизводителей, а также множества капиталистов, кроме некоторых, находящихся в наиболее благоприятных условиях.

Само собой разумеется, что наибольшие страдания капиталистический способ производства и его последствия приносят рабочему классу. Рабочий класс становится все более многочисленным и при капитализме не может быть поглощен полностью производством. Вне производства образуется многочисленная армия, называемая *резервной армией труда*, всегда готовая участвовать в производстве за сокращенную зарплату и при увеличенном рабочем

дне. Таким образом, капиталисты уменьшают зарплату и увеличивают рабочее время. Положение рабочего класса все ухудшается. Выход из этого положения, создаваемого капиталистическим способом производства для всего общества и особенно для рабочего класса, заключается в *ликвидации его главной причины — частной собственности на средства производства — и превращение последних в общественную собственность.*

Само экономическое развитие создает условия для этого коренного общественного переворота, для *социальной революции.* С одной стороны, оно концентрирует средства производства в руках все меньшего числа людей, в руках кучки наиболее крупных капиталистов и землевладельцев; создаются частные капиталистические монополии на средства производства нескольких капиталистов, которые лишь получают прибыли и без которых производство может обходиться. С другой стороны, это же экономическое развитие создает государственные монополии: государство все более становится крупным капиталистическим хозяйством; самые крупные капиталистические предприятия, как, например, железные дороги, почта и телеграф, рудники и т. д., превращаются в государственные предприятия, в государственную монополию. Но и тот и другой виды монополии усугубляют тяжелое положение общества, делают его еще более ненадежным. Недовольство охватывает не только рабочих производителей, но и широкие массы потребителей. В то же время монополии со всей ясностью показывают бесполезность класса капиталистов для производства, необходимость ликвидации частной собственности на средства производства и неизбежность их превращения в общественную собственность для использования всем обществом.

Это и будет новой основой нового общественного строя.

Самым заинтересованным в этом перевороте является рабочий, пролетарский класс, как класс, больше других страдающий от тяжких последствий капиталистического производства. Только он может совершить социалистическую революцию. Но чтобы совершить ее, ему следует оформиться в общественный класс и бороться против господствующего класса за овладение политической властью, которую необходимо вырвать из рук капиталистов. Ныне пролетариат становится именно таким классом, классом — освободителем, следовательно, единственным *революцион-*

ным классом в современном обществе*. Его усилия направлены теперь к овладению политической властью и к созданию всех условий, которые помогут ему взять политическую власть в свои руки как средство замены старой общественной организации новой, основанной на общем владении средствами производства для общей пользы всего общества.

Такова марксистская идея того, что называют *прогрессом*, или, иначе говоря, *общественным развитием*, *развитием человеческого общества*, или *социальным развитием*.

Эта идея составляет сущность *марксистского социализма*. Так что марксистский социализм есть *наука* об общественном развитии. В то же время он является научным или теоретическим выражением *пролетарского движения*, ибо он научно объясняет причины появления класса пролетариата, его положение в капиталистическом (буржуазном) обществе, его значение в производстве, его историческую задачу и неизбежность революции, которую он должен совершить. Поэтому марксистский социализм называется *научным социализмом*, *рабочим* или *пролетарским социализмом* и *освободительным* или *революционным социализмом*. В нем заключается философия рабочего класса. И чем более пролетариат проникается социализмом, тем более он становится общественным классом, классом — освободителем, следовательно, *революционным классом*, способным совершить общественную, социальную революцию, условия для которой готовит и подготовит экономическое развитие, способным выполнить свою историческую миссию.

Глава вторая

КАК СОВЕРШАЕТСЯ ПРОГРЕСС ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ?

Данный общественный строй, т. е. политическая, юридическая (правовая), религиозная и просветительская организация общества, устанавливается не сам собой, а людьми. После распада первобытного коммунистического

* Как тесняк, Д. Благоев ошибочно считал, что крестьянство может быть революционным лишь постольку, поскольку оно лишается всех средств производства и переходит в ряды сельского пролетариата. В это время Благоев еще не воспринял идеи союза пролетариата с крестьянством в период социалистической революции и в период перехода от капитализма к социализму, как сущности диктатуры пролетариата. — *Ред.*

общественного строя, следовательно, с появлением частной собственности на средства производства общество разделяется на *классы*, на имущих и неимущих, на господ и подчиненных. Поэтому каждый экономический базис или каждый новый способ производства порождает и новый класс, который является его носителем и представителем нового общественного строя.

Так, например, в *античном обществе* (в древней Греции и Риме) появились класс землевладельцев (эвпатридов, патрициев) и класс земледельцев и ремесленников (геомории и демиурги, плебеи). Так как земля представляла собой важнейшее средство производства и уже стала частной собственностью, она в силу самого экономического развития все более концентрируется в руках крупных землевладельцев; класс мелких земледельцев все больше утрачивал эти средства производства и большая часть его постепенно превращается в рабов, класс рабов увеличивается. Но вместе с развитием городов античного общества, вместе с развитием внутри них ремесленного производства и торговли образуется новый класс зажиточных ремесленников, осуществляющих производство, основанное на рабском труде, и класс зажиточных торговцев. Другими словами, возникает городской средний ремесленно-торговый класс, предшественник будущего *класса буржуазии*.

Сначала класс землевладельцев, как владелец средств производства, является господствующим классом. Он приспособляет общественно-политический строй к своим интересам. Политическая и общественная власть сосредоточивается в *совете старейшин*, в руках *сената*. Класс земледельцев и ремесленников все больше теряет средства производства и попадает в зависимость от класса землевладельцев. Между ними начинается борьба не на жизнь, а на смерть. Эта борьба везде, где из среды класса ремесленников не выделяется среднесостоятельный ремесленно-торговый класс, завершилась полным господством класса землевладельцев. Но там, где городские ремесла и торговля достигают расцвета и где образуется более зажиточный ремесленно-торговый класс, там во главе борьбы земледельцев с землевладельцами становится этот новый класс.

Борьба классов или *классовая борьба* составляет историю античного общества, т. е. историю древней Греции и

Рима. Другими словами, все политические и общественные события, все изменения, вся идейная, философская, литературная борьба, которые имеют место в античном обществе, определялись классовой борьбой *.

Или же — движущей силой общественного развития, исторического движения в античном обществе является классовая борьба. За исключением единственного приблизительно 70-летнего периода, когда в древней Греции господствовал ремесленно-торговый класс, классовая борьба в античном обществе заканчивалась победой класса землевладельцев. Однако она завершилась уничтожением рабства и превращением крестьянства и ремесленников в *крепостных*. Ликвидация рабства привела к тому, что городское ремесло, основанное на рабском труде, превращается в ремесло, основанное на личном труде. Класс землевладельцев после падения Римской империи (когда *началось средневековье*) организуется на феодальных началах. Римская империя распалась на отдельные области, провинции, каждой из которых владел один землевладелец, причем все землевладельцы были связаны между собой известными взаимными обязательствами по защите общих интересов своего класса.

Класс земледельцев и ремесленников должен был работать и предоставлять классу землевладельцев, *феодальному классу* все ему необходимое бесплатно, выполнять *ангарию* **.

Феодальный класс тяжело угнетал подчиненный ему класс, особенно крепостных. Естественно поэтому, что классовая борьба, начавшаяся в античном обществе, продолжается в средневековом обществе. На всем протяжении средних веков крепостное крестьянство часто поднималось на восстания против феодалов. Эта борьба между двумя классами используется ремесленно-торговым классом против феодалов за свое освобождение от ангарии и за самоуправление. Таким образом, города становятся самосто-

* Д. Благоев ошибочно рассматривает землевладельцев, с одной стороны, и ремесленно-торговые слои античного общества, с другой, как самостоятельные общественные классы. Из дальнейшего изложения следует, что это были лишь экономические и политически группировки внутри единого класса рабовладельцев. Основой классовой борьбы античного общества являлась не борьба между двумя группировками господствующего класса, а борьба между рабами и рабовладельцами. — *Ред.*

** *Ангария* (болг.) — бесплатная работа. — *Ред.*

ятельными центрами, куда бегут крестьяне, пополнявшие их население и, следовательно, способствовавшие расширению городского рынка.

Это дает толчок развитию торговли и превращению цехового, ремесленного производства в *мануфактурное*, в крупное производство. Поднимается новый класс, буржуазия — носительница нового способа производства, которая то сама, то в союзе с королевской властью, с монархией борется против феодального класса за свое освобождение и господство. Так что и в средние века двигателем прогресса, исторического движения является опять-таки классовая борьба. Сначала благодаря ей от феодальной власти освобождаются и становятся самостоятельными центрами города, благодаря ей расширялся городской рынок и росло крупное производство.

Но настоящий подъем буржуазии начинается с открытием Америки и морского пути вокруг Африки. Открытие ост-индийских и китайских рынков, переселение, т. е. основание колоний в Америке, торговля с колониями, расширение средств обмена и вообще товаров — все это дало неслыханный дотоле толчок торговле, мореплаванию, индустрии, приблизило революцию, произведенную в промышленном производстве паром и машинами, сделало буржуазию могущественнейшим классом, оттеснившим на задний план все классы, оставшиеся от средних веков. Наконец, в период новой истории, где раньше, где позже она путем классовой борьбы овладевает политической властью, становится господствующим классом. Теперь государственная власть является просто комитетом, управляющим общими делами класса буржуазии. Современная конституционная монархия есть типичное выражение политического господства буржуазии.

Из вышесказанного явствует, что и в период новой истории движущей силой исторического развития опять является классовая борьба. Как мы увидим далее, двигателем истории и в период новейшей истории также является классовая борьба.

Итак, за исключением первобытного общества, *вся история человеческого общества есть не что иное, как история классовой борьбы*. Классовая борьба определяет историческое движение; классовая борьба толкает вперед человеческое общество; путем классовой борьбы совершается прогресс.

По сравнению с другими классами, боровшимися в истории, буржуазия сыграла самую революционную роль. Все человеческое общество она переделала по своему образу и подобию. С помощью крупного индустриального производства она ликвидировала разрозненность и раздробленность средств производства, недвижимой собственности и населения. Она централизовала средства производства и сконцентрировала собственность. Вместе с этим и как следствие этого она создала свой политический порядок, основанный на *политической централизации*. В средние века раздробленности средств производства (при мелком производстве) соответствовала политическая раздробленность, *политическая децентрализация* феодального порядка: независимость провинций, иногда связанных между собой договорами, каждая со своими различными интересами, законами, управлением и пошлинами. Буржуазия заменила этот средневековый политический порядок своим, централизованным: она объединила отдельные, независимые провинции в единую *нацию* с единым правительством, общими законами, общими национальными классовыми интересами, с единой таможенной политикой.

Везде, где буржуазный способ производства, т. е. способ крупнокапиталистического производства, становится господствующим, а вместе с ним добивается господства и буржуазия, она повсюду разрушает все старые патриархальные отношения, все старые связи между людьми, уничтожает все устарелые понятия, взгляды, чувства и заменяет их своими.

В средние века господствовала идея божественного авторитета власти феодала в его владениях, мелкого буржуа или цехового мастера в семье и мастерской. Поэтому в средние века господствовали всеобщая набожная мечтательность, рыцарское воодушевление во имя бога и святых защищать слабых, особенно женщину, господствовало преклонение перед ее красотой, в которой видели воплощение божественности. Мелкая буржуазия из среды самостоятельных мастеров была проникнута сентиментальностью, отличалась известными личными достоинствами как и феодальные рыцари. Так эксплуатация крепостной крестьянской массы феодалами, подмастерьев и учеников цеховыми мастерами прикрывалась религиозными и политическими иллюзиями.

В средние века на лекаря, юриста, священника, поэта, ученого смотрели как на одаренных божественным даром, как на сверхлюдей и относились к ним с благоговейным почтением. Брак рассматривали как таинство, и семейные отношения овеивались особенной сентиментальностью. Образование, учение, наука в средние века заключались в изучении и разрешении различных религиозных догм (правил) и вопросов, в сухих схоластических препирательствах. Это *идеологическое состояние* в средние века полностью отвечало средневековому способу товарного производства. Ограниченности средневекового экономического базиса соответствуют ограниченность и застой во всем.

Буржуазия снесла все это средневековое здание. На место божественного авторитета власти или «божественного права» она выдвигает авторитет *разума* или «естественного права» человека; на место набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и цеховой (мелкобуржуазной) сентиментальности она выдвигает голый чистоган; личное достоинство человека она превращает в *разменную монету*, а на место отобранных у феодального класса прав и свобод она выдвигает право буржуазной собственности, «свободы труда», свободы торговли, свободы конкуренции; с сентиментально-цеховых семейных отношений буржуазия содрала средневековые покровы и, сделав из брака предмет купли-продажи, превратила эти отношения в денежные, что привело к общности законных жен в буржуазной среде и к проституции. Вообще буржуазия преобразила все прежние отношения, учреждения, взгляды, понятия, идеи и чувства.

Из всего сказанного вытекает следующее.

Первое. На экономической основе данной исторической эпохи воздвигаются соответствующие *надстройки*: политическая, юридическая (правовая), духовная или идеологическая. Эти *надстройки* вместе составляют *общественную организацию* или *порядок, строй общества* в данную эпоху. Другими словами, порядок или строй общества, его *материальная и духовная или идейная жизнь*, определяются его *экономической основой* или *экономической организацией*, которая в свою очередь определяется способом производства.

Второе. Условия для новой экономической основы развиваются внутри старой общественной организации, в ее недрах. Так, например, открытие Америки и морского

пути вокруг Африки увеличило количество сырья, которое везли из Америки в Европу, увеличило средства производства и сообщения, расширило сферу торговли. Все это дало большой толчок развитию индустрии. Но на известной ступени этого развития старая общественная, средневековая организация уже мешает ей. Новые средства производства и обмена не могут уже развиваться дальше в рамках средневекового способа производства. И он сам, и основывающиеся на нем политические и юридические отношения или имущественные отношения пришли в противоречие с развитием. Дальнейшее общественное развитие становится возможным лишь при условии разрешения этого противоречия. И оно разрешается через классовую борьбу буржуазии. Теперь то же самое происходит и в буржуазном обществе.

Как мы уже видели из первой главы, капиталистическое производство имеет свойство расширяться в значительно больших размерах, нежели рынок. Оно развивает производительные силы, средства производства и сообщения до неслыханных дотоле, колоссальных размеров. Буржуазия охватывает весь мир, проникает в самые далекие его уголки и везде разносит и навязывает свою *цивилизацию*, т. е. свои отношения, интересы, законы, взгляды, идеи. Но капиталистическое развитие одновременно создает огромные противоречия, которые мешают дальнейшему социальному, общественному развитию. С одной стороны, *сверхпроизводство*, переполнение рынков товарами, приводит к *индустриальным кризисам*, которые не только останавливают производство и ввергают все общество в пучину потрясений и страданий, но и уничтожают существующие производительные силы общества. С другой стороны, производство является уже коллективным, общественным, капитал пускается в дело совместной деятельностью множества членов общества. Но капитал (средства производства и сообщения) есть частная личная собственность отдельного капиталиста, а продукты этого общественного производства присваиваются лично капиталистом, не принимающим участия в производстве, в то время как огромное большинство людей, создающих ныне колоссальные богатства, прозябает в нищете. Таким образом, буржуазный общественный порядок, буржуазные политические и имущественные (или юридические) отношения являются уже препятствием для дальнейшего развития общества. Они приходят в полное противоречие с накопленными уже про-

изводительными силами, с развившимися в недрах общества средствами производства и сообщения.

Разрешить это противоречие возможно только путем ликвидации частной собственности на средства производства и сообщения, путем превращения их в общественную собственность. К этой цели направлена теперь классовая борьба пролетариата. Уже с момента своего появления пролетариат вступил в борьбу с буржуазией. Сначала эта борьба велась вразброд, изолированно, с отдельными представителями господствующего класса. Но с развитием капитализма и с появлением современных средств сообщения, с проникновением буржуазии во все страны мира борьба пролетариата быстро превращается в общеклассовую борьбу: из частной, изолированной, разобщенной, направленной лишь против эксплуатации и угнетения со стороны отдельных капиталистов, она становится *классовой борьбой*, направленной против господства класса буржуазии, на ликвидацию этого господства, т. е. на изъятие политической власти из рук буржуазии. Поэтому *классовая борьба есть политическая борьба*. Она ведется политической организацией класса, в данном случае *социал-демократическими партиями* всех стран, а во всемирном масштабе *коммунистической партией* (как ее называли в XIX веке), *Интернационалом*, *Международными социалистическими конгрессами* и *Международным социалистическим бюро*.

Итак, буржуазный способ производства создает в недрах буржуазного общества условия для замены его новой общественной организацией, новым обществом, порождая и класс своего могильщика и носителя нового способа производства, *общественного*, т. е. *социалистического* способа производства. Этот класс — пролетариат. Его классовая борьба со всей неизбежностью толкает человеческое общество к *социальной революции*, к новой общественной организации — *социалистической*.

Но в чем причина постоянного изменения экономического базиса общества? Какие силы изменяют экономическую организацию общества, являющуюся основой всей его жизни?

Ответ на этот вопрос дополнит и еще глубже разъяснит социалистическую марксистскую идею прогресса, общественного развития, вскроет его сущность и его пружины или движущие силы.

ПРИЧИНА ИЗМЕНЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАЗИСА ОБЩЕСТВА

В первой главе говорилось, что экономический базис общества меняется от одной эпохи к другой. Причина этого лежит в развитии *производительных сил* общества.

Под *производительными силами* понимается *труд* и все, что увеличивает его производительность: орудия труда (инструменты, машины, с помощью которых работают), материалы (к которым прилагается труд), средства сообщения и т. д. *.

Состояние или *степень развития* производительных сил общества определяет его экономический базис. Когда производительность труда возрастает настолько, что экономический базис, в рамках которого она развивается, не может уже вмещать ее, делается препятствием для ее дальнейшего развития, экономический базис распадается, уступает место другому.

Так, например, экономический базис первобытного коммунистического общества расширился, как только производительность труда выросла до такой степени, что стали накапливаться излишки продуктов. Это привело к их обмену и к установлению частной собственности на средства производства. Пока производительность труда не достигла такой степени развития, экономический базис коммунистического общества продолжал существовать. Но именно в рамках этого базиса развивались его производительные силы. Изобретение лука и стрел, увеличившее производительность охотничьего труда; производство орудий труда из камня (молотков, лопат, топоров); возникновение ткачества (плетение из лыка одежды и домашних вещей) и связанного с ним гончарного искусства; строительство лодок (плотов) и отсюда развитие средств сообщения; строительство хижин и домов из дерева и глины — все это развитие производительных сил совершалось в рамках

* Это неточно. Производительными силами общества называются орудия труда и люди, которые используют их, благодаря своему умению, своим производственным навыкам. Процесс труда, конечно, невозможен без сырья, без предмета, к которому прилагается труд, без источников энергии и средств сообщения, включаемых вместе с орудиями труда в широкое понятие средств производства. — *Ред.*

коммунистического экономического базиса. В тех же рамках идет и дальнейшее развитие производительных сил вплоть до возникновения земледелия и скотоводства, связанных с открытием плавки железа. Так развитие производительных сил первобытного коммунистического общества достигает той степени, когда появляется первое *общественное разделение труда* (разделение производства на отрасли или отдельные ремесла). Производство разделяется на две общественных отрасли: *земледелие и скотоводство*, в связи с которыми и в которых, преимущественно в первой, развивается далее и другая отрасль — *ремесло, индустрия*. Это *общественное разделение труда* привело к созданию излишков продуктов и к возникновению их обмена. С другой стороны, *общественное разделение труда* еще больше увеличило производительность труда, что привело в свою очередь к дальнейшему накоплению излишков продуктов и увеличению их обмена. Так совершились разложение экономического базиса коммунистического общества и его замена обществом с *товарным производством*.

Сначала новый экономический базис общества дал новый толчок развитию производительных сил.

В античном обществе, в древней Греции и Риме, развитие орудий труда и искусство обработки материалов, ремесло сначала достигают сравнительно высокой степени расцвета. Развиваются и средства сообщения, мореплавание, расширяется обмен, торговля. Товарное производство укрепляется. Но развитие товарного производства привело, с одной стороны, к концентрации земель и разорению мелких земледельцев, а с другой стороны, — к известной концентрации ремесла, развивавшегося в городах и отделившегося от земледелия, и к разорению, вследствие конкуренции, слабых ремесленников. Разорение товаропроизводителей в античном обществе привело к организации производства на основе рабского труда.

Хотя в античном обществе, в древней Греции и Риме, производство и было сконцентрировано в крупных хозяйствах и ремесленных мастерских, собравших воедино производительные силы, но его организация на основе рабского труда являлась препятствием для дальнейшего развития производительных сил общества, что и привело к гибели Греции, а затем и Рима, и к изменению экономического базиса общества.

В Риме, который покорил Грецию, господствовал класс землевладельцев. Постоянными войнами он расширил римское государство до огромнейших размеров. Но постоянные войны мешали развитию производительных сил: ремесла не могли развиваться, ремесленники разорялись и становились *пролетариями*, которые не находили приложения своему труду и из-за этого превращались в *люмпен-пролетариат*. По той же причине рабы в городах освобождались и увеличивали ряды пролетариев. Земля в древней Италии (Риме) концентрировалась в огромных земельных владениях — *латифундиях*. Но именно поэтому рабский труд, на котором они были основаны, оказался совсем невыгодным для крупных землевладельцев, он не приносил доходов, необходимых для их распущенной жизни. Ввиду этого одни из землевладельцев превратили свои *латифундии* в пастбища и луга для откорма скота, причем большое количество рабов стало излишним; а другие разделили латифундии на участки, которые отдавали освобожденным уже рабам и своим рабам в наем, в *аренду*. Таким образом, и в земледелии рабство пало еще до появления христианства.

Сначала освобожденные рабы (в земледелии) были свободными и полусвободными — *колонами*. Но к моменту краха Римской империи они насильственно прикрепляются к земле; они должны были бесплатно обрабатывать землю для землевладельцев и без их позволения не могли оставлять ее. Таким образом к моменту упадка античного общества рабовладельческий экономический базис разлагается и заменяется *крепостническим*. Возникает средневековое общество.

В средние века решающее влияние на производство оказывает развитие производительных сил в ремесле, основанном на свободном труде товаропроизводителей и развивающемся в городах. Растет производительность труда, совершенствуются орудия труда, происходит техническое разделение труда по ремеслам, появляются новые ремесла и новые ремесленные искусства. Но ремесленное производство есть мелкотоварное производство. С ростом производительных сил расширяется обмен, торговля. Одновременно усиливается конкуренция товаропроизводителей, в результате которой одни поднимались, а другие разорялись. Поэтому класс ремесленников, чтобы уменьшить конкуренцию между товаропроизводителями, дал произ-

водству *цеховую организацию*. Собрания и уставы эснафов (или цехов) регламентировали, какие товары и в каком количестве может произвести каждый мастер, по какой цене может он их продавать, сколько должен платить за труд подмастерьям и ученикам, сколько подмастерьев и учеников может мастер держать и т. д. Этот цеховой строй ремесленного производства сначала не препятствовал развитию производительных сил; но позже он становится серьезным тормозом дальнейшему развитию, как и крепостная зависимость крестьянской массы тормозила развитие производительности земледельческого труда.

Но как бы ни ограждало себя мелкое ремесленное производство, оно не могло приостановить развития производительных сил. Открытие Америки и морского пути вокруг Африки дало новые рынки, расширило коммуникации, предоставило новые материалы производству, увеличило торговлю; все это не могло развиваться дальше в рамках средневекового крепостнически-цехового экономического базиса. Он был разрушен и на его месте появилось крупное мануфактурное производство. Совершается *новое общественное разделение труда*: от ремесла отделилось крупное производство, которое может развиваться, объединяя большое количество рабочей силы и концентрируя орудия труда в одном месте. А это становится возможным с уничтожением цеховой организации и крепостничества. Чем дальше прогрессировало крупное производство, тем больше оно разрушало цеховую организацию и крепостное состояние крестьян. Таким образом возник наемный труд свободных работников, пролетариев, рабочая сила которых так же как и орудия труда были сконцентрированы на фабриках, в крупном производстве.

Вместо раздробленных в мелком производстве рабочей силы и орудий возникла *кооперация* или сотрудничество. Это дало новый сильный толчок росту производительности труда. Внутри мануфактур, на фабриках происходит техническое разделение труда (обработка отдельной части товара одним работником), что тоже сильно способствовало росту производительности труда. Очевидно, что при таком ее росте мелкое ремесленное производство не может выдержать конкуренции крупного и уничтожается. Вместе с ним ликвидируется его цеховая организация, и мелкое товарное производство исчезает с разрушением

экономического базиса средневекового общества. Его место занял капиталистический или буржуазный базис, основанный на наемном труде.

Впрочем, окончательное вытеснение старого экономического базиса произошло тогда, когда в производстве были применены пар и машины — новые производительные силы, возникшие именно благодаря крупному товарному производству и связанному с ним развитию торговли, мореплавания и вообще средств сообщения.

Но наступило время, когда и капиталистический экономический базис подлежит замене. Производительные силы капиталистического общества достигают ныне такой колоссальной степени развития, какой человечество не достигло за все эпохи, вместе взятые. В недрах капиталистического общества возникли охватывающие весь мир средства связи (железные дороги, телеграф, телефон, печать и т. д.), развились новые производительные силы. В производстве нашли применение новые природные силы: электричество, паровые и электрические моторы. Металлургия сделала возможным создание колоссальных паровых и электрических машин, гигантских мостов. В производство вторглись техника и химия. Торговля сделалась всемирной, и вследствие этого производство товаров выросло до колоссальных размеров. Вообще, производительные силы общества достигли сейчас таких громадных размеров, что не могут уже уместиться в его рамках, не могут уже развиваться дальше и поэтому все чаще встают против экономического базиса.

Торгово-промышленные кризисы, которые происходят все чаще, являются как раз выражением возмущения производительных сил, выходящих из рамок капиталистического экономического базиса. Наступает момент его замены новым экономическим базисом, условия для которого созданы капиталистическим производством, а именно *социалистическим* базисом. Каким образом и кто совершит эту революцию в современном обществе, мы видели во второй главе.

Итак, из всего сказанного в этой главе вытекает, что причина изменения экономического базиса общества заключается в развитии его производительных сил. Когда производительные силы достигают известной степени развития, они уже не могут идти дальше в рамках старого экономического строя, они создают новый. Состояние или

степень развития производительных сил определяет экономический базис общества. Если они изменяются, изменяется и экономический базис общества, а вслед за ним изменяются и надстройки — политические, правовые (или имущественные), религиозные, просветительские или идеологические, философские, идейные и т. д. Но из сказанного в трех главах следует и другое.

А именно: *экономическим базисом, экономической организацией* или, иначе говоря, *экономической структурой* общества называется совокупность связей или отношений, в которые люди вступают в процессе производства независимо от своей воли. Эти отношения в свою очередь называются *отношениями производства* или *производственными отношениями*. Выйдя из первой ступени дикости, люди всегда живут в обществе себе подобных, т. е. всегда находятся в известных *необходимых* для производства средств к жизни отношениях. Эти отношения не зависят от воли людей. Они определяются развитием производительных сил, потому что это происходит независимо от воли людей, по необходимости — они не сознают значения этого развития и его последствий. Так, например, в первобытном обществе люди соединяются для совместной защиты и изыскания средств существования. Это наталкивает их на различные открытия и изобретения, которые вносят в общественную жизнь ряд изменений, неожиданных и нежелательных, что позже приводит к возникновению частной собственности на средства производства и к распаду *экономической структуры* первобытного общества, а вместе с ним и к разрушению всего коммунистического здания, которое заменяется классовым обществом с его классовыми отношениями, с отношениями господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых. То же самое мы видим и в античном, и в средневековом, и в современном обществе.

Но если *производственные отношения*, совокупность которых составляет *экономическую структуру* общества, создаются помимо воли, помимо сознания людей, тогда несомненно, что *сознание* или *мышление* людей определяется производственными отношениями или их совокупностью, или экономической структурой общества и ее надстройками. Впрочем, об этом будем говорить далее. Здесь же отметим следующее. Все изложенное в этих трех главах, вместе взятое, называется *материалистическим объ-*

яснением или пониманием прогресса или общественного развития, или, короче говоря, истории. Это и есть марксистское или социалистическое понимание прогресса, истории. Остается рассмотреть *метод* этого учения. Это будет сделано в следующей главе, в соответствии со вторым разделом программы, с которой мы начнем изучение философских основ марксизма.

Глава четвертая

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ МАРКСИЗМА. ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД (К разделу II программы)

Вне природы и человека нет абсолютно ничего другого. Но природа, а следовательно, и человек не представляют собой ничего, кроме материи. Человек состоит только из материи — из костей, мускулов, нервов — но из материи высшей организации. Благодаря этому, человек может воспринимать из внешнего мира не только впечатления, но может и *сознавать, мыслить*.

Понятия человека или его *идеи* являются не чем иным, как отражением предметов или явлений внешнего мира в голове, в мозгу человека. Они являются *мысленными образами* вещей, отраженных в голове человека. Пока в голове у человека нет *отпечатка, впечатления* от какой-либо вещи, он не может иметь понятия или идеи об этой вещи. Из этого следует, что человек не может сознавать, мыслить о чем-либо, что не прошло через его голову, не отразилось в его мозгу. Мышление, следовательно, определяется внешним миром, из которого человек получает впечатления. Понятие или идея движения, его законов, времени и пространства, в которых оно совершается, суть простые отражения в голове человека движения предметов в объективной действительности, которое происходит во времени и пространстве. Так что законы движения, которые на первый взгляд кажутся продиктованными человеческим рассудком внешнему миру, природе, в сущности суть законы движения внешнего мира, отразившиеся в голове, в мозгу человека.

Внешний мир иначе называется *бытием*. Следовательно, природа и человек, как часть ее, суть *бытие*. И потому вышесказанное может быть выражено так: *бытие определяет сознание*.

Но под *внешним миром* понимается не только природа, но и человеческое общество. Последнее, так сказать, является продолжением природы. Как только люди вышли из животного состояния, из состояния дикости, они всегда живут в обществе, т. е. входят в связи, во взаимные отношения, в *производственные отношения*. Поэтому, коротко говоря, природа, вещи и явления, которые ее составляют, проходят в голову человека через человеческое общество. Поэтому, говоря о бытии, мы подразумеваем, главным образом, *общественное бытие*. А общественное бытие, как мы видели в предшествующих главах, определяется экономическим базисом, *экономической структурой* общества, или другими словами, его способом производства.

Следовательно, каждой данной экономической структуре общества отвечает соответствующее сознание, соответствующее мышление его членов. Другими словами, общественное бытие или просто бытие определяет сознание.

Здесь под сознанием понимается совокупность понятий, взглядов, идей и чувств, которые вырастают на экономической основе общества, в головах людей, как мыслительные образы бытия. Совокупность политических, юридических, религиозных, моральных, вообще философских взглядов, идей, господствующих в обществе в данную эпоху, составляет его идеологию. Чувства, желания, стремления, настроения, которые возникают на данной экономической основе общества, составляют его *психологию* или общественную психику. Итак, *бытие определяет сознание, определяет идеологию и психологию, господствующие в обществе*. Поясним это некоторыми примерами.

Бытие первобытного коммунистического общества отличается слабым развитием производительных сил, а отсюда неустойчивыми производственными отношениями, слабыми общественными отношениями или связями. Насколько легко соединялись роды в племена и союзы, настолько же легко они разъединялись, распадались.

Кроме того, слабое развитие производительных сил первобытного коммунистического общества означало слабое познание сил природы, предметов и их свойств и недостаточное подчинение этих сил и предметов человеческой деятельности. Вследствие этого понятия, взгляды, идеи и чувства людей первобытного коммунистического

общества являются весьма ограниченными. Они стеснены кругом тех предметов и природных сил, непосредственно с которыми люди ежедневно сталкивались — животным и растительным царством, главным образом, животным царством. Производственные отношения, социальные связи этого общества развивались в связи с овладением этой областью, областью скотоводства и земледелия, начиная с охоты и кончая разведением животных и искусственной обработкой злаков и плодов. Поэтому вся идеология первобытного общества была замкнута кругом предметов, связанных с охотой, скотоводством и земледелием.

Хотя люди первобытного коммунистического общества были крайне ограниченными в познании предметов и сил природы, последние все же отражались в их сознании. Впечатления, получаемые тогда людьми, были тем сильнее, чем меньше они знали природу и ее силы. Эти впечатления люди переживали во сне и поскольку не могли объяснить это переживание, т. е. сон, они объясняли его существованием у человека души, которая во время сна и после смерти отделяется от тела человека и скитается в пространстве или переходит в другие предметы. Таким образом, все предметы для первобытных людей являются одушевленными, во всяком предмете они видят душу или дух. Это было первоначальное осознание самих себя и природы, первоначальная идеология коммунистического общества, зачаток *религии*. Эта идеология как раз соответствовала бытию коммунистического общества на первой ступени развития производительных сил. На более высокой ступени развития — эта первоначальная идеология изменяется и появляется идея «высшего духа», являющегося причиной всего, в честь него устраивались празднества и приносились жертвы.

Чем больше развиваются производительные силы, тем многообразнее становится бытие, тем больше расширяется содержание мышления или тем разностороннее бывает идеология. Именно на основе производственных отношений в области охоты и земледелия возникает более многообразная идеология. Вся мифология, сказки, басни связаны с животным царством. Роды и племена носят имена птиц и животных, которым уподобляют себя, с которыми связывают свое происхождение. Важнейшим искусством первобытного общества являются танцы. Однако это только воспроизведение производственного процесса — соби-

рания корней и плодов, посева и сбора зерна, борьбы животных и т. д.

Пение в первобытном обществе является воспроизведением движений тела при работе, сопровождаемых звуками, соответствующими этим движениям.

Приведенные факты подтверждают, что бытие первобытного общества определяет его сознание. Но вот производительные силы этого общества достигают той степени развития, когда появляются частная собственность и разделение на классы, тогда старое бытие коренным образом меняется, возникает совершенно новое общественное бытие, а следовательно, и новое сознание. Так, например, до этого люди не имели понятия о частной собственности и частном, личном праве отдельного человека на предметы; теперь у них имеется не только это, но и ряд других понятий, ибо вместе с возникновением частной собственности возникли совсем новые общественные связи, новые отношения между людьми. В коммунистическом первобытном обществе не были известны другие связи между людьми, кроме родовых и связей, основанных на общественном владении орудиями труда и продуктами общего труда. После появления частной собственности, после гибели коммунистического первобытного общества связи между людьми, общественные отношения выражаются через посредство товаров, через отношения товаров или через отношения товарного производства. В первобытном коммунистическом обществе не было классов, не было господ и подчиненных, не было рабства, а теперь рабство становится необходимостью. Вместо свободных брачных отношений с господством *материнского права* после его вытеснения в коммунистическом обществе появляются несвободные брачные связи с господством *отцовского права*, патриархата, при котором существовало неограниченное право патриарха — господина имущества и семьи. Религия, одухотворявшая природу и все ее предметы, была заменена религией полубогов и богов, похожих на патриарха. Родовая организация коммунистического общества была заменена классовой политической организацией — государством с его особыми органами, учреждениями, законами, властью. Вообще, вся идеология и психология коммунистического общества после замены его классовым обществом претерпевает коренное изменение. Все понятия, взгляды, идеи, мораль, религия, чувства

после гибели первобытного коммунистического общества определяются новым общественным бытием, которое заменило старое.

В античном обществе бытие определяется классовой борьбой и производственными отношениями, основанными на рабском труде. Это бытие определяло все сознание античного общества. Величайшие умы древней Греции не могли представить человеческое общество без рабства. Политика, право, религия, философия и т. д. античного общества полностью определялись рабовладельческими производственными отношениями и классовой борьбой.

Каковым было *идеологическое состояние*, общественная психика средневекового общества, мы видели в предшествующих главах. Оно полностью соответствует средневековому бытию, экономической структуре средневекового общества. Но мы видели также, как буржуазная экономическая структура и созданный ею класс буржуазии разрушили всю средневековую идеологию и заменили ее своей.

Но ныне, когда капитализм увеличил производительные силы до размеров, которые уже не укладываются в рамки буржуазного общества и когда классовая борьба пролетариата против буржуазии достигает своего апогея, ныне уже создается общественное бытие, которое определяет сознание современного общества. Ныне буржуазному сознанию: буржуазной политике, праву, морали, философии и т. д. противостоит *пролетарское сознание*.

Итак, *бытие определяет сознание*, а не наоборот, не сознание определяет бытие.

Это, понятно, не означает, что сознание не имеет влияния на бытие. Однажды появившись, данное сознание воздействует на бытие. Здесь философский вопрос заключается в возникновении, происхождении и развитии мышления. Основное положение философского материализма Маркса и Энгельса состоит в следующем: бытие определяет сознание людей.

Высокую научную ценность материализму Маркса и Энгельса, а следовательно и научному социализму придает его *метод*.

Этот метод является диалектическим.

Диалектический метод противоположен *метафизическому*, господствующему в буржуазном мышлении, в буржуазной науке. Метафизический метод рассматривает

предметы и их отражения в головах людей, т. е. понятия, в отрыве одно от другого и одно вслед за другим, как раз и навсегда данные, постоянные, неизменные. С помощью этого метода могут быть изучены отдельные предметы и их свойства в данный момент и при данном состоянии. Но такое изучение никогда не дает полного познания предметов и понятий.

Диалектический метод, напротив, рассматривает предметы и их отражения в головах людей, их умственные образы, или понятия, в их взаимной связи, в общем взаимодействии, в движении, в процессе зарождения и отмирания, т. е. в их развитии, рассматривает их как продукты всеобщего развития. Согласно диалектическому методу любое природное явление или общественное событие есть продукт длительного процесса развития. Так, например, весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно, и человек, суть результат процесса развития, продолжавшегося миллионы лет. Так же возникла и нынешняя земля. Точно так же и современное общественное состояние, современное буржуазное общество есть продукт процесса развития, продолжавшегося миллионы лет. И только рассматривая вселенную и человеческое общество как процесс развития, как всеобщее взаимодействие между зарождением и исчезновением вещей, явлений и их мыслительных образов, мы можем составить точное представление о них, об их развитии, о развитии вещей, как и о мыслительных образах вещей, об отображении их в головах людей.

Поясним сказанное примерами. Рассматривая, например, античное общество отдельно, оторванно от процесса предшествующего развития, вне связи с прошлым, т. е. рассматривая его *метафизически*, мы не сможем понять, откуда и как появилось античное общество с его рабовладельческой организацией. В этом случае мы сможем только узнать, каким было античное общество, какие события происходили в его жизни и т. д., однако мы ничего не узнаем о том, почему развитие этого общества началось именно таким образом, что дало толчок этому развитию и т. д. То же самое касается и средневекового и современного общества. Анализируя их изолированно, мы не сможем точно познать их, ибо мы их рассматриваем вне взаимосвязи с предшествующим периодом, вне процесса развития, вне их зарождения и отмирания. Если рассмат-

ривать исторические явления не как продукты процесса развития, то они могут быть объяснены разве только особенными сверхприродными и сверхчеловеческими причинами, божественным провидением и случайностью. Но такое объяснение явлений не дает их точного познания.

Возьмем еще один, более близкий нам пример. Рассматривая освобождение Болгарии в отрыве от политики России и политики других капиталистических государств, соперничавших с Россией, т. е. рассматривая освобождение Болгарии метафизически, мы должны будем объяснить его добрым сердцем русского царя. Но такое объяснение этого события совершенно неправильное. Наоборот, связав освобождение Болгарии с политикой русского царизма, стремившегося овладеть Царьградом * и стать хозяином черноморских проливов, и с политикой других европейских держав, борющихся против этой завоевательной политики России, мы поймем, что освобождение Болгарии является просто результатом противоречивой политики России и Европы. Это будет означать, что мы объясняем данное историческое событие *диалектически*.

Рассматривая вселенную и человеческое общество диалектически, мы приходим к выводу, что природа и человеческое общество, составляющее продолжение природы, имеют свою историю развития, что в природе и в человеческом обществе все находится в движении, все изменяется, развивается, возникает и в то же время отмирает. Например, внутри первобытного общества зарождается античное, в рамках последнего возникает средневековое, а в нем — буржуазное, а внутри него — социалистическое. В росте первобытного общества одновременно скрыто его разложение, т. е. в его недрах зарождаются условия для возникновения античного общества. Такой же процесс совершается в последнем, так же как и в средневековом, и в буржуазном. Развитие средневекового общества породило в качестве следствия крупное производство, ставшее причиной гибели средневекового общества и замены его буржуазным. В процессе развития причина и следствие постоянно меняются местами: причина становится следствием и наоборот. Вместе с тем в процессе развития нет

* Царьград — древнеславянское название Константинополя (Стамбула). — *Ред.*

места для *свободной воли*; в диалектическом развитии господствует *необходимость* *. Как в процессе развития буржуазное общество стало *необходимым*, так становится *необходимой* и замена его социалистическим.

Такова сущность диалектического метода, лежащего в основе материализма Маркса и Энгельса. Поэтому последний и называется *диалектическим материализмом*. Следовательно, диалектический материализм составляет философскую основу научного социализма, учения Маркса и Энгельса об общественном развитии, о прогрессе, о познании.

Диалектический метод есть диалектическое развитие природы и человеческого общества, отраженное в человеческом сознании при изучении материала, накопленного естествознанием и историей человеческого общества. Изучая именно этот материал, Маркс и Энгельс открыли лишь процесс развития в природе и человеческом обществе, открыли диалектическое развитие. Поэтому материалистическое понимание природы и истории является ныне единственным, самым научным пониманием и надежнейшим средством борьбы пролетариата за свое освобождение.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава первая

ОБЪЯСНЕНИЕ ОСНОВ И МЕТОДА МАРКСИЗМА ПУТЕМ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ (К разделу III программы)

Основным положением марксизма является: *общественное бытие определяет сознание*. В предшествующих главах мы рассмотрели это положение только в самом общем виде. Теперь разъясним основы и метод марксизма путем их применения. Прежде всего мы сделаем это по отношению к понятиям, идеям, вообще по отношению к *идеологии*, которая кажется очень далекой от материальной жизни общества. Понятно, здесь мы остановимся на самых важных идеях в общественной жизни.

* Д. Благоев отдает дань теориям механического детерминизма, фатализма. Свобода воли существует: она есть субъективное отражение объективной необходимости или умение принимать решения со знанием дела.— *Ред.*

В четвертой главе уже говорилось, что понятия или идеи есть мыслительные образы предметов и явлений внешнего мира и что понятия, идеи или идеология, господствующие в обществе в данное время, определяются общественным бытием. Но вместе с развитием производительных сил общества меняется общественное бытие. Пока производительные силы были неразвитыми, люди имели весьма ограниченные понятия или идеи. Людям первобытного коммунистического общества совсем не были известны идеи права, политики, философии и морали, составляющие основу всей идеологии исторических народов.

В первобытном коммунистическом обществе идея *права* не существовала потому, что не было идеи *справедливости*, а последняя не существовала потому, что не было ее антитезы — *несправедливости*, которая означает посягательство на какое-либо вещное личное право. В первобытном коммунистическом обществе господствовало общественное владение средствами производства и распределения продуктов. Вследствие этого идея *права* не могла зародиться. Как же возникла эта идея?

Из сказанного следует, что идея *права* могла зародиться после появления частного владения средствами производства и продуктами со стороны отдельных членов коммунистического общества. Другими словами, идея *права* возникла, когда появилась частная *собственность* на средства производства. Обладание частной собственностью составляет *право* владельцев распоряжаться ею, а посягательство на нее являлось нарушением права, следовательно, несправедливостью, противоположностью которой является справедливость.

Но частная собственность есть продукт, как мы видели, длительного процесса развития производительных сил коммунистического общества. Следовательно, идея *права*, а вместе с ней и идея *справедливости* возникли тогда, когда развитие производительных сил достигло степени, при которой изменилось и общественное бытие.

В связи с идеей права зародился и ряд других идей, составляющих основы морали человеческого общества с момента возникновения частной собственности и донныне. В первобытном коммунистическом обществе не знали того, что называется кражей. Каждый член коммунистического общества брал то, что ему требовалось и где он находил его и не спрашивал никого. Но с появлением частной соб-

ственности пользование какой бы то ни было ее частью без согласия владельца считается посягательством на чужое право, самым тяжким нарушением права и получает название *кражи*, которая наказывается строже, чем даже убийство человека.

Коммунистическому обществу неизвестно также и *семейное право*. В то время господствовало многобрачие: женщина выбирала себе столько мужей, сколько хотела, а мужчина — столько жен, сколько мог. Эти отношения полов считались в первобытном коммунистическом обществе вполне естественными, а следовательно и моральными. Появление частной собственности на средства производства внесло коренные изменения в отношения полов. Хозяином средств производства становится исключительно мужчина. Женщина потеряла прежнюю самостоятельность и равноправие. Она стала лишь средством производства наследников частной собственности и как таковая полностью подчинилась хозяину средств производства вообще, мужчине. Таким образом, вместе с появлением частнособственнических отношений, т. е. вместе с изменением производственных отношений или общественного бытия изменяются и отношения полов, появляется идея *права мужчины* быть главой семьи.

Итак, основные идеи, определяющие мораль, право, да и политику и философию буржуазного общества, зародились в головах людей, как отражение нового общественного бытия, которое заменило первобытное коммунистическое бытие вследствие развития его производительных сил и частного владения ими.

Но возьмем другую идею, воздействовавшую на общественную жизнь. Возьмем, например, *идею рабства*. Как зародилась эта идея?

Пока производительные силы первобытного коммунистического общества были слабо развиты, средства к существованию его членов были весьма ограниченными. Ввиду этого на первых ступенях развития коммунистического общества при взаимных столкновениях племен, что также являлось результатом слабого развития производительных сил, пленные убивались и съедались победителями. Но на более высокой ступени развития производительных сил первобытного коммунистического общества, когда появилась идея «высшего духа» как творца всего существующего — пленные стали приноситься в жертву

этому духу. Очевидно, что производительные силы коммунистического общества были настолько еще слабо развитыми, что оно не могло добыть достаточно средств для своего существования. Очевидно, что оно не могло и содержать пленных. Потому-то их убивали и съедали или приносили в жертву.

Но дальнейшее развитие производительных сил — приручение и домашнее разведение животных и развитие земледелия — создает более значительные и надежные источники средств существования. Разведение стад, выкорчевывание лесов и превращение их в пастбища и нивы, вообще рост производительных сил, — все это породило нужду в большем труде, в большей рабочей силе. На той именно ступени социального развития, которая разделяет первобытное коммунистическое и историческое общества, исчезают людоедство и принесение пленных в жертву, возникает мысль не убивать людей, а использовать их в качестве средства производства в пользу победителей. Другими словами, возникает идея рабства.

Сначала в коммунистическом обществе и даже на первом этапе исторического общества рабство существовало в мягкой форме. Раб тогда рассматривался как член рода или семьи, к нему относились как к полезной производительной силе, каковую представляли собой и другие члены рода. Но развитие обмена и товарного производства, следовательно, укрепление отношений собственности, коренным образом изменило и отношения между господами и рабами. Если прежде рабский труд был дополнением к труду других членов рода или семьи, то в первом обществе товаропроизводителей, в античном обществе рабский труд является основой его существования, его бытия. Здесь развитие обмена и товарного производства создало более сложные, чем в коммунистическом обществе, производственные отношения. Для упорядочения и поддержания последних возникает ряд учреждений, ряд служб. Другими словами, появляется необходимость соответствующего *управления*, нового общественного порядка, преимущественно политического, *государства*. Прежние коммунистические собрания старейшин и всех членов коммунистического общества, которые управляли им, превращаются в *сенатские народные собрания*, осуществляющие управление, принимающие решения, создающие законы. И хотя обмен и товарное производство создают все больше проти-

воречий и столкновений внутри и вне общества, функции нового управления неистанно расширяются. Очевидно, что во главе управления стоит класс собственников, хозяев средств производства. Это давало последним возможность все больше сваливать работу на рабов и привело к мысли организовать все производство исключительно на рабском труде. Идея рабства достигла полного развития и так глубоко утвердилась в античном обществе, что его величайшие философские умы, как Платон и Аристотель, не могли представить себе человеческого общества без рабов.

Из сказанного вытекает, что и идея рабства порождается изменением общественного бытия, что в свою очередь является следствием развития производительных сил общества. С дальнейшим изменением общественного бытия появляются новые идеи. Так, например, вопреки глубокому убеждению античного общества, что существовать без рабства невозможно, к концу его существования возникает идея освобождения рабов и идея крепостничества.

Как возникла эта новая идея?

Рабский труд сначала способствовал развитию производительных сил. Но впоследствии он, однако, стал мешать этому развитию: он становится все менее производительным, тогда как обмен непрерывно возрастает. Начинается концентрация производства, особенно в сфере земледелия, что выражается в создании громадных земельвладений или *латифундий*. И эта концентрация показала, что рабский труд не только не производителен, но даже излишен. Но когда рабский труд таким образом становится невыгодным для собственников или, другими словами, после изменения в производственных отношениях, зародилась идея освобождения рабов. Тогда рабовладельцы начинают отдавать средства производства в пользование освобожденным рабам, а также свободным, но пролетаризировавшимся гражданам, однако с условием снабжать их всеми необходимыми средствами существования. Таким образом, латифундии и фабрики, основанные на рабском труде, распадаются на мелкие крестьянские хозяйства и отдельные ремесленные мастерские, полусвободные по отношению к господской власти или связанные с ней только определенными обязательствами. Производственные отношения, развившиеся после падения Римской империи и в начале средних веков, породили идею крепостничества.

Римская империя, включавшая в свои границы почти все тогдашние исторические народы, была захвачена варварскими племенами германцев. Германцы находились на грани между коммунистическим обществом и новым обществом, основанным на частной собственности и товарном производстве. Захваченная ими Римская империя была разделена на множество частей, распределенных между князьями племен и их родами. На территории Римской империи сложился ряд отдельных княжеств, во главе которых стояли князья, а ниже — связанные с ними обязательствами и правами военачальники и еще ниже — главы родовых дружин.

В захваченных римских землях германские племена нашли известные готовые и новые для них отношения собственности. Они встретили полусвободных крестьян и ремесленников, которые были поставлены в зависимость от новых хозяев земель. Таким образом, в завоеванной Римской империи возникает новая общественная система, новый порядок взаимных связей, обязательств и прав как между завоевателями, так между ними и завоеванным населением, известный под именем *феодального*. Здесь и родилась идея крепостничества.

Завоевание Римской империи германскими племенами вызвало великое перемещение всех варварских племен. Все новые и новые племена устремлялись на захваченные римские земли. Но и между самими завоевателями, между феодалами начались постоянные столкновения и войны. Для крестьянского и городского производительного и полузависимого населения, особенно для первого, это создавало постоянную неустойчивость и множество опасностей. Именно это заставляло население самостоятельно искать покровительства феодалов. Но покровительство предоставлялось вместе с закрепощением, с закреплением населения под властью феодалов и с обязательством доставлять им все необходимое для существования. Таким образом крестьяне были привязаны, прикреплены к землям, считавшимся собственностью феодалов, с которых они не могли уйти, и обязаны были кормить господ. Ремесленники также были обязаны доставлять нужные феодалам продукты. Со своей стороны феодалы брали на себя обязательство защищать их и вообще обеспечить им безопасность. Как отражение отношений, установленных в захваченных землях Римской империи, родилась

идея права феодалов не только на землю, но и на распоряжение судьбами покоренного производительного населения. Другими словами, установленные общественные отношения, производственные отношения породили идею *закрепощения* производителей.

Так и идея *крепостничества*, нового рабства в человеческом обществе, которая характеризует, главным образом, историю средних веков, была порождена общественным бытием, установившимся в начале средних веков.

Посмотрим теперь, как после этого возникла новая идея, идея «свободы труда» и «свободы торговли».

Из сказанного выше вытекает, что сначала и крепостничество помогало развитию производительных сил, хотя и очень медленно. Но затем оно становится значительным препятствием для их дальнейшего развития. Феодалы и вообще господствующий класс все больше предавались грабежу крестьянского и городского классов. Эксплуатация труда и угнетение выливались во все более суровые формы. А там, где эксплуатация не давала достаточных средств для роскошной жизни, феодалы нападали друг на друга с целью грабежа. Все это разоряло крестьянское население и мешало развитию городской торговли.

Это положение, сложившееся в средние века, стало, с одной стороны, причиной ряда крестьянских восстаний против феодалов, подавлявшихся с величайшей жестокостью, и положение закрепощенного крестьянского населения становилось еще тяжелее. С другой стороны, оно стало причиной систематического бегства крестьян в города, что увеличивало городское население, а вместе с ним порождало необходимость роста обмена, который со своей стороны вызывает мощный расцвет ремесел. Города становятся сильнее и начинают стремиться к освобождению от власти феодалов то с помощью выкупа у них различных прав, то с помощью оружия.

Города, получившие таким образом права и самостоятельность, становятся центрами развития производительных сил и вообще жизни в период средних веков. Здесь мелкобуржуазный способ товарного производства достигает своего самого высокого развития. Но это более высокое развитие производительных сил в городах и ограниченность рынка вызвали сильную конкуренцию между отдельными ремесленниками. Чтобы ограничить эту

конкуренцию, появилась идея эснафской или так называемой *цеховой* организации производства, имеющей целью ограничить конкуренцию всевозможными препятствиями расширению производства. Пока торговля была ограничена стенами городов и их окрестностями, стеснения для производства, которые создавала цеховая организация, не чувствовались так сильно. Но открытие Америки и морского пути вокруг Африки расширило торговлю. Цеховой порядок оказывается не только неспособным удовлетворить нужды новых рынков, но и является большим препятствием для развития производительных сил. Вне цехов и вне старых городов возникает новый способ производства, мануфактурный способ, бывший по своему характеру *капиталистическим*. Необходимое условие развития этого нового способа производства составляло наличие рабочих рук, свободных от каких бы то ни было уз. Но крепостная зависимость крестьянского населения, с одной стороны, закрепление ремесленных работников цеховыми порядками, — с другой, делали невозможным наличие свободных рабочих рук для нового способа производства. Эснафский или цеховой порядок всевозможными препятствиями ограничивал обмен, торговлю, что также мешало обмену продуктов мануфактурного производства, а следовательно, тормозило развитие последнего. Необходимо было освободить труд и обмен от крепостничества. Родилась идея «свободы труда» и «свободы торговли» и она не только родилась в сознании, но и стала революционным лозунгом класса буржуазии. Последний вложил в нее широкое содержание. *Laissez faire, laissez passer* *, *свободу всему, никаких препятствий, долой рабство, да здравствует свобода, равенство и братство!* — Такое широкое революционное содержание вложила буржуазия в идею «свободы труда» и «свободы торговли».

Сказанное свидетельствует, что и новая идея «свободы труда» и «свободы торговли» порождается новым общественным бытием, буржуазным, капиталистическим общественным бытием, заменившим средневековое.

Остановимся еще на одной идее, которая ныне все больше накладывает свою печать на всю общественную жизнь,

* *Laissez faire, laissez passer* (фр.), — свобода предпринимательства, свобода торговли (независимых от государственных ограничений). — *Ред.*

а именно на *социалистической идее*, на *социализме*. Как возникла эта идея?

Как мы уже видели, капиталистический способ производства дал большой толчок новому и быстрому развитию производительных сил. Ныне они достигли таких колоссальных размеров, что не могут уже уместиться в рамках буржуазного общества. Последнее становится уже препятствием для развития производительных сил. Капитализм концентрирует средства производства в руках одного класса, — капиталистического, охватывающего все более узкий круг людей и таким образом пролетаризирует народные массы, освобождает их от средств производства. Капиталисты вовлекают пролетаризированные массы в производство, заставляют их за ничтожную заработную плату производить колоссальные богатства. И так из них создается рабочий, пролетарский класс, без этого класса капиталистический способ производства не может существовать, не может, следовательно, существовать и капиталистический класс, а также и современное буржуазное общество и его государство. Путем эксплуатации, путем ограбления рабочего класса капиталисты сосредоточивают в своих руках колоссальные богатства, владеют ими, пожирают, расточают их. А эксплуатируемый, ограбленный класс, пролетариат — производитель колоссальных богатств и средств производства современности, — попадает во все более тяжкое положение, испытывает муки и неволю, переносит тяжелые страдания, лишения и унижения. Другими словами, капиталистический способ производства создает особенные общественные отношения, особенное общественное бытие.

Последствия этих общественных отношений рабочий класс всегда встречал протестом, борьбой. Еще с момента их возникновения рабочий класс начинает бороться против положения, в которое был поставлен. Чем больше развивался капиталистический способ производства, тем острее становилась борьба рабочего класса. Но она долгое время была разобщенной, и, главное, велась без осознания истинных причин эксплуатации и угнетения. Но чем дальше развивались капиталистические общественные отношения и чем больше обострялась борьба классов, возникших и существующих при этих отношениях, тем больше росло сознание, что действительные причины тяжелого положения рабочего класса находятся в самих общественных отношениях и что его усилия должны быть направлены

на ликвидацию капиталистических отношений и замену их новыми, при которых нет классов, нет эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и угнетенных,— отношениями, основанными на общественном владении средствами производства. Другими словами, родилась *социалистическая идея, социализм*.

Так что и социалистическая идея, как мы видим, порождается новыми производственными отношениями, новым общественным бытием, создаваемым капиталистическим способом производства в самых недрах буржуазного общества.

Итак, из всего вышесказанного следует, что идеи, господствовавшие и наложившие печать на всю идеологию общества данной эпохи, порождаются общественным бытием, производственными отношениями, господствующими в обществе в ту же эпоху. Но, как мы видели, производственные отношения являются и классовыми отношениями, складывающимися в общественной жизни, отношениями классовой борьбы. Очевидно, что как развитие производственных отношений и возникающих из них классовых отношений, так и порождение ими в человеческом сознании соответствующих идей составляют единый процесс, совершающийся диалектически. Общественные отношения и идеи постоянно возникают и одновременно постоянно исчезают, заменяются новыми.

Мы остановились лишь на некоторых идеях, имевших и имеющих значение в общественно-исторической жизни. Но все сказанное относится и ко всем другим сферам идейной жизни, имеющим то же значение. Остановимся еще на некоторых идеях, зависимых в своем происхождении будто бы только от человеческого рассудка, а не от общественного бытия.

Возьмем, например, идеи религии. В основе религиозных идей лежало одухотворение всех предметов, что позже преобразуется в идею «высшего духа», как творца всего сущего. Как возникла эта идея?

Одухотворение предметов и идея «высшего духа» господствует прежде всего в первобытном коммунистическом обществе. На первых ступенях развития этого общества, как мы уже видели, развитие производительных сил было очень слабым, что означает весьма слабое познание природных сил и явлений, а также свойств предметов. При этом состоянии первобытного коммунистического общества

любое явление природы, любое конкретное свойство предметов производило на людей такие сильные впечатления, что они переживали их во сне, который нельзя было объяснить иначе, как существованием в самом человеке и во всех предметах и явлениях особой сущности — существованием души. Но в коммунистическом обществе производительные силы постепенно прогрессировали в своем развитии. Следовательно, люди ближе знакомятся с явлениями природы и свойствами предметов и видят, что в них нет души, нет духовного начала. Необходимо иметь в виду, что в коммунистическом обществе находятся в общем владении средства производства и потребление продуктов. Именно поэтому в коммунистическом обществе господствует дух равенства и братства его членов. И в качестве идеального выражения этого состояния общества возникает идея «высшего духа». Он творец всего сущего. Он создает все для всех людей. Никто не имеет права использовать только для самого себя то, что им сотворено. Другими словами, «высший дух» есть дух равенства и братства, которые существуют в первобытном коммунистическом обществе.

Такова первая религиозная идея человеческого общества. По-видимому, она порождена общественным бытием первобытного человечества, определяется им, является мыслительным образом или идеальным отражением в сознании людей этого бытия первобытного коммунистического общества *.

Но впоследствии в человеческом обществе возникает идея *антропоморфного многобожия*. Как зародилась эта идея?

Коммунистическое общество сменилось обществом, основанным на частной собственности на средства производства и на *отцовском праве* или *патриархате*.

Глава рода или семьи является хозяином собственности, распоряжающимся ею. Он — господин по отношению к членам рода или семьи. Он — *патриарх*. Он — «высший дух». Таким образом, пока товарное производство и обмен были еще слабо развиты, каждый род или семья имели свой «высший дух», во всем похожий на патриарха. Это — есть религия антропоморфного многобо-

* Это неточно. Современная историческая наука доказала, что идея единобожия возникает на более поздней стадии развития общества, при рабовладельческом строе. — *Ред.*

жия, господствовавшая в античном обществе, но видоизменявшаяся одновременно с развитием товарного производства и обмена.

Развитие товарного производства и обмена приводит к установлению новой организации общества. Как мы уже выше замечали, появляется управление с различными службами, с различными функциями и учреждениями. Другими словами, возникает *государство*. Вместе с возникновением государства ограничивается антропоморфное многобожие: на месте родовых и семейных богов появляются боги всего государства, общие для всех.

Из сказанного вытекает следующий вывод. Новые религиозные идеи порождаются новым общественным бытием, заменившим старое, коммунистическое; видоизменение общественного бытия приводит к новым религиозным идеям.

В период заката античного общества в Греции и Риме вера в старых богов окончательно исчезает, т. е. многобожие заменяется или безверием или новой религиозной идеей, идеей сверхъестественной силы, божественной силы или *бога*, управляющего миром по своей воле. Как зародилась эта идея?

Мы уже видели выше, что развитие товарного производства и обмена ограничивает антропоморфное многобожие несколькими человекоподобными богами и полубогами, общими для всего государства. Дальнейшее развитие товарного производства и обмена еще более ограничивает многобожие. Развитие товарного производства и углубление неравенства привело к более резкому делению общества на классы с противоположными интересами: на имущих и неимущих, на господ и подчиненных, на рабов и рабовладельцев. Установление и закрепление этих общественных отношений привели к возникновению духовной власти, высшего *авторитета*, стоящего над этими отношениями. Этой верховной властью, этим авторитетом являлось государство. Притом, несомненно, эта верховная власть, государство является верховной властью имущих, господствующих классов. Все это развитие, с одной стороны, шло помимо людей, т. е. вне их сознания и, следовательно, они не могли тогда объяснить это развитие; с другой стороны, товарное производство и обмен подчинялись известной закономерности, известным общим законам, которые не могли не отражаться в сознании людей, но которые в то время не могли быть правильно объяснены. По-

добно тому, как установление и закрепление этих отношений породило идею верховной власти государства, так и все это развитие породило идею верховной власти, высшего существа, которое создает все в мире и управляет им, а следовательно, и общественными отношениями. И там, где мы видим это развитие, мы видим и стремление ограничить многобожие и в конце концов утвердить *единобожие*, т. е. религиозную идею единого бога, обладающего теми же свойствами, что и классы, господствующие в данную эпоху. Он — повелитель ничем не ограниченный, жестокий мститель непокорных его воле; он — рабовладелец, распоряжающийся рабами земли и неба по своему произволу. Другими словами, он — образ и подобие земных повелителей, земных господ и рабовладельцев, класса собственников и господ, т. е. бог неравенства.

Итак, идея единого бога, какую мы встречаем в античном обществе, порождается общественным бытием, созданным развитием товарного производства и обмена. Конечно, с изменением общественного бытия в дальнейшем меняется и эта так называемая ветхозаветная идея единого бога. Возникает новозаветная идея бога, известная под именем *христианства*.

А теперь посмотрим, как произошло это видоизменение и как возникла идея нового бога — христианство.

На закате античного общества, как мы убедились, средства производства были сконцентрированы в руках ничтожного меньшинства свободных граждан. Остальное подавляющее большинство граждан превратилось в пролетариев. С другой стороны, большая концентрация средств производства сделала рабство невыгодным и излишним. Оно пало, и таким образом в период заката античного общества, в период заката Римской империи огромные массы граждан находились в равных, одинаковых условиях существования, в положении всеобщего равенства пролетариев и окончательно разорившихся производителей. При подобных общественных отношениях, несомненно, вера в старых богов исчезла равно как среди горстки владельцев средств производства, так и среди пролетаризированных народных масс. Ветхозаветная идея бога одинаково не соответствовала ни положению первых, ни положению вторых. Но, главное, она не соответствовала положению вторых. Ветхозаветный бог был мыслительным образом неравенства, был богом господствующих,

рабовладельцев. А в период заката Римской империи народы оказались в положении равенства и даже братства, сложившемся в результате завоеваний этой империи.

Это положение народов могло быть выражено только в новой идее бога, отвечавшей сложившимся равенству и братству и содержащей в себе эти элементы. И действительно, эта идея появилась. Это новозаветная идея бога; это идея христианского бога. Бог этот совершенно отличен от ветхозаветного. Он всемилостив, перед ним равны все люди, без различия народности. Более того, для него ближе бедные, пролетарии, им принадлежит «царствие небесное», в то время как богатые могут попасть в царствие небесное так же легко, как верблюду пролезть в игольное ушко.

Следовательно, и новая религиозная идея, идея новозаветного бога, является мыслительным отражением общественного бытия, господствующего в период заката античного общества; ее происхождение определяется общественным бытием.

Однако замена античного общественного бытия средневековым приводит к тому, что христианский бог заменяется совершенно новой идеей этого бога. Он уже не единый, а выступает в трех лицах, тесно связанных и зависящих одно от другого *. От него зависит и ему подчиняется целый сонм других богов или духов. Так идея небесного царства божьего из царства для пролетариев превращается здесь, на земле, в царство, названное *церковью*, во главе которого стоит бог-отец, за ним бог-сын, а потом бог-дух. Им подчинены и служат ангелы и архангелы, серафимы и херувимы, а внизу находятся падшие, недовольные царской властью ангелы — дьяволы. Эта религиозная идея бога, несомненно, совсем не похожа на идею бога конца Римской империи, как бога равенства и братства. Чем определяется происхождение этой новой религиозной идеи средневековья?

Очевидно, она является типичнейшим идеальным отражением общественного бытия, господствовавшего в средние века в сознании средневекового человека. И действительно, в средние века общественное бытие характеризуется общественными отношениями феодализма и

* Это неточно. Идея троичности бога встречается еще в древних религиях Египта, Вавилона и др.— *Ред.*

крепостничества. Средневековое общественное бытие представляет собой организацию, возглавляемую крупнейшими феодалами: князьями и папами, с которыми тесно связаны различные вассалы и подвассалы, а им подчиняются и служат разные бароны и графы, а в самом низу стоит им всем подчиненный и работающий на всех крепостной, порабощенный люд. Ясно, что религиозная идея, господствовавшая в средние века, является именно такой же, как само общественное бытие в то время. Другими словами, она порождается этим общественным бытием.

Но, как мы знаем, капиталистический способ производства вытеснил средневековое общественное бытие и заменил его буржуазным. И средневековая христианская идея, без сомнения, должна была исчезнуть и замениться новыми религиозными идеями, соответствующими буржуазному общественному бытию. Новые религиозные идеи, порожденные последним, и составляют *протестанство* в самых различных его видах.

Итак, из всего сказанного о религиозных идеях вытекает, что они порождаются общественным бытием каждой данной эпохи и являются идеальными или мыслительными образами общественного бытия в головах людей. И здесь, разумеется, мы видим длительный исторический процесс возникновения и исчезновения, постоянной смены общественного бытия и порожденных им идей — процесс, совершающийся диалектически.

Остановимся еще на одном роде идей, происхождение которых выглядит еще менее зависимым от общественного бытия. Возьмем философские идеи. Но так как философские идеи древней Греции входят в начала каждой последующей философской системы, а следовательно, и в начала современной, возьмем философские идеи древней Греции и посмотрим, каково их происхождение.

Первоначальные философские идеи древней Греции принадлежат ионийским философам, т. е. философам Ионии, греческой колонии в Малой Азии, а именно Фалесу, Анаксимандру и Анаксимену, с одной стороны, и Пифагору, с другой.

Философские идеи ионийской философии сводятся к следующему: все в природе и в человеческом обществе есть плод случайности, мир случайно возник из воды или из огня, или из чего-то другого; в его создании не участвовала никакая сверхъестественная сила, не участвовал

никакое божество. Философские идеи Пифагора сводятся, например, к числу. В основе природы и вещей лежит число. Это идея меры и гармонии, присущей природе и вещам, а то, что выходит за ее пределы, не соответствует законам природы, противоречит им.

Каковы источники этих философских идей?

Чтобы объяснить их происхождение, следует посмотреть, что представляли собой ионийские колонии Греции. Именно в этих колониях в первую очередь расцвели обмен, торговля и товарное производство. В этих колониях были накоплены огромные богатства, создавшие класс богачей и наряду с ним бедняков, пролетаризированные массы. Таким образом в ионийских колониях очень рано обострились те противоречия в общественных отношениях, которые в соответствии с дальнейшим развитием товарного производства и обмена сопутствовали социальному развитию человеческого общества. Накопление огромных богатств развило у класса, владевшего ими, неудержимое стремление к наслаждениям, как будто наступал конец света. Эти общественные отношения в греческих колониях нашли свое мыслительное или идеальное выражение именно в философских идеях первых философов древней Греции.

И действительно, философские идеи Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена оправдывают существование класса богачей. Поскольку все существующее есть результат случайности, и мир тоже возник случайно, то и накопление богатств в руках группы граждан есть плод случая, случайности. С другой стороны, если мир возник случайно, то в жизни нет другого смысла, кроме наслаждения, кроме полного использования случая, создавшего собственников богатств.

Философские идеи Пифагора, напротив, являются протестом против безумного стремления класса богачей к накоплению богатств и к наслаждениям. Оно вносило в общество дисгармонию, несогласия, борьбу, сотрясения. Число есть идея меры и гармонии всего существующего, а потому деление на богатых и бедных, роскошества первых входят в противоречие с гармонией, лежащей в основе природы и вещей, частью которых является человек *.

* Д. Благоев зачастую дает здесь неправильное, вульгарно-социологическое толкование сущности философской борьбы в древней Греции. Он игнорирует деление философов на два лагеря —

Из сказанного следует, что первоначальные философские идеи древней Греции были мыслительным или идеальным отражением общественных отношений, сложившихся в греческих колониях; они определяются общественным бытием этих колоний.

Возьмем ранние философские идеи, господствовавшие одно время в самой Греции — идеи Гераклита и Ксенофана.

Философские идеи Гераклита сводятся к тому, что в мире господствуют противоречия, все находится в вечном движении, все постоянно изменяется; борьба противоречий — вот что составляет сущность бытия, определяет развитие. Философские идеи Ксенофана, напротив, сводятся к тому, что в природе и вещах лежит единство.

Чтобы понять происхождение и смысл этих противоположных философских идей, следует обратиться к общественным отношениям, господствовавшим в древней Греции во времена жизни названных философов.

В период расцвета товарного производства и торговли в ионийских колониях, в самой Греции совершался стремительный процесс замены старого, натурального хозяйства денежным, товарным производством. Он вызывает быструю концентрацию средств производства, особенно земли. Земледельческая масса все больше разорялась. С другой стороны, образуется новый класс — торгово-ремесленный, лишенный права участвовать в управлении. Новые общественные отношения вызвали ожесточенную классовую борьбу, полную потрясений и кровавых столкновений. Эти общественные отношения, сложившиеся в начале исторического развития внутри Греции, не могли не отразиться в умах ее граждан. И они отразились в виде философских идей Гераклита и Ксенофана.

И действительно, философские идеи Гераклита были не чем другим, как мыслительным или идеальным отражением противоречий самого общества, неравенства, борьбы классов, развертывавшейся перед глазами. Философия Гераклита оправдывает даже общественное неравенство

идеалистов и материалистов, что мешает ему дать научную оценку реакционным учениям Пифагора, Платона и других философов-идеалистов и прогрессивным учениям Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита и других философов-материалистов. В частности, Д. Благоев недооценивает революционное значение диалектической идеи борьбы противоположностей.— *Ред.*

и борьбу противоречий как вечную сущность бытия. Вообще, это — философия господствующего класса богачей. Философия Ксенофана, наоборот, является философией равенства, братства, ибо, как она утверждает, в природе вещей неравенства нет. Вообще, это философия разорившихся и бесправных граждан греческого общества того времени. Она отражает стремления этих граждан.

Так что и философские идеи Гераклита и Ксенофана возникают на основе общественного бытия Греции в начале ее истории. Они были, иначе говоря, мыслительными или идеальными образами общественного бытия Греции эпохи Гераклита и Ксенофана. Это жэ, несомненно, относится и к более поздним философским идеям.

Возьмем, например, философские идеи в Греции эпохи ее наивысшего расцвета. Это философские идеи Анаксагора, Демокрита и *софистов*.

Сущность философских идей Анаксагора заключается в том, что в мире господствует и управляет *разум*. Согласно философии Демокрита, материальный мир состоит из бесчисленного количества малых частиц — *атомов*, движение, соединение и разъединение которых составляет сущность природы и вещей. Философские идеи Демокрита известны под названием *атомистической теории*. Философские идеи софистов (Зенона и его учеников) сводятся к следующему: нет никакого — ни небесного, ни земного авторитета; нет абсолютно никакой другой ответственности, кроме как перед самим собой.

Происхождение и смысл этих философских идей можно понять только в связи с общественными отношениями, господствовавшими в эпоху, когда жили упомянутые философы.

После персидских войн, т. е. после войн между Персией и Грецией, в которых победила последняя, центром товарного производства и обмена, центром развития производства вообще древней Греции, а вместе с тем и всей политической, общественной и умственной жизни стали Афины. При Перикле афинское государство достигает высочайшего развития. Здесь классовая борьба разорившейся мелкой буржуазии и торгово-промышленного класса против класса *эвпатридов, аристократов*, увенчивалась полной победой первых.

Таким образом, старые общественные отношения были заменены новыми, благоприятными для установления

власти личности такого цезаря, как Перикл. Идеальным выражением этого именно общественного бытия явились философские идеи Анаксагора: разуму Перикла соответствует разум мира; подобно тому, как разум Перикла управляет расцветшим при нем афинским государством, так и всеобщий разум управляет всем миром.

Но расцвет индустрии и торговли и победа буржуазной демократии * порывают все старые общественные связи. Денежный и товарный характер производства выдвигает на первое место взамен целого — личность, индивидуума в лице промышленника и торговца, вообще любого собственника средств производства. Мыслительным или идеальным выражением этого нового общественного бытия являются философские идеи Демокрита и софистов.

Следовательно, и в эту эпоху развития древней Греции господствующие философские идеи определяются общественным бытием, являются мыслительным или идеальным образом общественного бытия в сознании философов этой эпохи.

Понятно, что сказанное о философских идеях Греции относится и к философским идеям, появившимся вслед за ними. И они — мыслительное выражение общественного бытия, заменившего предшествующее бытие.

Эпоха расцвета афинского государства продолжается от персидских войн до *пелопоннесской войны*, т. е. войны между Афинами и Спартой. После пелопоннесской войны афинское государство быстро идет к упадку. Разгорается еще более жестокая классовая борьба, завершившаяся покорением Греции Филиппом Македонским, а позже Римом. Таким образом, после пелопоннесской войны в Греции сложилась обстановка, когда и авторитет государства в целом и авторитет отдельных классов теряет свое общественное значение и наступает обособление личности, ищущей свое счастье или в скептицизме, подвергая все сомнению, или в удовлетворении своих прихотей, возводя их в фетиш.

Идеальным выражением общественного бытия после пелопоннесской войны является философия скептиков, стоиков и эпикурейцев. Объектом этой философии становится счастье не всех, не общества или класса, а личности.

* Понятие буржуазной демократии не соответствует сущности общественных отношений рабовладельческого общества, модернизирует их.— *Ред.*

Но упадок Греции после пелопоннесской войны идет такими быстрыми шагами, что и индивидуум, и личность теряют всякое значение.

На водоразделе ушедшего расцвета Афин и их упадка появился Сократ. Его философия, кратко определенная в положении — *познай самого себя* — есть идеальное выражение перехода от расцвета к упадку; она является идеальным выражением индивидуализма, господствовавшего в эту эпоху, стремления примирить его с целым, со счастьем общества. Но вспыхнувшая после пелопоннесской войны классовая борьба, жертвой которой стал Сократ, помешала утверждению его философских идей.

Идеальным выражением классовой борьбы после пелопоннесской войны являются философские идеи *киренайков*, с одной стороны, а с другой — философские идеи *циников*. Первые являются идеальным выражением бытия класса богачей; это была философия наслаждений и удовольствий. Философские идеи циников, напротив, являются идеальным выражением беспомощного бытия класса обеднявших, пролетаризировавшихся граждан; это была философия полного воздержания и равнодушия к жизни, к нищете.

Однако самым типичным идеальным выражением бытия Греции периода упадка и конца ее существования являются философские идеи Платона и Аристотеля. Философия Платона проводит идею, что человек должен искать блаженства не на земле, а на небе. С другой стороны, в своем произведении «Республика» он провозглашает общество с коммунистическими тенденциями, но в котором господствует аристократия и основу которого составляет рабство. Аристотель, напротив, обращается только к реальным отношениям в современной ему Греции. В своем произведении «Политика» он философски обосновывает рабство, как естественное неравенство между людьми, неравенство, установленное божеством. Его философия провозглашает высшей целью жизни «естественное» и «божественное», к которым должны стремиться люди и которым должно подчиняться все сущее.

Несомненно, что философские идеи Платона и Аристотеля являются мыслительным или идеальным выражением утраченной силы личности, индивидуума и утраченного авторитета государства, безысходного положения, в котором находилась современная им Греция. Утраченную силу

индивидуума и утраченный авторитет государства философия Платона и Аристотеля заменила *божественной силой*, идеей божества, воля которого управляет миром. Другими словами, и здесь философские идеи являются мыслительным, идеальным выражением общественного бытия в сознании философов Греции периода упадка и конца ее существования. Они определяются этим общественным бытием.

Вообще, из всего сказанного здесь о философских идеях следует, что они являются в сознании философов мыслительным, идеальным образом общественного бытия каждой данной эпохи, что они им определяются. И это относится не только к древнегреческой философии, но и к философским идеям более позднего времени и современности.

Общий вывод из изложенного в этой главе ясен. Идеи, имеющие значение в общественной жизни, определяются общественным бытием каждой данной эпохи, являются мыслительным, идеальным образом этого бытия в сознании людей. Все, что мы говорили об идеях, рассмотренных в этой главе, относится так же и к другим идеям, которых мы здесь не касались, но которые наши читатели найдут в программе (раздел III). Из всего изложенного следует, что основы и метод марксизма полностью подтверждаются путем их применения к объяснению идей, возникающих в сознании людей, и вообще идеологии, господствующей или зарождающейся в данную эпоху развития человеческого общества.

Глава вторая

ОБЪЯСНЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПУТЕМ ПРИМЕНЕНИЯ ЕЕ К АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(К разделу IV программы)

Теория марксизма утверждает, что *история человеческого общества*, исключая общество первобытное, *есть история классовой борьбы*, что классовая борьба, следовательно, является пружиной исторического движения. Разъясним теорию марксизма путем применения ее к анализу истории. Для этой цели мы возьмем лишь некоторые исторические события.

Конец XV и начало XVI века ознаменовались так называемыми *итальянскими войнами*. Они велись Францией

с целью завоевания Италии, чему препятствовала Габсбургская монархия (современная Австрия и Германия), и в результате между этими двумя державами началась война, в которую вмешалась и Англия. До того времени войн общеевропейского значения не было. Это объясняется тем обстоятельством, что до XV и XVI веков еще не было объединенных наций и государств, как выражения их объединения. До XV века везде еще господствовали феодальный строй и раздробленность народов. Если тогда и возникали войны, то они велись или между феодалами или между ними и самыми крупными феодалами — королями.

После открытия Америки и морского пути вокруг Африки все более растут производительные силы, развивается торговля, распространяется новый способ производства — капиталистический. Этот новый способ производства выдвигает новый класс — буржуазию, которая стремится освободить развитие производительных сил от препятствий, созданных феодальным строем, и *изменить* положение других классов общества. Так как новый способ производства распространялся или в старых или во вновь основанных поднимающейся буржуазией городах, то борьба начинается между городами и феодалами. Буржуазия, однако, была еще очень слабой, чтобы самой справиться с феодальным порядком. Поэтому ее борьбой воспользовались короли, для того чтобы сломить феодалов и подчинить их своей власти. Таким образом, феодалы были побеждены, королевская власть усилилась, а из части феодального класса вырос новый класс — *придворная аристократия*, орудие монархической власти. Города были освобождены от феодальной власти, и буржуазия приобрела различные права, которых она до тех пор не имела. Но монархическая власть, усилившаяся и поддерживаемая придворной аристократией, все больше стремится подчинить своим интересам все другие классы, что приводит к новому обострению классовой борьбы вплоть до революций против монархической власти и аристократии.

Само собой разумеется, что этот процесс совершается в различных странах в разное время, в соответствии с уровнем развития производительных сил. Во Франции и Англии этот процесс завершился в конце XV — начале XVI в. Класс феодалов был побежден, нации объедини-

лись под абсолютной властью монархии, олицетворявшей их.

Там, где монархическая власть победила и укрепилась, она является, с одной стороны, феодальной, поддерживающей феодальные порядки; с другой стороны, руководствуясь интересами своего существования и подчиняясь их требованиям, она покровительствовала торговле и индустрии, стремилась расширять и охранять рынки. После своего укрепления монархическая власть действует в двух направлениях — расширяет пределы своей феодальной власти и покровительствует «национальной» индустрии и торговле, национальным интересам.

Сказанное и объясняет причины так называемых *итальянских войн*.

После объединения Франции в одну нацию монархическая власть, подталкиваемая двумя упомянутыми стремлениями, бросилась завоевывать Италию. Последняя была раздроблена на отдельные княжества, королевства и республики, постоянно воевавшие между собой и раздираемые ожесточенной внутренней классовой борьбой. Это положение Италии объясняется различной степенью развития производительных сил в разных ее частях, следовательно, различными классовыми отношениями. Там, где производительные силы были более развитыми и уже появился буржуазный класс, королевская власть в союзе с последним стремится подчинить феодальный класс и распространить свою власть на другие области. Там, где развитие производительных сил слабое, господствует феодальный класс, который в борьбе с королевской властью устанавливает республики. Как только там появляется класс буржуазии — классовая борьба обостряется до истребительных гражданских войн.

Именно такое положение Италии делало ее добычей усилившейся монархической власти соседних стран. Франция первой попыталась завладеть Италией. Это увеличило бы владения монархической власти и дворянского класса, служившего опорой французской абсолютной монархии, и еще больше усилило бы ее. К тому же, завладев Италией, Франция стала бы господствовать на Средиземном море, а в то время оно было самым важным морем в Европе. Наконец, монархическая власть стремилась подчинить себе и духовную власть, она стремилась получить право распоряжаться церковью и духовенством внутри го-

сударства и таким образом полностью подчинить подданных своей духовной власти. Это стремление монархической власти совпадало со стремлениями новых классов, буржуазии и дворянского, аристократического класса. Буржуазия была заинтересована в освобождении от власти духовенства, всегда поддерживающего господствующие классы и монархическую власть. Интересы дворянства были совершенно другими. Подчинение монархией церкви и духовной власти всегда сопровождалось так называемой *секуляризацией*, ограблением и конфискацией церковных и монастырских владений в пользу королевской власти и дворянства. Но эти устремления французской абсолютной монархии были противоположны интересам величайшего духовного феодала — папы, власть которого считалась выше власти короля. Папа был господином всех феодальных стран. Поэтому весьма естественно, что в союзе с феодальными княжествами и республиками папа противопоставил себя Франции.

Итальянские войны, которыми начинается XVI век, являются следствием усиления монархической власти, следствием ее победы над феодальным классом. Но эта победа стала возможной только тогда и там, когда и где вследствие развития производительных сил появился в городах класс буржуазии, боровшийся за свое освобождение от гнета феодалов. В эту борьбу против феодалов вмешивается королевская власть, и таким образом она усиливается за счет двух борющихся классов, а также в результате создания нового, придворного, или дворянского, класса. Другими словами, тайной пружиной исторических событий XVI века является классовая борьба.

В связи с *итальянскими войнами* и как их продолжение возникают войны между Францией и Габсбургской монархией. Эти войны известны под названием *«Соперничество между Францией и Габсбургами»*. В начале XVI века король Карл V Габсбург распространил свою власть на Испанию и Нидерланды (Бельгию и Голландию) и даже на Италию. Вследствие этого Франция находилась между соседями, препятствовавшими ее сухопутным и средиземноморским сообщениям. Французская торговля оказалась в очень опасном положении. Та же опасность угрожала и Англии, особенно со стороны Нидерландов.

Карл V носил титул «императора Германии» и стремился получить императорскую власть над всей так назы-

ваемой «Священной римской империей». Однако феодальный класс, важнейшую часть которого составляли духовные феодалы, во всем ограничивал его, и ему нужно было делить с ним власть. В связи с этим король выступал как защитник католицизма, в сущности — папских феодальных прав и вообще прав духовных феодалов. Во Франции и Англии, как уже было сказано, королевская власть, наоборот, стремилась ограничить папскую власть и подчинить себе внутри своих монархий духовную власть. Именно поэтому войны между Францией и Габсбургами, в некоторых из них приняла участие и Англия, были упорными и продолжались (с перерывами) с 1525 по 1559 г.

Из вышесказанного вытекает, что классовая борьба, которой дало новый толчок развитие производительных сил в XVI веке, выходит за национальные границы и превращается в истребительные войны монархической власти против феодальных князей, королей и папской власти, за расширение государственных границ, за овладение новыми землями и открытие сухопутных и морских торговых путей.

А сейчас остановимся на одной из величайших войн XVII века.

Начало XVII века знаменуется так называемой *тридцатилетней войной*. Сначала это была междоусобная война князей, а также война между ними и императором Германии, но позже она вылилась в общеевропейские войны. Внешне эти войны были религиозными, т. е. борьбой католичества с протестантством. Но под религиозной оболочкой скрывалась в сущности борьба классов.

В начале XVII века Германия состояла из отдельных самостоятельных княжеств и королевств. Князья и короли находились в зависимости от решений *ландтагов*, т. е. сословных народных собраний, в которых господствовали главным образом феодалы. Однако в начале XVII века возникает, с одной стороны, борьба крепостных крестьян против феодалов, и с другой — развитие торговли и индустрии, главным образом в городах Северной Германии и в Чехии, где поднимается класс буржуазии, который начинает борьбу против феодальных ограничений и за самостоятельность. Князья и короли использовали эти классовые столкновения для усиления своей власти, для ликвидации или ограничения *ландтагов*.

Королевская власть, однако, смогла победить феодалов только там, где торговля и индустрия получили достаточное развитие и, следовательно, где борьба буржуазии приобрела известное значение. Там же, где класс буржуазии особенно поднялся и приобрел влияние на разорявшуюся мелкую буржуазию и пролетариев, как это было в так называемых *имперских городах*, установилось управление, полностью независимое от князей и королей. В этих городах, как и в княжествах, где победила королевская власть, восторжествовала *реформация*, т. е. отделение от католической церкви и основание протестантской. Наоборот, в княжествах, где производительные силы были еще слабо развитыми и, следовательно, классовая борьба буржуазии и других классов не имела такого значения, феодальный класс оставался сильным и католичество сохранилось. Так Германия (или Габсбургская монархия) разделилась на две воюющие части: протестантскую и католическую.

На протяжении 15 лет война велась, главным образом, между протестантскими и католическими княжествами. Она окончательно обессилила Германию. Тогда в войну вмешались и другие европейские державы: Англия, Дания, Нидерланды, особенно Франция и Швеция. Борьба, в сущности, велась уже, во-первых, за господство на Балтийском море, во-вторых, за завоевание и присоединение части Германии и, в-третьих, за освобождение Дании и Нидерландов из-под власти Габсбургов и, следовательно, за окончательное истощение Германии. Тридцатилетняя война закончилась в 1648 г. заключением так называемого Вестфальского мира, который расчленил Германию, усилив за ее счет другие страны, особенно Францию и Швецию, признал самостоятельность Дании и Нидерландов, установил взаимные отношения между европейскими державами и лег в основу всех международных договоров вплоть до *Великой французской революции*.

Все, что сказано о двух больших войнах XVI века, относится и к другим войнам как этого столетия, так и XVII века. Нет сомнения, что во всех этих войнах определенную роль играли и *династические интересы* и *честолюбие* монархической власти. Но монархия была принуждена все больше уступать интересам растущего класса буржуазии, или, точнее, требованиям нового способа производства и обмена, носителем которого являлся этот класс. Для поддержания своего существования и дина-

стических интересов монархическая власть ощущала все большую нужду в деньгах и в силу этого обстоятельства попадала во все большую зависимость от разбогатевшей буржуазии, в свою очередь заинтересованной в развитии торговли. Буржуазия все больше требовала расширения рынков, выхода к морям и господства над ними. Поэтому войны XVI, особенно XVII века велись и во имя нового способа производства. В этом смысле войны данного периода, а тем более, разумеется, войны следующих столетий являются переходом от внутренней классовой борьбы к классовой борьбе за пределами национальных границ. А это означает, что тайной пружиной исторических событий XVI и XVII столетий является классовая борьба. Это станет еще более ясно, когда мы обратимся к тем великим историческим событиям, которые известны под названием *революций*.

Обратимся, например, к английской революции XVII века (1642—1649 гг.).

Большой подъем капиталистического способа производства в Англии относится к XVI веку. Поднялось капиталистическое мануфактурное производство, возникали новые индустриальные города и округа. В области сельского хозяйства это развитие и особенно развитие текстильной индустрии вызвало превращение земельных владений в пастбища для овец. Землевладельцы насильно сгоняли крестьян с их земель и присоединяли последние к своим владениям. Большие массы пролетаризированного народа были выброшены на улицу. С другой стороны, разорялся и пролетаризировался и ремесленный класс в городах. Другими словами, возникли новые общественные отношения и новые классы.

Прежде всего, из старого класса феодалов-землевладельцев выделился новый класс лордов-землевладельцев, вступивший с ним в борьбу. Старый класс землевладельцев состоял, главным образом, из духовных феодалов, прежде господствовавших в парламенте, а затем объединившихся с королевской властью, что ослабило парламент. Борьба между духовными феодалами и светскими лордами началась еще в XV веке. В союзе с последними в борьбе приняли участие и среднее, и низшее сословия английского землевладельческого класса, как и поднимающийся класс буржуазии. В парламенте XV века светские лорды составляли меньшинство, а буржуазное и другие сословия

почти совсем не проникали в него. Борьба классов, особенно борьба между духовной и светской аристократией, достигшая наибольшей остроты в XV веке, совершенно ослабила парламент и усилила королевскую власть. С тех пор она или совсем не созывала парламента или созывала его тогда, когда нуждалась в помощи для достижения своих целей. Она созывала его, когда ей нужно было освободиться от духовной власти пап и встать во главе церкви. В таком случае королевская власть проводила *реформацию* сверху, которой противостояла *реформация* снизу. Или же королевская власть созывала парламент, когда нуждалась в больших денежных суммах, которых не могла получить другим путем.

Разумеется, эта политика королевской власти вызывала недовольство у всех классов, особенно у класса светских лордов, потерявших старые аристократические привилегии, и у класса растущей буржуазии. Однако на протяжении всего XVI века их недовольство сдерживалось сильной королевской властью. Класс буржуазии еще не поднялся настолько, чтобы повести решительную борьбу, вовлекая в нее и другие угнетенные классы, особенно разоряющихся крестьян, ремесленников и пролетариат. На этой ступени развития классовых отношений в Англии борьба велась на религиозной основе: за реформацию церкви, за уничтожение католичества, являвшегося главной опорой королевской власти. Угнетенные классы бросились в объятия *кальвинизма*, в то время как монархисты, чтобы противостоять *народной реформации*, обратились к *монархической реформации*, названной *англиканской* и представлявшей собой нечто среднее между католицизмом и протестантством. На этой религиозной основе и велась классовая борьба в Англии в течение всего XVI и в начале XVII века.

В начале XVII века, вследствие быстрого развития капитализма в Англии, новые классы, особенно светские лорды и буржуазия, приобрели большую силу. Но и королевская власть, опиравшаяся на придворную аристократию и высшее католическое и протестантское духовенство, стала еще более нагло злоупотреблять властью: она беззастенчиво топтала законы, облагала совершенно произвольно налогами, самым бесцеремонным образом обращалась с парламентом, созывая его, когда он был необходим, и разгоняя его самым грубым образом,

когда он не соглашался с ее требованиями. Вообще, неистовства монархической власти достигли крайних пределов. Но и недовольство всех классов, за исключением королевской придворной шайки, достигло апогея. Нужен был только повод, чтобы разразилась *революция*.

Поводом к революции послужило восстание в Шотландии. У короля не было денег, чтобы подавить это восстание. С другой стороны, войска были совсем ненадежны: большую часть их составляли революционно настроенные элементы. Вследствие этого король был вынужден созвать парламент. 13 апреля 1640 г. парламент был собран, однако он отказался предоставить необходимые суммы. Он был разогнан. Но это вызвало сильное возмущение по всей стране. Испуганный король был вынужден созвать осенью того же 1640 г. новый парламент. В этом парламенте оппозиция составляла огромное большинство, и она заявила королю, что он не смеет распускать парламент без согласия депутатов. Он известен в английской истории под именем *«долгого парламента»* и, в сущности, превратился в учредительный парламент вроде «конвента».

Сначала в «долгом парламенте» господствовало единодушие между партиями. Все единогласно требовали ограничить королевскую власть и предать смертной казни Страффорда и Лауда, игравших роль ее главных орудий. Но это единодушие было недолгим. Вскоре внутри парламента вспыхнула ожесточенная классовая борьба. Духовные и светские лорды поддерживали в парламенте только предложения об ограничении королевской власти, осудив в то же время на смерть Страффорда. Напротив, буржуазные депутаты требовали расширения привилегий парламента, установления ответственности министров перед ним и преобразования церкви в пуританском духе. Большинство депутатов представляло буржуазию, и борьба между нею и духовными и светскими лордами все больше обострялась, выйдя из стен парламента на улицу и охватив всю страну.

Королевская власть пытается использовать эти классовые конфликты в интересах контрреволюции. 14 февраля 1642 г. король появляется в парламенте с войсками, чтобы арестовать главных лидеров парламентского большинства. Но эта попытка вызвала сильное возмущение в парламенте и в Лондоне. Возникло вооруженное столкновение между

гражданами и войсками. Король вместе с лордами бежит в Йорк. Началась борьба контрреволюции и революции. Сначала казалось, что победа на стороне первой. Однако скоро во главе революции встают народные массы. В лице своего энергичного представителя Оливера Кромвеля буржуазия организует эти массы фермеров, ремесленников, мелких торговцев и пролетариев в единую революционную армию. Под предводительством Кромвеля она разбила контрреволюционные королевские войска, король бежал в Шотландию, которая выдала его Кромвелю.

После победы революционных войск над королевскими классовая борьба в парламенте вспыхнула с новой силой. Теперь в парламенте господствовала буржуазия, но вне его господствовали революционные войска, перед которыми и сам Кромвель чувствовал себя бессильным. Парламент вступил в переговоры с пленным королем, идя ему на уступки с условием, что государственной церковью в Англии будет признана *пресвитерианская церковь*. Но войска высказались против этих уступок и требовали полной свободы совести и полной независимости каждой религиозной общины. Буржуазия попыталась изолировать войска, желая отправить их в Ирландию, где еще продолжала бесчинствовать контрреволюция. Кроме того, буржуазия возбудила в Лондоне и в южных графствах движение против войск и в защиту парламента. Но войска подавили это движение и изгнали из парламента влиятельнейшую часть буржуазных депутатов. Таким образом, большинство парламента оказалось на стороне войска. Тогда он предал короля за «измену и возбуждение междоусобиц» особому суду, который приговорил его к смертной казни. В 1649 г. Англия была провозглашена *республикой*.

Во главе республики становится в сущности Кромвель, военный предводитель *индепендентов*, революционных войск, защищавших полную религиозную свободу и независимость религиозных общин. Ему удалось раздавить контрреволюцию в Ирландии и Шотландии, где вставшая на ноги королевская власть стала нападать на Англию. В союзе с Францией Кромвель нанес удар по становому хребту тогдашней реакции, но Испании. Он готовил протестантский союз для борьбы против другого гнезда реакции — Габсбургской монархии (Австрии). Кромвель уклонялся от титула «главы государства» и вел внешнюю политику, приносящую республике блистательные

победы. Но энергичная внешняя политика Кромвеля вызвала недовольство и подозрение его в честолюбивых планах у приверженцев революционного войска. Из них образуется новая партия, названная партией *левеллеров*, т. е. *уравнителей*, которой были присущи коммунистические тенденции. В ее состав входили преимущественно пролетарии, фермеры и разорившиеся ремесленники и крестьяне. Эта партия пытается захватить власть и осуществить полное равенство граждан в Англии. Но Кромвель разгромил эту партию.

К тому же борьба низших классов за власть, столь резко проявившаяся во времена республики, испугала все другие классы. Поэтому они выступили против республики и хотели возвращения конституционной монархии. После победы над левеллерами сам Кромвель устремился к самовластию. В 1653 г. он разогнал революционный парламент, созвал новый парламент из своих преданных сторонников, изменил конституцию, оставив парламенту законодательную власть, а исполнительную возложил на самого себя. Он получил титул *протектора*. Затем он распустил и этот парламент и, опираясь на войска, стал управлять самостоятельно. Это вызвало всеобщее негодование даже в его собственном войске, и Кромвель был вынужден созвать парламент, который решил восстановить конституционную монархию, предложив протектору королевскую корону. Кромвель не принял короны, и лишь после его смерти, в 1658 г., когда в войске началось смятение, парламент призвал снова Стюартов и в 1660 г. постановил, что Англия будет управляться по старым законам — королем, верхней палатой (лордами) и нижней палатой общин (народным собранием).

Реставрированные, восстановленные Стюарты однако изменили вскоре своим обещаниям, данным парламенту и английскому народу. Они снова начали стремиться к абсолютизму и восстановлению в Англии католицизма. Сначала, поддерживаемые светскими и духовными лордами, Стюарты еще могли противостоять оппозиции, во главе которой стояла буржуазия. Но когда Яков II, последний Стюарт, растоптал так называемый *клятвенный акт* и стал назначать католиков на военные, гражданские и государственные должности, разразилось всеобщее восстание *вигов*, оппозиции, к которым присоединились и *тори*, поддерживавшие королевскую власть. Они объявили о ниспро-

вержении Якова II и призвали Вильгельма Оранского, который тотчас же высадился в Англии с голландскими войсками и всюду был встречен восторженными приветствиями. К нему присоединились и королевские войска. Яков II бежал во Францию (1688 г.). Вильгельм созвал парламент, подписал *билль и декларацию о правах*, со вступлением в силу которых окончательно утвердились права и свободы народа и парламента. А парламент провозгласил его королем Англии. Таким образом, в конце XVII века (1689 г.) в Англии был окончательно побежден абсолютизм королевской власти и утверждено господство парламента.

Из сказанного следует, что революция XVII века в Англии является следствием классовой борьбы и что пружиной всех исторических событий, связанных с нею и сопровождавших ее, есть борьба классов английского общества за власть, за осуществление своих классовых интересов, желаний и стремлений. То же самое присуще и всем последующим революциям, имевшим место в истории человеческого общества после английской, так называемой *Великой французской революции XVIII* века, революциям XIX века во Франции и других странах Европы. Но эти революции прекрасно описаны в произведениях Маркса и Каутского, входящих в IV раздел программы. В них дается лучшее объяснение марксистской теории путем применения ее к анализу вышеуказанных крупных исторических событий — революций XVIII и XIX веков.

*Впервые напечатано отдельной
брошюрой в 1911 году*

*Переведено с болгарского
по тексту книги:
Димитр Блазове. Избранные
произведения в двух томах,
том II, София, 1951, стр. 347—422
Перевел Л. В. Воробьев*

В ноябре 1917 г. русский пролетариат овладел властью. Революция в России была враждебно встречена не только русскими контрреволюционерами и всем капиталистическим миром, но и виднейшими теоретиками и вождями II «социал-демократического» Интернационала во главе с Карлом Каутским. Нетрудно понять, почему контрреволюционная Россия и весь капиталистический мир враждебно встретили большевистскую революцию: задеты важнейшие интересы капиталистов, совершенно посягательство на привилегии меньшинства капиталистического общества, под угрозой существование буржуазного строя во всем мире. Естественно, что против власти русского пролетариата, против большевистской революции, ополчаются все контрреволюционные силы России и всего капиталистического мира. Пример русского пролетариата, овладевшего властью и уничтожившего буржуазный строй, заразителен, ибо условия, сложившиеся в результате общеевропейской империалистической войны, создали для этого почву. Это было подхвачено в Германии и Венгрии, и волны большевистской революции угрожают захлестнуть весь мир. А это означает конец капитализма, конец привилегий меньшинства в капиталистическом обществе, конец их господства и гнета над громадным большинством народов, торжество коммунизма. Поэтому меньшинство капиталистического общества борется ныне и будет бороться всеми средствами против опасности, которой угрожает ему коммунистическая революция. Это понятно.

Но как объяснить факт, что видные теоретики и вожди II Интернационала вроде Каутского и других встретили враждебно захват власти русским пролетариатом, большевистскую революцию, и остаются враждебными ей, как и большевизму в Германии и Венгрии?

Чтобы объяснить этот факт, следует вспомнить известную полемику между Каутским и Бернштейном, а позже между Каутским и Паннекуком, с одной стороны, и между Каутским и Розой Люксембург, с другой, по вопросам тактики и практики «социал-демократии» и по вопросу о пролетарской революции, полемику, которая велась накануне войны и которая была ею прервана. Кроме того, следует вспомнить и то, чем занимались эти теоретики и вожди пролетариата на международных конгрессах, как они делали там все большие уступки буржуазным и мелкобуржуазным идеологам, называемым оппортунистами, «широкими социалистами». Вспомнив все это, можно прийти к заключению, что враждебное отношение теоретиков и вождей II Интернационала к захвату власти русским пролетариатом можно объяснить главным образом недостаточно глубоким проникновением в революционный смысл теории Маркса — Энгельса о задачах пролетариата, как класса.

И действительно. Русский пролетариат с оружием в руках, т. е. путем насилия, овладел властью и установил свою диктатуру для того, чтобы осуществить коммунистический строй и уничтожить контрреволюцию. Поэтому теоретики и вожди II Интернационала выступают против насилия, против диктатуры пролетариата, за *демократию*. В статье «*Демократия или диктатура*», опубликованной в журнале «*Sozialistische Auslandspolitik Korrespondenz*» от 22 августа 1918 г., Каутский пишет: «Для нас — пролетарская освободительная борьба так же священна, как и для товарищей, стремящихся помешать нашим исследованиям. Освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых является для нас самой высокой целью, с *нею мы неразрывно связываем демократию*». Но перед этими словами он сравнивает защитников диктатуры пролетариата с деспотизмом Людовика XIV, который сказал: «Государство — это я». По Каутскому, революционеры делали то же самое и заявляли: «*Революция — это я; тот, кто меня критикует, совершает преступление против революции*».

Цитируемые строки, особенно выделенные мною курсивом, свидетельствуют, что Каутский (а вместе с ним и все изменники делу освобождения пролетариата, все социал-патриоты или «широкие социалисты», и вообще все контрреволюционеры), во-первых, ставит *демократию* над диктатурой пролетариата, которую он в сущности отвергает; во-вторых, выступает против пролетарской диктатуры, потому что она-де напоминает деспотизм Людовика XIV и не дает *свободы, свободы критики* революции. В данном случае Каутский имеет в виду, главным образом, русскую большевистскую революцию, которая, как он утверждает, была революцией не всех русских социалистических партий и не всего русского пролетариата. Следовательно, по его мнению, диктатура в России не есть диктатура всех социалистических партий и всего пролетариата, а только одной партии и части пролетариата. Он говорит в той же статье: «Восстание большевиков, напротив, было восстанием одной социалистической партии против других социалистических партий. Оно вело к уничтожению демократии, к лишению прав других социалистов, даже значительных слоев пролетариата». Чтобы представить большевистскую революцию в возможно более черных красках, Каутский сравнивает ее с революцией, создавшей Парижскую коммуну, которая была «делом всего парижского пролетариата, даже подавляющего большинства парижского населения», и добавляет: «Широчайшая демократия, опиравшаяся на всеобщее избирательное право, составляла ее основу; в ней были представлены все социалистические течения и они работали единодушно».

Мы увидим ниже, что Каутский совершенно неправ в отношении русской пролетарской революции и диктатуры, а в оценке Парижской коммуны он полностью пренебрегает тем, что писали о ней Маркс и Энгельс. Но чтобы мысль Каутского была законченной, приведем еще одну цитату из его статьи. В том же журнале, где помещена упомянутая статья, были опубликованы и статьи в защиту русской пролетарской революции и диктатуры, а в «*Leipziger Volkszeitung*» статьи против демократии в период пролетарской революции. Поэтому Каутский признает, что полемика уже переросла проблемы русского социализма, но затрагивает и вопросы немецкого социализма. Затем он продолжает: «До сих пор демократия занимала у нас бесспорное основное положение, как форма

управления, в рамках которой осуществляется «диктатура пролетариата». Завоеванием этой формы мы стремились создать политическую основу для экономического переворота в обществе. И донныне ни одно слово нашей программы, ни одно слово нашей пропаганды не давало возможности предполагать, что мы добивались общего, равного, тайного, прямого избирательного права, чтобы уничтожить его в день нашей победы».

Как видно из этой цитаты, Каутский берет в кавычки слова *диктатура пролетариата*. А это означает одно из двух: или он не признает никакой диктатуры пролетариата, или она для него нечто второстепенное, а главное — это демократия. Под «демократией» Каутский понимает, очевидно, такую «форму управления», которая основана на общем, равном, тайном, прямом избирательном праве и в рамках которой «диктатура пролетариата» осуществляется. Другими словами, Каутский думает, что основная задача заключается в завоевании, прежде всего, «политической основы для экономического переворота в обществе», т. е. в завоевании «демократии», той «формы управления», через которую совершится социалистический переворот, т. е. осуществится «диктатура пролетариата». Иначе говоря, это означает, что социалистам следует взять политическую власть в свои руки через широкую демократию, через завоевание всеобщего, равного, тайного, прямого избирательного права, а не через диктатуру пролетариата. Таким образом, Каутский представляет вещи такими, какими они никогда в действительности не были и не могут быть. Он представляет дело так: сначала пролетариат завоеует «демократию», т. е. всеобщее, равное, тайное, прямое избирательное право, с его помощью он пошлет в рейхстаг и другие представительные учреждения свое большинство. Это большинство возьмет политическую власть в свои руки и произведет «экономический переворот в обществе», очевидно, как думает Каутский, без насилия, без предварительной диктатуры пролетариата, без гражданской войны и т. д. Еще до войны, полемизируя с Паннекуком и Розой Люксембург по вопросу об общей политической стачке и о революции, Каутский ополчился против революционных действий и все надежды на освобождение пролетариата от капитализма возлагал на завоевание «демократии» путем создания пролетарского большинства в рейхстаге.

Но спрашивается, когда и где великие социальные перевороты совершались по формуле Каутского, без насилия и без диктатуры? Когда и где господствующие классы добровольно отказывались от своего господства? Истории не известно что-либо подобное. Выборы социалистического большинства в рейхстаг, в парламент еще не означают, что политическая власть перешла в руки пролетариата. Господствующие классы могут и не созвать такого парламента или могут разогнать его еще до созыва, как это неоднократно случалось, например, с буржуазными рейхстагами в Германии. Или же они могут его созвать, но разгонят при первом удобном случае, как это обыкновенно бывало с буржуазными парламентами во всех европейских государствах накануне революций. С парламентом социалистического большинства господствующие классы будут церемониться еще меньше. Но Каутский, по-видимому, думает, что такой парламент господствующие классы не посмеют разогнать, потому что разразится революция. Однако вопрос о том, произойдет ли она, зависит от многих условий и, прежде всего, от положения господствующих классов и пролетариата. Но допустим, что это случится, вспыхнет революция. В таком случае она будет означать гражданскую войну, насилие, диктатуру, с помощью которых пролетариат только и может овладеть политической властью и совершить «экономический переворот в обществе». Иначе в истории не бывало и быть не может. Так что метод захвата пролетариатом политической власти через «демократию», предложенный Каутским, может лишь оттянуть свержение капиталистического общества и торжество коммунистической революции. Поэтому-то именно этот метод весьма подходит всем социал-патриотам, всяким «широким социалистам» в различных странах и поэтому он с удовольствием повторяется всеми идеологами и прислужниками буржуазии.

Как мы видели, Каутский считает, что русская пролетарская революция, большевистская революция была делом не всех социалистических партий России, а только одной социалистической партии, а именно — большевистской, против других, и что она уничтожила «демократию» и лишила прав других социалистов «даже значительные слои пролетариата». Эти утверждения Каутского просто неверны, фактически неверны. Другие социалистические партии в России, а именно социалисты-революционеры и

меньшевики во главе с Церетели, Скобелевым и другими, с начала русской революции и до ноября 1917 года сотрудничали с буржуазными партиями, входили в буржуазные министерства и принимали все меры для заглушения недовольства политикой правительства, растущего среди пролетариата и крестьянской массы. Пролетариат ждал от «других социалистов» осуществления социализма, а они ему говорили о «демократии»; класс безземельного крестьянства ждал от них немедленной экспроприации земель крупных землевладельцев и передачи этих земель крестьянам, а «другие социалисты» мучили ему голову разрешением «аграрного вопроса» учредительным собранием; пролетариат и крестьянские массы требовали немедленного созыва учредительного собрания, а они совместно со своими буржуазными союзниками постоянно откладывали его созыв; пролетариат и крестьяне, вообще вооруженный народ, ждали от «других социалистов» немедленного мира, а они снова начали войну, предприняли наступление, закончившееся катастрофически. В начале революции рабочие, крестьянские и солдатские Советы были полностью под влиянием «других социалистов», а большевики составляли в них ничтожное меньшинство. Но чем больше «другие социалисты» попадали в плен к буржуазным партиям и таким образом изменяли чаяниям пролетариата, крестьян и солдат, тем больше они теряли среди них свое влияние и тем большее влияние приобретали большевики. К середине 1917 года Советы в России насчитывали 20 000 000 членов, и большевизм уже быстро брал в них верх. Тогда в Советах был провозглашен лозунг: *«Вся власть Советам!»*. Что же сделали «другие социалисты» и правительство, в котором они принимали участие? — В июне 1917 г. они поспешили спровоцировать гражданскую войну, чтобы уничтожить большевизм. Но вместо того, чтобы раздавить большевизм, они его еще больше усилили, и четыре месяца спустя Советы завладели всей полнотой власти в России. Вот какова истина!

Каутский обвиняет большевиков, что их восстание было направлено против «других социалистических партий» с целью лишить их прав и уничтожить «демократию». Но это могло быть верным лишь постольку, поскольку «другие социалистические партии», т. е. меньшевики и социалисты-революционеры, служили буржуазным партиям и отказывались от сотрудничества, даже про-

тиводействовали Советам завладеть властью. «Другие социалистические партии» просто изменили социализму и вместе с Каутским предали забвению клятву, данную Базельскому внеочередному конгрессу Социалистического Интернационала — использовать войну для ликвидации капиталистического общества, захвата политической власти и осуществления социализма³¹. Никто не принуждал их к такой измене. Когда Советы взяли всю власть в свои руки, абсолютно никто не заставлял их выступать против, никто не отказывался от их содействия. Впрочем, значительная часть «других социалистических партий», меньшевиков (интернационалистов) и социалистов-революционеров (левых социалистов-революционеров) присоединилась к Советам. И лишь их небольшая часть не только не присоединилась к Советской республике, но вместе с контрреволюционерами продолжала бороться против нее, устраивала заговоры против комиссаров Советской республики и убивала их. Как должна была относиться Советская республика к таким «социалистам», стремившимся в союзе с контрреволюционерами вырвать власть из рук пролетариата, который завладел ею со столькими жертвами, баловать, поощрять их? И не защищаться? Оплакивать таких «социалистов», потому что их «лишили прав», значит быть против захвата власти пролетариатом и находиться в одном строю с врагами социализма. Раз пролетариат овладел властью, долг каждого подлинного социалиста заключается в борьбе за ее укрепление. Тот же, кто выступает против нее — или изменник делу социализма или никогда не был социалистом.

С другой стороны, Каутский выступает против большевистской революции и потому, что она, мол, ведет к уничтожению «демократии». И чтобы очернить ее, он приводит пример Парижской коммуны, которая не только не уничтожила «демократию», но, напротив, — была основана на всеобщем, равном, тайном и прямом избирательном праве. Но, во-первых, и выборы в Советы в России происходили и происходят путем всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов. Правда, Советская республика отняла это право у буржуазии, т. е. у капиталистов, у помещиков, у тех, кто организовывал заговоры и открыто боролся против нее. В этом отношении «демократия» в России действительно пострадала. Во-вторых, Парижская коммуна могла проводить выборы лишь в осажденном Париже.

Выборы происходили путем всеобщего, равного, тайного и прямого голосования. В этих выборах участвовал весь восставший парижский народ. Правда, что Парижская коммуна не объявила о лишении контрреволюционеров права голоса, но, очевидно, у нее не было в этом нужды, ибо обстоятельства, при которых разразилась революция 18 марта, были таковы, что подавляющее большинство парижского народа — пролетариат и мелкая буржуазия — встало грудью на защиту ее дела. В своем рапорте Генеральному Совету Первого Интернационала, изданном под названием *«Гражданская война во Франции»* Маркс между прочим говорит:

«В своем упорном нежелании продолжать гражданскую войну, начатую Тьером ночной экспедицией против Монмартра, Центральный комитет сделал роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещичьей палаты. Вместо этого партии порядка дали снова возможность испытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта. В этот день «люди порядка» усердствовали в ма́риях Парижа с речами примирения, давая себе, разумеется втайне, торжественную клятву в свое время кроваво отомстить своим чрезмерно великодушным победителям» *.

Из этой цитаты следует, что допуск «партии порядка», врагов пролетарской революции к участию в выборах Маркс считал ошибкой Парижской коммуны. Но Каутский не допускает, чтобы русская пролетарская революция использовала опыт Парижской коммуны и избежала ее ошибки по отношению к контрреволюционерам, хотя бы и украшенным именем «социалистов». К тому же Парижская коммуна еще не находилась в состоянии гражданской войны. Лишь после выборов в Коммуну (26 марта) она была вынуждена поднять перчатку гражданской войны, которую ей неоднократно бросала контрреволюционная буржуазия. Если бы Коммуна сумела удержать власть и распространить ее по всей стране, то она ничего бы не оставила от той «демократии», по которой плачет Каутский, а вместе с ним проливают крокодиловы слезы все социал-патриоты, «широкие социалисты» и вообще

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр. 472.— Ред.

всякие прислужники контрреволюционной буржуазии. И здесь мы подходим к одному вопросу, имеющему для нас огромное практическое значение, но который Каутский не рассматривал никогда, даже в своих новейших писаниях, вроде *«Социальной революции»* и *«Пути к власти»*. Это вопрос о *диктатуре пролетариата*, или иначе говоря, об *отношении пролетарской революции к государству*. Каутский избегал останавливаться на этом вопросе. Еще в 1890 г., в своем ответе на бернштейновские *«Предпосылки социализма»* он писал: «Решение проблемы пролетарской диктатуры мы совершенно спокойно можем предоставить будущему». По-видимому, Каутский никогда не верил в близкое торжество социализма, потому и оставлял будущему решение «проблемы пролетарской диктатуры». Но вот это «будущее» наступило еще при его жизни и «проблема пролетарской диктатуры» получила практическое разрешение. Однако для Каутского это разрешение оказывается совершенно непонятным. Впрочем, вопрос о пролетарской диктатуре был, хотя и не полностью, разрешен еще в 1871 году парижским пролетариатом. Свое введение к третьему немецкому изданию брошюры Маркса *«Гражданская война во Франции»*, написанное в 1891 г., Энгельс завершает следующими словами:

«В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» *.

А то, что сейчас происходит в России, в Венгрии, в Германии является диктатурой пролетариата в более широких масштабах, чем диктатура пролетариата лишь в одном Париже. Но при всем этом и теперь Каутский не понимает этой диктатуры. Для него она означает уничтожение «демократии», свободы критики, свободы слова, вообще свободы. Таким образом, Каутский впадает в полное противоречие с учением Маркса — Энгельса о диктатуре пролетариата, т. е. об отношении пролетарской революции к современному государству, будь оно монар-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр. 444. — Ред.

хически-конституционным или демократически-республиканским.

Действительно, цитируя Манифест Центрального комитета Парижской коммуны от 18 марта, в котором оповещается, что парижские пролетарии взяли «правительственную власть» в свои руки, Маркс говорит, что рабочий класс «не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» *, и что первой задачей Парижской коммуны было разрушение государственной машины и замена ее новой. К решению этой задачи Коммуна приступила сразу же после захвата власти. В этом и состоит сущность пролетарской диктатуры. Пролетарская революция разрушает современное государство и заменяет его системой, которая во Франции (в случае удачи) была бы названа коммунальной и которая ныне называется *системой советского управления* или *Советской республикой*. Очевидно, что в этой системе не может быть места для «демократии», для участия в этой системе тех, которым «демократия» служит и против классовых интересов которых создана система для ликвидации классового господства. В письме к Бебелю от 18—28 марта 1875 года по поводу Готской программы Германской социал-демократической партии Энгельс писал: «Пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» **. Еще в «*Манифесте Коммунистической партии*» Маркс и Энгельс писали следующее:

«Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество».

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, 1955, стр. 474.—Ред.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том XXVI, 1935, стр. 386.—Ред.

На той же странице, чуть ниже, они продолжали:

«Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат *основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии*» *.

Из выделенных мною курсивом строк в этих двух цитатах следует, что, по Марксу и Энгельсу, пролетарская революция, чтобы достигнуть своих собственных целей и осуществить коммунизм, разрушает современное государство вместе с «демократией» (поскольку она существует в нем), вместе со «свободой критики» и т. д., и заменяет его системой управления, отвечающей интересам трудящихся классов, системой Советов, Советской республикой, основанной на всеобщем, равном, тайном и прямом голосовании всех ее борцов и защитников.

Но Каутский выступает против диктатуры пролетариата, как ее обосновали Маркс и Энгельс, и тем самым входит с ними в прямое противоречие. Таким образом, Каутский и все «другие социалисты», выступающие ныне против диктатуры пролетариата под маской защитников «демократии», вольно или невольно идут на помощь контрреволюционерам, стремясь вставить палки в колесницу пролетариата и трудящегося крестьянства, борющихся за свое освобождение и освобождение всех угнетенных и поработенных классов и народов от капиталистического ига.

Журнал «Ново време»,
книга 1, 1919 г.

Переведено с болгарского
по тексту книги:
Димитр Благоев. Избранные
произведения в двух томах,
том II. София, 1951, стр. 423—433
Перевел Л. В. Воробьев

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., том 4, стр. 435 (курсив Д. Благоева).— Ред.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга Д. Благоева *«Що е социализъм и има ли той почва у нас?»* издана в 1891 г. (под псевдонимом Д. Братанов) в г. Тырнове, как первый выпуск «Еолгарской социал-демократической библиотеки» («Българска социалдемократическа библиотека»). Против провозглашенных в книге Д. Благоева идей выступил народник К. Прокопиев (псевдоним русского народника Дебагория Владимировича Мокриевича (1848—1926), с 1885 г. поселившегося в Болгарии), доказывавший, что Болгария — страна мелких собственников, в которой нет почвы ни для капитализма, ни для социализма. В полемике с К. Прокопиевым Д. Благоев теоретически разгромил болгарских народников.

Позже, в книге «Введение в историю социализма в Болгарии» («Принос към историята на социализма в България»), опубликованной в 1906 г., Д. Благоев отмечал, что в данной работе можно заметить «следы влияния лассальянских идей на социалистическую мысль автора...». — 14.

² Речь идет о статьях Захария Стоянова, опубликованных в газете «Свобода». На страницах этой газеты (№№ 111—113 от 20 декабря 1887 года) Захарий Стоянов в трех статьях, озаглавленных «Социализм в Болгарии», полемизировал с Димитром Благоевым, «доказывая», что в Болгарии невозможно даже думать об установлении социализма, потому что все требования «социалистов, нигилистов и демократов», полностью законные в России, Франции и Бельгии, в Болгарии осуществлены.

«Свобода» (1886—1898) — газета, до 1894 г. правительственный официоз. На своих страницах «Свобода» поддерживала резко антисоциалистическую, националистическую, русофобскую политику. — 14.

³ Имеется в виду мелкобуржуазное народническое течение «сиромасомилства» («любви к беднякам»), возглавлявшееся Спиро Гулабчевым (вторая половина 80-х годов XIX в.). См. подробно — Д. Благоев «Принос към историята на социализма у нас», гл. «Сиромасомилство», стр. 123—126, Партиздат, 1949 г. — 14.

⁴ *Земледельческие кассы*, существовавшие еще с первой половины XIX в., как организации крестьянской взаимопомощи, были в 1862 г. преобразованы турецким губернатором Дунайского вилайета (Северная Болгария) Митхад-пашой в кредитные учреждения. После освобождения Болгарии от турецкого ига в 90-е годы кассы были реорганизованы в капиталистическое учреждение сельскохозяйственного кредита, с 1903 г. — «Болгарский земледельческий банк». — 15.

⁵ *Самсар* — посредник, комиссионер. — 24.

⁶ Институт *разъездных учителей* по сельскому хозяйству был создан в 1889 году. Вначале было назначено на всю страну только 5 человек, из которых один с высшим, а остальные со средним сельскохозяйственным образованием, полученным в болгарских средних сельскохозяйственных училищах. В 1892 году их число увеличилось до 18 человек, в 1897 году — до 32, в 1907 году — до 44, в 1912 году — до 65 человек. Этот институт просуществовал до первой империалистической войны. Эти учителя должны были рекламировать среди крестьян сельскохозяйственные машины и учить пользоваться ими, в чем была заинтересована группа импортеров сельскохозяйственных машин. — 25.

⁷ На лионских шелковых фабриках и мастерских работало около 30 тыс. ткачей. После июльской революции 1830 года импорт сырья прекратился, и лионские фабриканты сократили зарплату с 4 до 0,9 франка. Против демонстрации протеста рабочих была направлена национальная гвардия. В результате двухдневного сражения рабочие овладели городом, который оставался в их руках в течение 10 дней. Против восставших рабочих правительство бросило целый корпус войск, который захватил город и жестоко расправился с повстанцами. Лионское восстание произвело сильное впечатление на рабочих всех стран Европы. — 56.

⁸ Имеется в виду *чартистское движение*. В 1842 году чартисты составили петицию с политическими и экономическими требованиями, которые подписали 3 000 000 человек. Правительство отклонило петицию. В ответ на это чартисты объявили стачку, которая была, однако, плохо организована. Руководители стачки и чартистского движения были арестованы и отданы под суд. — 56.

⁹ В 1891 году в газетах сторонников Стамболова появился ряд статей о необходимости введения избирательного ценза. Однако закон об ограничении избирательного права не был принят Народным собранием. — 83.

¹⁰ Закон о наследстве, принятый в 1891 году, оставался в силе до 1948 года. — 83.

¹¹ Положение о «*децентрализации государства и его преобразовании в федеративный союз производственных общин*» было дано и в первой программе, принятой на Бузлуджанском конгрессе в 1891 году (см. «Первая программа и первый устав БРСДП» в журнале «Исторически преглед», год IV, книга 2). На тырновском конгрессе, на котором старая программа, составленная по подобию программы Бельгийской социал-демократической партии, была отменена и принята новая программа, разработанная на основе программы Германской социал-демократической партии. В ней положение о децентрализации государства было исключено, как не соответствующее принципам научного социализма. — 88.

¹² Статья Д. Благоева «*Марксизм или бернштейнианство?*» опубликована в кн. 10—11 журнала «Новое время» («Ново време») (1897—1923), теоретического органа Болгарской рабочей социал-демократической партии, за 1901 г. — 94.

¹³ Книга Эдуарда Бернштейна «*Предпосылки социализма и задачи социал-демократии*», ревизовавшая революционный марксизм, вышла в свет в 1889 г. На болгарском языке издана в 1901 г. — 94.

¹⁴ *Минцесс Б. и Пасманик* (Деборов и Велинов) — русские народники-эмигранты, полемизировавшие с Д. Благоевым по вопросам развития капитализма и социализма в Болгарии.— 95.

¹⁵ *«Работнически вестник»* («Рабочий вестник») (1897—1924) — газета, орган Болгарской рабочей социал-демократической партии.— 95.

¹⁶ *Тэн Ипполит* (1828—1893) — буржуазный французский теоретик искусства и литературы, философ-позитивист, историк. Попытка исторического объяснения художественных явлений, о которой упоминает Д. Благоев, носит у Тэна абстрактный характер; он не учитывает классовой борьбы внутри «единой нации». — 100.

¹⁷ В 1898—1899 гг. оппортунисты во главе с Я. Сакизовым выступили с требованиями «свободы печати», «широкой» парламентской деятельности. Несмотря на то, что V съезд БРСДП в г. Ямболо (1898 г.) запретил частную пропаганду от имени партии, Я. Сакизов и его сторонники начали в сентябре 1900 г. издание журнала «Общее дело» («Общо дело»), где призывали к пересмотру «устаревшей» теории Маркса и Энгельса, к ее «широкому» толкованию. Я. Сакизов и др. отрицали марксистскую теорию классовой борьбы, утверждали, что в Болгарии нет почвы для нее, а есть «общее дело» крестьян, ремесленников, пролетариев, капиталистов, которые должны объединиться для ликвидации реакционной монархии и правительства и проведения демократических преобразований. Они обвиняли Благоева и его сторонников, большинство партии, в узком («тесном») понимании марксизма (отсюда «тесняки» и «широкие»).

VIII съезд БРСДП в Плевене (1901 г.) принял резолюцию Д. Благоева, Г. Киркова, Г. Георгиева, осуждавшую «широких». Съезд высказался за очищение партии от мелкобуржуазных элементов. IX съезд БРСДП в Тырнове (июль—август 1902 г.) принял резолюцию, предложенную В. Коларовым, осуждавшую «широких». За оппортунистическую деятельность и неподчинение решениям съездов партии X съезд БРСДП (июль 1903 г.) исключил Я. Сакизова, Г. Дабева и ряд других лиц и оппортунистических организаций из партии.

«Общее дело» («Общо дело») — журнал, орган «широких социалистов», выходивший с 1901 г.— 113.

¹⁸ *П. Д.* — инициалы Петра Джидрова, одного из вождей партии «широких социалистов». После 9 сентября 1944 г. Джидров был осужден, как активный сотрудник немецко-фашистской пропаганды в Болгарии.— 114.

¹⁹ VIII съезд Болгарской рабочей социал-демократической партии состоялся 22—28 июля 1901 г. в г. Плевене. В резолюции по отчету ЦК тактика «общего дела» была осуждена как предательская по отношению к интересам рабочего класса.— 114.

²⁰ Статья Д. Благоева *«Оппортунизм или социализм»* опубликована в журнале «Новое время» («Ново време»), в кн. 12 за 1902 г.— 117.

²¹ *Георгиев Г.* — видный деятель и теоретик БРСДП (тесных социалистов), принимал активное участие в борьбе с народничеством и «широкими» социалистами.— 118.

²² *Кирков Г.* — видный деятель БРСДП (тесных социалистов), литератор. Активно участвовал в борьбе с оппортунизмом. — 118.

²³ *Senex*, т. е. старик, партийный псевдоним Д. Благоева. — 119.

²⁴ *Бакалов Г. И.* — видный деятель социал-демократического и коммунистического движения, историк, социолог и теоретик искусства. В 90-е годы принимал активное участие в борьбе с народничеством в Болгарии. — 119.

²⁵ *V съезд БРСДП*, состоявшийся 13—17 июля 1898 г. в г. Ямболе, обсуждал вопрос о характере революционной деятельности партии, о ее принципиальной политической независимости от буржуазных партий. — 120.

²⁶ Имеются в виду VI (Габровский, 1899 г.), VII (Сливенский, 1900 г.) и VIII (Плевенский, 1901 г.) съезды БРСДП, подчеркивавшие в своих резолюциях пролетарский характер партии. — 120.

²⁷ Имеется в виду следующее. В 1892 г. социал-демократическое течение Болгарии раскололось на две группировки — «партистов» и «антипартистов». «Партисты» (Д. Благоев, Г. Георгиев и др.) считали, что пришло время для создания самостоятельной, легальной партии рабочего класса, организованной на принципах демократического централизма. На II конгрессе партии в Пловдиве (август 1892 г.) было провозглашено создание Болгарской социал-демократической партии, и вскоре стал выходить ее печатный орган — газета «Работник». Оппортунистическая группировка «антипартистов» (К. Раковский, Я. Сакизов, Е. Дабев, К. БозвELLIев и др.) оформилась в 1893 г. в Болгарский социал-демократический союз и стала издавать газету «Товарищ» («Другар»), где пропагандировалась необходимость лишь экономических организаций рабочего класса и преждевременность организации партийного типа. Несмотря на несогласие Д. Благоева, в 1894 г. БСДП и БСДС объединились в одну партию, где Я. Сакизов и др. продолжали свою оппортунистическую деятельность. — 123.

²⁸ *Коларов В. П.* (1877—1950) — крупный болгарский марксист-теоретик, видный деятель Коминтерна и государственный деятель народно-демократической Болгарии; активно участвовал в борьбе с народничеством и ревизионизмом. — 131.

²⁹ Работа Д. Благоева «*К марксизму! Руководство к изучению марксистского учения*» («Към марксизма! Упътване за изучаване на марксовото учение») была выпущена отдельной брошюрой в 1911 г. — 142.

³⁰ Статья Д. Благоева «*Диктатура или демократия*» была впервые опубликована в журнале «Новое время» («Ново време»), кн. I, 1919 г. и дает представление о начавшемся процессе большевизации БРСДП. В этой статье Д. Благоев развивает и защищает идею диктатуры пролетариата против ренегатско-оппортунистических нападков К. Каутского. — 207.

³¹ *Международный конгресс II Интернационала* был созван в 1912 г. в Базеле (Швейцария) во время Балканских войн. — 213.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ И ИМЕЕТ ЛИ ОН ПОЧВУ У НАС? . .	14
<i>Предисловие автора</i>	—
<i>Глава I</i>	16
<i>Глава II</i>	31
<i>Глава III</i>	49
<i>Глава IV. Имеет ли социализм почву у нас?</i>	63
<i>Глава V. Заключение</i>	87
МАРКСИЗМ ИЛИ БЕРНШТЕЙНИАНСТВО?	94
ОППОРТУНИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?	117
К МАРКСИЗМУ! <i>Руководство к изучению марксистского учения</i>	142
<i>Предисловие</i>	—
Программа первоначального ознакомления с марксистским учением	144
<i>Раздел I. Марксистская идея прогресса</i>	—
<i>Раздел II. Философские основы марксизма</i>	—
<i>Раздел III. Объяснение основ и диалектики марксизма путем их применения</i>	—
<i>Раздел IV. Объяснение марксизма путем применения его к анализу исторического процесса</i>	145
<i>Руководство к изучению марксистского учения</i>	—
Введение	—
Раздел первый	147
<i>Глава первая. Марксистская идея прогресса (К разделу I программы)</i>	—

<i>Глава вторая.</i> Как совершается прогресс или общественное развитие?	154
<i>Глава третья.</i> Причина изменения экономического базиса общества	162
<i>Глава четвертая.</i> Философские основы марксизма. Теория познания и диалектический метод (<i>К разделу II программы</i>)	168
Раздел второй	175
<i>Глава первая.</i> Объяснение основ и метода марксизма путем их применения (<i>К разделу III программы</i>)	—
<i>Глава вторая.</i> Объяснение марксистской теории путем применения ее к анализу исторического процесса (<i>К разделу IV программы</i>)	195
ДИКТАТУРА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ	207
<i>Примечания</i>	218

Д. БЛАГОЕВ
ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ И ИМЕЕТ ЛИ ОН ПОЧВУ У НАС?
В Ы П У С К 2 3

Редактор Л. Г. Барулина
Оформление художника И. К. Байготорова
Технический редактор Е. М. Сербин
Ответственные корректоры
Е. И. Щукина и В. П. Аносова

Сдано в набор 18 июля 1959 г.
Подписано к печати 23 января 1960 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂ Физ. печ. л. 7.
Условн. печ. л. 12,21. Уч.-изд. л. 11,75.
Тираж 70 тыс. экз. А 01511. Заказ № 653.
Цена 2 руб. 75 коп.

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства
культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16,

2 р. 75 н.